

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ № 3-4 1933 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
3-й год издания

СОДЕРЖАНИЕ

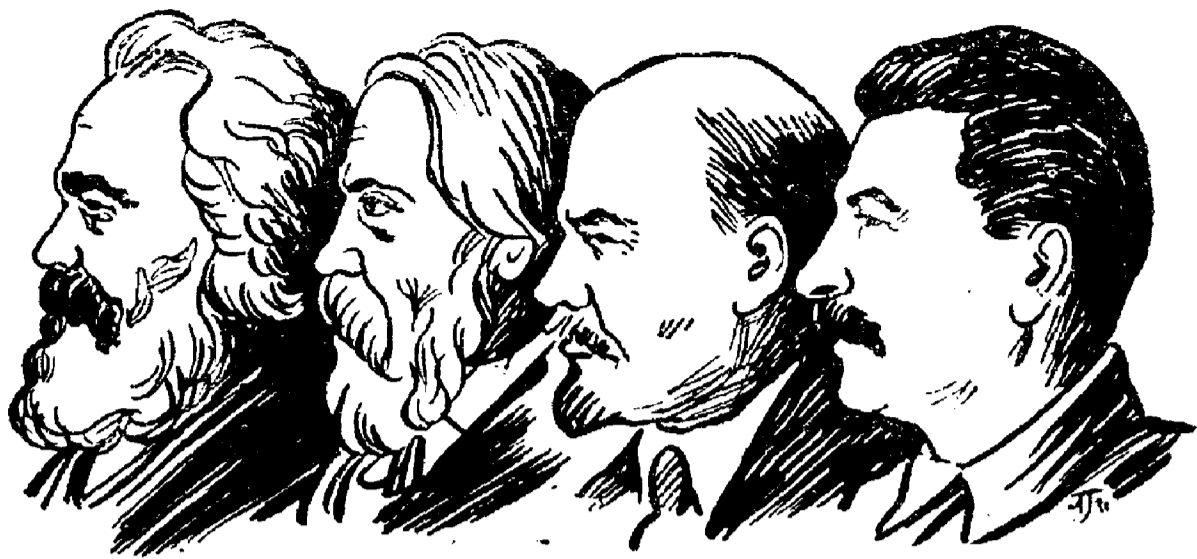
Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ПЕРЕДОВАЯ	
МАРКС—ЭНГЕЛЬС—ЛЕНИН—СТАЛИН	2
В. И. ЛЕНИН	
КАРЛ МАРКС	24
Ф. ЭНГЕЛЬС	
РЕЧЬ НА МОГИЛЕ МАРКСА	28
Б. ВОЛИН	
ТОВ. СТАЛИН О СУТИ И БУКВЕ МАРКСИЗМА	30
М. НЕЧКИНА	
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ „КАПИТАЛ“ МАРКСА	40
Г. САФАРОВ	
МАРКС—БОРЕЦ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ НАЦИЙ И КОЛОНИАЛЬНЫХ НАРОДОВ	60
М. НАРМИН	
ЭТАПЫ БОРЬБЫ	72
С. ДУДЕЛЬ	
ЭНГЕЛЬС ПОСЛЕ СМЕРТИ МАРКСА	84
ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ (Поль Лафарг и Вильгельм Либ- нхт)	102
Н. ВИЧ	
БИБЛИОГРАФИЯ	
К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКСИЗМ В САСШ В ЭПОХУ ДОВОЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (о книге избранных сочинений Даниэль де-Леона)	114

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Б. М. ВОЛИН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. М. ВОЛИН (отз. редактор), Т. М. ДУБЫНЯ, А. М. ПАНКРАТОВА, (зам. отв. редактора), И. П. ТОКИН (ответств. секретарь), Л. А. ФРУГ

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН — СТАЛИН

Пролетариат всего мира отмечает полувековую годовщину с того дня, когда перестало биться сердце основоположника научного социализма, величайшего борца за дело рабочего класса — Карла Маркса. Полстолетия отделяют нас от траурного дня 14 марта 1883 года, когда Маркс навеки уснул, работая за столом в своем кабинете. Это — полстолетие величайшей борьбы пролетариата с буржуазией. Во время этой борьбы пролетариат созданием большевистской партии, завоеванием своей диктатуры в шестой части мира и победоносным строительством социализма, созданием Коммунистического интернационала одержал ряд побед всемирного исторического значения, обеспечивающих победоносное завершение дела международной пролетарской революции. Это — полстолетия борьбы за революционный марксизм против буржуазии и ее «социалистической» агентуры в рабочем движении, пытающейся поразить марксизм прямой атакой и внутренней разлагающей работой. Это — полстолетия борьбы за то, чтобы марксистской теорией овладели широчайшие массы, за то, чтобы она тем самым превратилась в материальную силу, играющую важнейшую роль в борьбе пролетариата за установление своей диктатуры. Марксизм, говорил Энгельс, «не догма, а руководство к действию», — и непобедимая сила марксизма заключается именно в том, что он является руководством для действия революционного пролетариата. Это — полстолетия борьбы за дальнейшее развитие марксизма, за развитие, являющееся прямым продолжением дела Маркса в условиях новой исторической эпохи.

Всеми своими победами на пути классовой борьбы пролетариат обязан тому, что он борется под знаменами революционного марксизма, что он действует так, как его этому учил Маркс. Борьба за дело Маркса, это значит бороться за диктатуру пролетариата, идя к этой цели через все повороты истории. Это значит смотреть на мир бесстрашным взглядом революционной теории Маркса, которая «прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить, таким образом, пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией» (Ленин, т. I, стр. 218).

Назначение своей теории Маркс видел именно в том, чтобы дать пролетариату могучее оружие в его борьбе за изменение мира, за завоевание диктатуры пролетариата, за построение социалистического общества.

Основное, что характеризует учение Маркса, состоит в неразрывном соединении высшей научности с непримиримой и последовательной революционностью. Для Маркса борьба за дело и победу пролетариата является целью науки. Он видит задачу своего учения прежде всего в том, чтобы дать рабочему классу «истинный лозунг борьбы», т. е. вскрыть объективные причины этой борьбы, показать ее необходимость, наметить ее цели.

Единство революционной теории с революционным действием пронизывает все учение Маркса.

Когда Ленин, определяя, что такое марксизм, говорит, что «марксизм — это научная трезвость анализа плюс признание огромного значения революционной энергии, инициативы масс», он подчеркивает это основное в марксизме — соединение научности с революционностью, присущие ему глубочайшее познание законов развития человеческого общества и величайшую веру в творческую силу пролетариата.

Марксизм представляет собою последовательное научное мировоззрение, цельное и неразрывное во всех своих частях и прежде всего в отношении своего центрального пункта — учения о борьбе за диктатуру пролетариата и социализм. Это — мировоззрение пролетариата, охватывающее все стороны жизни людей, все стороны и формы их сознания, все вопросы развития человеческого общества и природы, и прежде всего — все вопросы, связанные с условиями борьбы рабочего класса за свое освобождение. Основой этого учения является материалистическая диалектика. Формулируя задачи материалистической диалектики, Маркс в своем 11-м тезисе о Фейербахе писал: «Дело не только в том, чтобы объяснить мир, но дело в том, чтобы изменить его». Вот в чем задача философии! Наша пролетарская философия — активная революционная философия; наша теория внутренне, неразрывно связана с практикой классовой борьбы пролетариата.

Создавая материалистическую диалектику, Маркс не просто отбросил все философские учения того времени, — он материалистически переработал их. Переработав Гегеля, «по-материалистически», преодолев ограниченность февербахизма, Маркс, восприняв и переработав все лучшее, что было создано в предшествующую эпоху, создал новое философское мировоззрение — *диалектический материализм*. Этот диалектический материализм, по самой природе своей, по самой основе своей, не является теорией, подобной домарксовым теориям, которые занимались только «объяснением мира». Он — оружие в борьбе за изменение мира. Таким образом уже самая философия Маркса говорит о необходимости *практической борьбы для осуществления теоретических задач*.

Надо изменить мир — такова была данная Марксом революционная формулировка самых сокровенных тайн и самых глубоких задач философии. Подлинно социалистическая теория рождается только на основе опыта массовой борьбы. Поэтому для того, чтобы не отставать от времени, для того, чтобы быть впереди, для того, чтобы светом теории освещать путь, который только еще предстоит пройти, — для этого теория должна основываться на опыте рабочего движения, обобщать этот опыт, находить в нем главное и основное, улавливать те формы, которые ведут к более совершенным способам борьбы рабочего класса. Нужно такое соединение теории с практической борьбой, при котором практика не будет слепой, ибо она будет освещаться светом теории, и при котором теория не будет пустой, ибо она будет все время наполняться новым содержанием, обобщением нового опыта рабочего движения.

Неразрывное единство теории и практики, революционного миропонимания и революционного действия было установлено Марксом с самого начала его социалистической борьбы. Он поднял научную трезвость и ясность анализа на необычайную высоту именно потому, что его научное мировоззрение было оплодотворено, обогащено, наполнено верой в твор-

ческую силу масс. С замечательной прозорливостью, с гениальной чуткостью распознал Маркс в первых шагах рабочего движения той эпохи историческую миссию пролетариата. В лионских восстаниях, в чартистском движении, в восстаниях силезских ткачей он увидел проявление основного противоречия эпохи капитализма — противоречия между пролетариатом и буржуазией, разрешением и ликвидацией которого является построение бесклассового социалистического общества.

И уже в 1841 г. Маркс вместе с Энгельсом провозгласил революционное действие масс основой исторического прогресса. «История не делает *ничего*... — писали они в своей критике воззрений Бруно Бауэра, — не история, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. История — не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком, как средством для достижения своих целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» («Святое семейство»).

Три года спустя в «Ниццете философии», а особенно в «Коммунистическом манифесте», Маркс и Энгельс показали, что эта деятельность преследующего свои цели человека представляет собою процесс классовой борьбы и что историческим итогом этой деятельности является завоевание диктатуры пролетариата и уничтожение классового общества.

Нарастание революционной борьбы в Западной Европе накануне революции 1848 г. и прежде всего опыт рабочего движения позволили Марксу вскрыть основные струны развития капиталистического общества и понять *направление* этого развития. В решительной и острой борьбе против различных теорий мелкобуржуазного социализма Маркс выработал теорию и тактику пролетарского социализма. Он стал во главе одной из первых политических организаций пролетариата — Союза коммунистов, для которого вместе с Энгельсом написал великий «Манифест Коммунистической партии». В нем было «с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мировоззрение, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (Ленин, т. XVIII, стр. 6).

Гениальная прозорливость Маркса позволила ему понять всемирно историческую роль пролетариата уже тогда, когда рабочий класс не представлял еще собой самостоятельную организованную политическую силу. Будучи еще в значительной степени составленным из ремесленных подмастерьев, из рабочих капиталистических мануфактур и разрозненных, большей частью мелких предприятий, пролетариат того времени не мог с самого начала иметь развитое социалистическое сознание. Стихийно устремляясь в русло самостоятельной классовой борьбы, он был в то же время охвачен буржуазными и мелкобуржуазными предрассудками. И вот в это время, когда буржуазия еще находилась на подъеме, когда общая линия развития капитализма шла еще вверх, когда капиталистическая формация развивалась еще по восходящей линии, выступил на сцену Маркс, который провозгласил лозунг, поразивший всех его современников, увлекший за собой сначала незначительную, а потом все большую и большую часть сторонников и прозвучавший навсегда как самый революционный, самый могучий призыв к освобождению рабочего класса. Этим лозунгом были заключительные слова первого программного документа классовой борьбы пролетариата — «Коммунистического манифеста»: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

Этот клич был «истинным лозунгом борьбы» для международного пролетариата, истинным именно потому, что в нем, как и во всем марксизме, соединялась *научная трезвость анализа с верой в творческую силу масс*. Призыв к объединению пролетариев всех стран для совместной борьбы против капитализма был прямым выводом из познания законов

развития капиталистического общества и всемирно исторической роли пролетариата.

Для Маркса классовая борьба отнюдь не была элементом или частью или просто одной из движущих сил исторического процесса, и заслуга их заключается совсем не в том, что они открыли классовую борьбу.

Маркс не просто признал классовую борьбу движущей силой исторического развития. О борьбе классов говорили и до него. Основное в учении Маркса заключается в том, что он впервые показал, что классовая борьба представляет собою внутреннюю движущую силу исторического процесса, которая, вырастая из определенных условий материального общественного производства и будучи связана непосредственно с материальными условиями существования различных классов, неизбежно ведет к диктатуре пролетариата. Пролетариат устанавливает свою диктатуру, ломает государственную машину буржуазии. Создав свое классовое государство, он ведет борьбу за построение бесклассового социалистического общества.

Маркс и Энгельс поставили вопрос о социалистическом строе не как вопрос о желании, о мечтаниях, а как вопрос, научно доказанный, материалистически разработанный, как вопрос, который непосредственно вытекает из изучения диалектики развития внутренних противоречий буржуазного общества. Эта диалектика развития противоречий буржуазного общества заключалась, как сказали Маркс и Энгельс уже в 1847 г., в том, что общественное развитие идет в направлении диктатуры пролетариата. «Пролетариат, — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», — путем революции превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения». Это была первая формулировка того центрального понятия, того центрального лозунга во всей политической борьбе рабочего класса, который стал основным лозунгом борьбы всего мирового рабочего движения вплоть до наших дней, т. е. это была первая формулировка диктатуры пролетариата.

В своем знаменитом письме к Ведемейеру (5 марта 1852 г.) Маркс писал, как известно, что суть его работы заключалась в том, чтобы доказать следующее: «1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов, к обществу без классов».

Спортунисты из II интернационала, желавшие впоследствии доказать, что Маркс и Энгельс вовсе не стремились к установлению диктатуры пролетариата, искажали текст «Коммунистического манифеста» и не хотели признать, что в словах «организация пролетариата в господствующий класс» вложена в своей первичной форме та мысль, которая потом получила свое дальнейшее развитие и которая формулируется известными теперь всему миру словами «диктатура пролетариата».

Со времени появления «Коммунистического манифеста» история борьбы рабочего класса против буржуазии стала историей все более и более полной победы революционного марксизма. Маркс и Энгельс всю свою жизнь научно разрабатывали учение о неизбежности экспроприации экспроприаторов, неизбежности крушения капиталистического общества, и нет ни одного их произведения, ни одного их выступления, в котором не трактовался бы вопрос, так или иначе связанный с этой центральной проблемой борьбы рабочего класса, являющейся поэтому центральной проблемой и политической экономии и философии, центральной проблемой социализма.

В своих гениальных произведениях — и прежде всего в «Капитале» — Маркс с необычайной глубиной и с потрясающей революционной

страстью доказал неизбежность краха капитализма и показал всемирно историческую роль пролетариата. Он дал ей широкое философское, экономическое и историческое обоснование. В этом главном своем произведении Маркс вскрыл закон движения капиталистического общества. Он показал, как развивается товарное общество, как оно превращается в общество капиталистическое, как развивается антагонизм внутри капиталистического общества между буржуазией и пролетариатом, как развитие самого буржуазного общества означает развитие его собственных коренных противоречий. Он показал «историческую тенденцию капиталистического накопления».

Применив материалистическую диалектику к изучению законов развития человеческого общества, установив материалистическое понимание истории, Маркс согласовал «науку об обществе» с материалистическим основанием и перестроил ее согласно этому основанию. Так возник исторический материализм — научная революционная теория, показывающая, что общественное сознание определяется общественным бытием, устанавливающая объективные закономерности в развитии общественных отношений и охватывающая действия масс. Созданием теории исторического материализма «марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил... Маркс указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» (Ленин, т. XVIII, стр. 13).

Теория исторического материализма представляет такое же обоснование неизбежности краха капитализма и необходимости борьбы за диктатуру пролетариата, как и экономическая теория Маркса. Все свое учение Маркс создает на широком историческом обосновании. Он впервые поставил изучение исторического процесса на научную почву, «установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Ленин). В «Капитале» и в других своих произведениях Маркс вскрыл законы развития всех этих общественно-экономических формаций, остановившись с наибольшей полнотой и с исчерпывающей ясностью на формации капиталистической. Он показал как производственные отношения этой эпохи, так и соответствующие им формы классового антагонизма — и исторически обосновал главное в своем учении.

Коренным свойством марксизма является то, что он *пассквозь историчен*. Каждый вопрос общественной жизни он ставит в определенные исторические рамки, выясняя общие особенности эпохи, о которой идет речь, и конкретные свойства той или иной страны. Для марксизма нет «вне-временных» проблем, каждый вопрос он ставит конкретно-исторически. И Маркс, создавая свое учение об общественно-экономических формациях, дал замечательнейшее обобщение и анализ особенностей всех исторических эпох, и прежде всего эпохи капитализма.

Его анализ капитализма однако не ограничивается определением общих закономерностей капитализма. В своих исторических трудах («Капитал», а также «18 брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции», «Гражданская война во Франции», многочисленные статьи по поводу крупнейших событий в Европе, Америке, в России в XIX столетии, папонец переписка) Маркс дал образец соединения конкретно-исторического анализа с общим теоретическим и историческим анализом эпохи.

Ленин в одной из своих статей по поводу переписки Маркса и Энгельса специально отмечал это гениальное умение Маркса дать анализ конкретных особенностей развития данной страны и рабочего движения в ней с точки зрения общих, конечных целей интернациональной борьбы рабочего класса. Этот анализ всегда имел своим выводом непосредственное указание на конкретные задачи рабочего класса и его авангарда в данной стране. Маркс впервые создал подлинную историческую науку, поставив ее по своему содержанию, по своим целям и непосредственным задачам на службу революционной борьбе пролетариата.

Все вопросы классовой борьбы пролетариата Маркс неразрывно связывает с задачами революционного действия. Главная идея марксизма — диктатура пролетариата — представляет собою законченное воплощение этого активного революционного действия. Маркс и Энгельс никогда не считали, что одного установления законов развития капиталистического общества достаточно для того, чтобы привести его к гибели. Они отнюдь не думали также, что капиталистическое общество разрушится само, в силу собственных внутренних противоречий. Для его разрушения необходима активная и организованная борьба рабочего класса. И величайшей заслугой Маркса является именно доказательство того, что могильщиком капитализма является рабочий класс, который, используя теоретически установленные противоречия капиталистического общества, разрушает буржуазный порядок и осуществляет «внутренние потенции» (Маркс), внутренние возможности создания условий нового общества, заложенные развитием самого буржуазного производства.

Маркс, впервые раскрывший тайну классовой борьбы и основную линию движения классового общества, поставил своей задачей теоретически и практически определить те пути борьбы, на которых пролетариат отделится от общей массы демократических борцов, превратится в самостоятельную политическую силу и добьется установления своего собственного политического господства. Поэтому Маркс никогда не отдалялся от революционной борьбы своего времени. Усиленно работая над главным произведением своей жизни — над «Капиталом», Маркс (как и Энгельс, работавший над целым рядом произведений, вошедших в сокровищницу марксизма) все время непосредственно руководил рабочим движением, а после — и социал-демократическими партиями, возникшими в отдельных странах. Маркс был активным участником революционных боев 1848 года. Он был помощником и в той мере, в какой это оказалось возможным, — непосредственным руководителем парижских коммунаров в великие дни 1871 года. Он же был организатором и руководителем германской социал-демократической партии, возникшей в 70-х годах прошлого столетия. Он же был организатором I интернационала, он и Энгельс были организаторами главных западноевропейских социалистических партий.

Марксизм никогда не представлял собой застывшую догму, в которой рав и навсегда дано все необходимое. Марксизм всегда развивался. В связи с изменением социальной и политической обстановки, в связи с изменением материальных и идеологических условий существования и борьбы рабочего класса марксизм, обогащаясь опытом классовой борьбы, должен был приходить к новым формулировкам конкретно исторических задач, иногда даже отрицавшим прежние положения, правильные для своего времени, для определенного исторического периода. Все дело заключается в том, говорили не раз Маркс и Энгельс, чтобы изучить конкретную историческую обстановку. Душа марксизма, его революционная сущность заключаются именно в умении учитывать конкретную историческую обстановку в свете общих задач и конечной цели рабочего класса.

Руководя рабочим движением в западноевропейских странах, Маркс и Энгельс подходили к рабочему движению каждой страны с учетом

своеобразие исторических условий. Так, Маркс и Энгельс, руководствуясь основными принципами своего учения, обязательными для рабочего движения во всех странах, тем не менее по-разному в различные периоды ставили конкретные вопросы о единстве рабочего класса, о единстве партии, о расколе, о формах борьбы с оппортунизмом и т. д. Марксизм развивался в неразрывной связи с развитием всего исторического процесса в целом, обогащаясь новыми формами борьбы рабочего класса и обогащая рабочее движение светом революционной теории. Маркс и Энгельс не раз говорили, что для того, чтобы победить буржуазию, рабочий класс должен в основной своей массе понять новое учение о способах борьбы против буржуазии, о революционном насилии, о пролетарской революции, о необходимости установления пролетарской диктатуры. Но к этому пониманию рабочий класс приходит далеко не сразу и не просто, не прямыми, гладкими путями. Он приходит к нему в борьбе с враждебными ему классовыми влияниями — и вся жизнь Маркса и Энгельса была заполнена борьбой за чистоту рабочего движения, борьбой за чистоту мировоззрения, борьбой за объединение передовых отрядов международного рабочего класса на основе теоретически точной, ясной для рабочего класса, научно обоснованной коммунистической программы.

Марксу пришлось, ни на минуту не прекращая разработки целого ряда сложнейших теоретических вопросов, бороться с самыми различными попытками подчинения рабочего движения влиянию буржуазии. Уже в 1848 году ему пришлось бороться с Стефаном Борном в Германии и с историческим предтечей меньшевизма — луиблановщиной — во Франции. Эти течения в рабочем движении наряду с прудонистскими, анархистскими течениями в последующий период пытались отвести рабочее движение в сторону от задач непосредственной политической борьбы в русло подчинения политики буржуазии. В течение всей своей жизни Маркс и Энгельс боролись за рабочее движение как за самостоятельное политическое движение, отделенное от мелкобуржуазной демократии, но связанное со всеми трудящимися массами, за рабочее движение, представляющее собой основную историческую силу общественного развития.

Вся жизнь Маркса заполнена этой неустанной теоретической и политической борьбой за самостоятельное рабочее движение. От Союза коммунистов 1846—48 гг., через I интернационал к организации самостоятельных политических партий во всех главнейших западноевропейских странах, — таков был путь политического закрепления марксизма в массовом рабочем движении. И нет ни одного сколько-нибудь крупного события в истории рабочего движения за период 40—80-х годов, которое прошло бы мимо Маркса и Энгельса.

За этот период истории рабочего движения Марксу и Энгельсу пришлось вести огромную борьбу на два фронта с различными попытками извращения марксизма и привнесения буржуазных идей в рабочее движение. Они стали во главе международного рабочего движения тогда еще, когда оно делало свои первые шаги по пути к сознательной классовой борьбе. Для того, чтобы стать на путь последовательного пролетарского социализма, пролетариату нужно было разделаться с огромным грузом предрассудков, привнесенных в рабочее движение мелкой буржуазией, изгнать из своих рядов мелкобуржуазных попутчиков, повести решительную борьбу против всех попыток буржуазного влияния.

Попытка извратить марксизм шли и справа и «слева». В германском рабочем движении Марксу пришлось вести ожесточенную борьбу, особенно в 60—70-е годы, против лассальянства и всяких «левых», анархистствующих течений. В эпоху I интернационала он провел борьбу против прудонистов, которые полностью отрицали политическую борьбу пролетариата, стремясь не допустить самого главного, что составляет историческую задачу рабочего класса, — пролетарской революции.

Едва кончилась борьба с прудонизмом, в которой марксизм одержал полную победу, как развернулась борьба с Бакуниным и бакунистами, которые, болтая о революционном насилии, о социальной революции, обезоруживали пролетариат, борясь против самого главного и центрального пункта в учении Маркса и марксизма — против диктатуры пролетариата. Как и всякие анархисты, бакунисты пытались обезоружить пролетариат в самом главном и самом существенном — в вопросе о необходимости для пролетариата установить свое политическое господство. Заслуга разоблачения этих лжереволюционных учений и освобождения рабочего класса от мелкобуржуазных попутчиков принадлежала именно Марксу и Энгельсу, и прежде всего Марксу, который клинком своего острого и беспощадного анализа вскрывал классовые корни всех этих течений, теоретически разбивал все установки правых и «левых» оппортунистов и, борясь за завоевание марксизмом международного рабочего движения, еще глубже развивал учение о диктатуре пролетариата.

С самого начала своей борьбы Маркс и Энгельс поставили вопрос о необходимости организации рабочего класса. Уже в «Коммунистическом манифесте» они заявили о существовании Союза коммунистов — организации, возникшей еще в 1846 г. Союз коммунистов, программа и тактика которого полностью оправдались сразу же в революции 1848 года, был первой, зачаточной формой политической организации пролетариата.

Исключительно велико значение директивных писем Маркса в центральные органы германской социал-демократии, вся борьба Маркса за революционную рабочую партию в Германии, особенно его «Критика Готской программы».

Маркс и Энгельс не разработали полностью учения о партии пролетариата. Они дали «основные наброски о партии как о передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества» (Сталин). Основываясь на опыте борьбы рабочего класса своего времени, Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что без специально созданной политической организации рабочего класса победа пролетариата невозможна. Но имея еще далеко не полный опыт пролетарской борьбы, они не занимались кабинетным искусственным выдумыванием для рабочего класса новых форм и видели свою задачу в том, чтобы всячески содействовать прогрессивному движению рабочего класса. Для своего времени они сделали в этом отношении самое гениальное, что только могли сделать люди. Они создали учение о диктатуре пролетариата, они дали нам в первоначальной форме идею гегемонии рабочего класса в отношении всех трудящихся и эксплуатируемых, они дали нам основные наброски теории политической организации пролетариата, они дали нам первую форму этой организации — Союз коммунистов и потом первую пролетарскую партию — Международное товарищество рабочих. Эти идеи в той или иной форме, в той или иной степени были даны первым программным документом марксизма — «Коммунистическим манифестом». Все последующее развитие марксизма было развитием этих центральных идей, заложенных в «Коммунистическом манифесте», и прежде всего учения о диктатуре пролетариата. Ленин и Сталин, явившиеся продолжателями учения Маркса и Энгельса, развивают принципы марксизма, обогащая их новыми теоретическими положениями благодаря обобщению опыта рабочего движения в новых исторических условиях, в новую эпоху.

Когда умер Маркс, Энгельс остался единственным руководителем и учителем международного рабочего движения. Рабочее движение за этот период поднялось на новую, более высокую ступень, придя в 80-х годах к созданию во всех главнейших странах самостоятельных политических организаций пролетариата — социалистических партий. Это создание самостоятельных политических партий рабочего класса дало возможность

оставить и разрешить вопрос о создании нового международного товарищества рабочих.

II интернационал был создан при непосредственном руководящем участии Энгельса, который явился душой рабочего движения за этот период (до 1895 г.), последовательно, беспощадно борющимся против оппортунизма; но в 1895 г. Энгельс умер, и во II интернационале, в силу целого ряда исторических причин, и прежде всего благодаря влиянию рабочей аристократии и бюрократии, стало укрепляться все больше и больше оппортунистическое руководство, пытавшееся направить все рабочее движение по буржуазному пути развития.

В этот период, т. е. к концу жизни Энгельса, выступает на арену политической борьбы тот человек, кому суждено было не только очистить марксизм от всех искажений, извращений и фальсификаций, сделанных II интернационалом, но который поднял марксизм на новую ступень, обогатил его новыми теоретическими положениями, развив учение Маркса применительно к задачам новой исторической эпохи. *Это был Ленин.*

Ленин стал во главе рабочего движения в ту эпоху, когда капиталистическое развитие вступило в новую фазу, фазу империализма. Наступление эпохи империализма не означало отрицания основных законов развития капиталистического общества; в новую эпоху эти законы одинаково так видоизменились, что перед рабочим классом встали новые задачи, характерные именно для этой эпохи. Особые исторические условия предшествующего сравнительно мирного развития капитализма (80—90-е годы XIX в.) дали оппортунистам возможность укрепиться в западноевропейских социалистических партиях и с начала XX в. возглавить социалистическое движение в Западной Европе и повести II интернационал по пути отрицания революционной борьбы рабочего класса, по пути фактического отказа от борьбы за диктатуру пролетариата. Новая эпоха — эпоха империализма и пролетарских революций — означала новые условия экономической, политической и теоретической борьбы рабочего класса. Для того, чтобы понять, как руководить рабочим классом в новых, изменившихся исторических условиях, надо было дать анализ этой новой эпохи, новой обстановки — анализ, целиком основанный на учении Маркса — Энгельса и развивающий их учение дальше. Довольствоваться прежними положениями теперь было уже нельзя. Надо было осознать, теоретически обобщить, по-новому осветить новые условия развития капиталистического общества, новые условия борьбы пролетариата. *Эту задачу выполнил Ленин.*

Что нового внес Ленин в марксизм? В беседе с американской рабочей делегацией Сталин дал яркую, исчерпывающую характеристику того нового, что внес Ленин в марксизм. Прежде всего Ленин, основываясь на «Капитале», основываясь на марксовом анализе основных законов развития капиталистического общества, раскрыл тайну эпохи империализма как монополистического, загнивающего, умирающего капитализма.

Ленин дал анализ империализма, установив основные законы развития капитализма в эту новую эпоху. Империализм — не просто капитализм. Империализм есть монополистический, загнивающий, умирающий империализм. Империализм есть «канун социалистической революции». Скачкообразность и катастрофичность развития капитализма являются основной чертой, характерной для этой эпохи. В прежнюю эпоху капиталистическое общество развивалось сравнительно мирными путями, сравнительно спокойно и плавно, но теперь этому прежнему периоду пришел конец. Неравномерность развития капиталистического общества стала одним из самых главных законов развития капитализма в новую эпоху. Именно основываясь на этом законе неравномерности развития капитализма, ставшем самым характерным признаком эпохи империализма,

Ленин и установил возможность «победы социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах» (Сталин).

В связи с этим по-новому встал и вопрос о диктатуре пролетариата и о борьбе за пролетарскую диктатуру. Ленин не просто очистил учение Маркса от тех извращений и искажений, которым это учение подверглось в эпоху II интернационала. Он развил это учение о пролетарской диктатуре дальше, конкретизировал его, обогатив новыми теоретическими положениями. Тов. Сталин показывает, что Ленин, во-первых, открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, во-вторых, разработал вопрос о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как «особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянство и пр.), являющимися руководимыми». Именно Ленин далее «подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)» (Сталин).

Установив возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране, Ленин поставил и разработал «вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму, в стране, окруженной капиталистическими государствами». Уже до Октябрьской революции Ленин разрешил проблему возможности построения социалистического общества в одной стране, если эта социалистическая страна не будет задрана интервенцией империалистических правительств; Ленин наметил конкретные пути экономической политики Советского государства. Наконец он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма» (Сталин).

Российскому пролетариату пришлось начинать свою борьбу за социалистическую революцию в условиях, когда непосредственные задачи, поставленные в порядок дня перед российской революцией, заключались в осуществлении задач пролетариата в буржуазно-демократической революции. Троцкисты и правые, искажая и фальсифицируя марксизм, пытались на этом основании утверждать, что большевизм был до 1917 г. учением о буржуазно-демократической революции. Это есть наиболее вульгарная и политически наиболее вредная попытка опорочить большевизм, являющийся прямым продолжением и развитием марксизма. Именно развивая дальше учение Маркса о диктатуре пролетариата, большевики установили необходимость гегемонии пролетариата во всякой народной революции.

Тов. Сталин отмечает, что «Маркс и Энгельс дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата», но они не могли разработать этого вопроса полностью, ибо только в новую эпоху, в новых условиях оказалось возможным поставить и разрешить во всей широте вопрос о привлечении на сторону пролетариата многомиллионных масс трудящихся и эксплуатируемых для того, чтобы повести их за собой в народной революции против буржуазии и против капитализма. Как отмечает т. Сталин, рабочие должны стать, согласно учению Ленина, не только ударной силой, но гегемоном, политическим руководителем всех эксплуатируемых масс города и деревни.

Большевики с самого начала, с первых шагов своей политической борьбы, рассматривали осуществление задач буржуазно-демократической революции как подступ, от которого рабочий класс немедленно и сразу же, совершая перерастание революции, будет переходить к задачам социали-

экономической революции, переводя задачи рабочего класса от одного этапа к другому этапу — более высокому.

Ленин развил дальше учение Маркса и в национально-колониальном вопросе. Тов. Сталин отмечает, что Ленин собрал воедино идеи Маркса и Энгельса «в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма», «связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма» и «объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции».

Маркс также занимался национальным вопросом, но национальный вопрос стоял в его эпоху иначе, чем он встал в эпоху империализма. Единственный процесс развития международной пролетарской борьбы рабочего класса в эпоху империализма означает втягивание в революционную борьбу широких угнетенных масс, прежде всего рабочего класса и крестьянства Востока, которые в целом ряде стран оказываются в своей непосредственной борьбе перед задачами буржуазно-демократической революции, но борьба которых за эту революцию и за перерастание ее в социалистическую в своих странах входит составной частью в общий поток, в общий процесс международной революционной борьбы рабочего класса. Именно эпоха империализма с ее новыми условиями дала возможность Ленину и Сталину поставить и разрешить вопрос о новых союзниках пролетариата в этой международной революционной борьбе.

Ленин раскрыл основные законы развития рабочего движения в эпоху империализма, раскрыл законы революционной борьбы пролетариата. Рабочее движение за всю эпоху II интернационала, сказал Ленин, есть борьба двух тенденций: революционной и оппортунистической. Революционная борьба пролетариата против буржуазии осложнена в эпоху империализма влиянием *рабочей аристократии*, получающей частицу монопольной сверхприбыли капиталистов и становящейся в силу этого заинтересованной в сохранении буржуазного строя. Рабочая аристократия стала *основным, главным* (хотя и не единственным) проводником буржуазного влияния на пролетариат.

Раскрыв социальные корни оппортунизма и формы и способы его влияния, надо было однако так организовать пролетариат, чтобы оппортунизм, фактически господствовавший во II интернационале и его партиях, был разгромлен, признан и чтобы *пролетариат был организован в партию нового типа*.

Надо было противопоставить социал-шовинизму, социал-империализму новую международную силу рабочего класса, которую Ленин, Сталин, большевики с самого начала своей деятельности и противопоставили оппортунизму. *Этой силой явилась партия большевизма — детище Ленина и Сталина*, «крепкая и умная коммунистическая партия, способная действительно руководить массами при всех и всяких поворотах истории (Ленин), основное орудие классовой борьбы пролетариата в новую эпоху, та революционная сила, которая, руководя пролетариатом и его массовой борьбой и сплачивая вокруг него широкие трудящиеся и эксплуатируемые массы, способна разрушить буржуазное господство и построить новое, бесклассовое, социалистическое общество.

Наброски мысли о необходимости создания такой партии пролетариата были и у Маркса. Ленин на основе опыта рабочего движения эпохи империализма, периода после Маркса и Энгельса, на основе точного определения задач, вставших теперь перед рабочим классом, установил, что «партия есть высшая форма классовой организации пролетариата», что «диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу», что «диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями» (Сталин). Наконец Ленин и Сталин с особой силой подчеркнули.

что «без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое».

Большевизм как политическое течение, как политическая партия существует с 1903 года. Создав свою партию, партию нового типа, Ленин (большевики) сразу же пошел на разрыв, на раскол с меньшевиками. Борясь в новых условиях новой эпохи за дальнейшее развитие марксизма, за победу марксизма как революционного учения пролетариата, Ленин (большевики) разоблачил и разрушил догмы II интернационала. II интернационал с его оппортунистической работой, искажая марксизм, фальсифицируя учение Маркса, стал проповедывать теорию, по которой пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. Вместо учения Маркса о пролетариате как основной революционной силе, сплачивающей вокруг себя трудящиеся массы, II интернационал выдвинул количественную теорию большинства рабочего класса, по которой пролетариат разоружался, оказываясь в положении класса, у которого нет перспектив, у которого нет средств для борьбы за свое господство. II интернационал стал проповедывать, что пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и административных кадров, способных наладить управление страной, — сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть.

В своих бессмертных заметках «О нашей революции», написанных по поводу записок Суханова, Ленин писал, что педанты и герои II интернационала совершенно не поняли решающего в марксизме — именно его революционной диалектики. Они обнаружили себя «как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней» и в то же время прикрывающие свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Оппортунизм не доводил признание классовой борьбы до самого главного — до диктатуры пролетариата, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее, т. е. оппортунизм ограничивал признание классовой борьбы областью буржуазных отношений. Герои II интернационала в своих теоретических рассуждениях не могли и не хотели выйти за пределы буржуазных отношений и создавали самые различные теории, имевшие своей целью увековечить буржуазное господство, доказать незыблемость основ буржуазного порядка. Вместо учения Маркса об огромных исторических возможностях, тающихся в революционном рабочем классе, о величайшей способности и готовности рабочего класса к самоотверженной революционной борьбе, о способности рабочего класса, если им руководит революционная, подлинно марксистская партия, изменить своей революцией исторические закономерности, свергнуть, разрушить буржуазный порядок и установить новый, социалистический строй, — вместо этого II интернационал стал проповедывать теорию уровня развития производительных сил, якобы необходимого для того, чтобы пролетариат мог взять власть в свои руки.

«До бесконечности шаблонным, — говорит Ленин, — является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации». «Если для создания социализма, — писал дальше Ленин, — требуется определенный уровень культуры (хотя

никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Ленин и Сталин в своем руководстве революционной борьбой русского и международного пролетариата, в своей борьбе за марксизм в новых условиях применили, развивая дальше, учение Маркса и Энгельса и в ожесточенной борьбе против II интернационала и его догм повели русский и международный рабочий класс по путям революционной борьбы за диктатуру пролетариата. Опыт Октябрьской революции, опыт победоносного строительства социализма в нашей стране показал, что рабочий класс, идя по пути, указанному Марксом много десятилетий тому назад, может добиться величайших побед, если он руководится подлинно марксистской, пролетарски-революционной партией, способной преодолеть всяческие препятствия.

За 50 лет, отделяющих нас от смерти Маркса, международное рабочее движение прошло ряд крупнейших этапов и поднялось на новую, высшую ступень. Самыми крупными событиями последнего периода его истории являются Октябрьская революция и организация Коммунистического интернационала, вступление СССР в период социализма и окончание первой пятилетки, благодаря которому впервые в истории человечества пролетариат приступил вплотную к полному построению бесклассового социалистического общества. Этой своей борьбой и своими победами пролетариат осуществляет гениальные пророчества основоположников научного социализма.

Впервые за всю историю человечества благодаря учению Маркса, развернутому и разработанному дальше Лениным и Сталиным, благодаря победе учения Маркса, Ленина, Сталина революционные массы, ведущие свою героическую борьбу под руководством величайшего вождя и теоретика международного рабочего движения т. Сталина, сумели довести свою победу до той ступени, когда анархия общественного производства заменилась организацией его по заранее обдуманному плану. Именно у нас, в СССР, благодаря величайшим историческим победам пролетариата прекратилась борьба отдельных личностей за существование, уничтожена неуверенность в завтрашнем дне, и мы впервые получили условия действительно человеческого существования. До нашего времени жизненные условия, окружавшие людей и господствовавшие над историей, диктовали людям законы их борьбы и всю их деятельность. Впервые эти условия — если говорить о внутренних условиях социализма в СССР — попали под нашу власть и контроль. Общественный строй стал нашим собственным свободным делом. Вопреки всем теориям II интернационала оказалось возможным выполнить то, чему учили Маркс и Ленин, — *построить социалистическое общество.*

Выступая против СССР и политики пролетариата, Каутский писал в своем «Материалистическом понимании истории», что общество вообще не может быть построено по плану. Общество, по Каутскому, «саморазвивается». В этом своем утверждении, как и во всех догмах II интернационала, Каутский выступает против основного, что характеризует революционный марксизм, против учения о пролетарской диктатуре, о социалистическом строительстве; он выступает против марксизма как соединения научной трезвости анализа с признанием огромного значения революционной энергии, инициативы масс. Ибо революционная энергия, инициатива масс — крупнейшая историческая сила, сила, способная повернуть движение истории, способная строить социалистическое общество, строить по плану, сознательно, если этой силой руководит большевистская партия.

Под руководством т. Сталина мы добились того, что вполне сознательно сами стали создавать свою историю. Вступление СССР в период социализма, совершаемый нами скачок из царства необходимости в царство свободы означают величайшую политическую и теоретическую победу марксизма. Мы добились этой победы потому, что во главе нашей партии и всего международного революционного движения стоит вождь, который догмам II интернационала, догмам современных социал-фашистов противопоставил дальнейшее развитие революционной теории Маркса—Ленина. Революционная теория складывается в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения. На наших глазах это массовое революционное движение поднялось на новую, более высокую ступень. Никогда рабочее движение не было так богато разнообразием форм, разнообразием содержания борьбы, как в последний период. Теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой революционной борьбы. Развитие учения Маркса—Ленина после смерти Ленина не остановилось. Это учение развивается дальше,—и историческая заслуга в теоретической разработке новых вопросов, вставших перед рабочим классом в связи с новой богатой практикой революционной борьбы, принадлежит именно Сталину, гениальному продолжателю дела Маркса—Ленина.

Ленин и Сталин разработали теорию социалистического строительства. Намеченные Лениным конкретные пути борьбы пролетариата за создание условий развернутого социалистического строительства, за полное построение социалистического общества т. Сталин разработал в стройную систему, в международного значения теорию о путях и способах социалистической индустриализации, принципиально отличающихся от путей и способов индустриализации капиталистической. Капиталистическая индустриализация, образование и развитие мощных промышленных государств, которые знал до последнего периода мир, проводились путем захвата и ограбления колоний, путем военного разгрома и контрибуций, путем кабальных концессий и займов, с различным комбинированием этих культурных способов. Капиталистическая индустриализация означала понижение материального уровня трудящихся масс, она приводила к обнищанию рабочего класса и пауперизации крестьянства. Победившая в СССР социалистическая индустриализация, проводящаяся под руководством т. Сталина, имеет принципиально иное, качественно отличное классовое содержание. Она привела к ликвидации безработицы, к уничтожению пауперизма, к повышению материального уровня рабочих и крестьянских масс, к превращению СССР в экономически самостоятельную, обороноспособную страну, способную отбить всякое нападение, и к созданию условий полного построения бесклассового социалистического общества.

Разработка и конкретизация т. Сталиным цельной и стройной теории социалистического строительства означали и означают дальнейшее развитие и конкретизацию учения Маркса—Ленина о диктатуре пролетариата, дальнейшую разработку всех составных частей этого учения. Тов. Сталин разработал вопрос о социалистической индустриализации, дал анализ законов построения социалистического хозяйства, показал пути его построения. Созданный и осуществленный под его руководством план первой пятилетки, план второй пятилетки воплощают в себе разработанные т. Сталиным указания Ленина о путях строительства социализма. Тов. Сталин разработал вопрос о путях вовлечения крестьянских хозяйств в русло социалистической переделки. Намеченные Лениным способы вовлечения крестьянства на путь социалистической реконструкции сельского хозяйства т. Сталин разработал в цельную и стройную систему различных, закономерно сменяющих друг друга исторических этапов союза рабочего класса с крестьянством. Именно благодаря своему точному теоретиче

скому предвидению массового подъема крестьянства за коллективизацию под руководством пролетариата и его большевистской партии т. Сталин выдвинул лозунг о ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Именно т. Сталин двинул дальше разработку национально-колонинального вопроса, а также вопроса о вовлечении различных отсталых народов, составляющих Союз ССР, с их различными социально-экономическими и бытовыми укладами, в победоносное социалистическое строительство в рамках единого социалистического наступления по всему фронту. Он разработал вопрос о некапиталистическом пути развития, о включении этих народов в единый социалистический организм, развивающийся по своим собственным законам, со своими собственными историческими закономерностями, принципиально отличными от закономерностей развития капиталистического общества.

Именно т. Сталин двинул дальше, основываясь на учении Ленина, разработку вопроса о партии как руководящей силе пролетарской диктатуры, об укреплении партии путем самокритики и очищения ее от оппортунистических, чуждых элементов, об укреплении ее силы путем ее теоретического роста, об увеличении ее политического влияния благодаря новым, все более полным и совершенным формам связи с массами.

Именно т. Сталин теоретически разработал вопрос о СССР как базе международной пролетарской революции. Октябрьской революцией был произведен раскол мирового капиталистического хозяйства, и рабочий класс, установивший свое политическое господство на одной шестой части земного шара, стал строить новое, социалистическое общество. Эта страна социализма противостоит капиталистическому миру отнюдь не как сектор мирового хозяйства, а как особая система хозяйства, особая система политики, при которой пролетариат создает новый строй общественных отношений, противостоящий капиталистической системе.

В этом вопросе особенно часто пытались исказить учение Ленина различные социал-демократические агенты нашей партии, и правые и «левые» оппортунисты, не понимавшие революционной диалектики. Они отрицали то, что усиление СССР путем победоносного социалистического строительства означает его укрепление как базы *международной пролетарской революции*.

Со времени вступления СССР в период социализма международное значение социалистического строительства стало особенно велико. Одержавшая величайшие исторические победы, мы делаем дело не только пролетариата и трудящихся масс Советского союза, но и всего международного рабочего класса. СССР и наше социалистическое строительство — это опора международного пролетариата в его борьбе против буржуазии, это опора всей мировой коммунистической партии в ее борьбе за большинство рабочего класса, это опора в борьбе международного коммунизма против социал-демократии, являющейся главной социальной опорой буржуазии.

Именно т. Сталин двинул дальше разработку вопроса о борьбе двух систем, о революционном использовании страной социализма экономических связей с капиталистическим миром для обеспечения экономической независимости и самостоятельности страны пролетарской диктатуры. Теоретическое предвидение путей индустриализации, необходимость упора в индустриализации на создание тяжелой промышленности и прежде всего металлургии и машиностроения, теоретическое предвидение всех путей и способов нашей индустриализации, очередных звеньев, за которые надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь экономики и политики, — все это дало возможность осуществить те величайшие, исторической важности победы, которые подытожил январский пленум Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии нашей партии.

Будущие историки, изучая процесс индустриализации, изучая историю социалистического строительства в нашей стране, историю борьбы двух систем, будут читать приказ т. Орджоникидзе о запрещении ввоза ряда машин в СССР для нашей тяжелой промышленности как один из самых замечательных документов нашей эпохи, показывающий величайшие достижения рабочего класса. Благодаря теоретическому предвидению Сталина, благодаря правильному ленинскому руководству партией, благодаря величайшему его умению руководить революционной энергией и инициативой масс мы добились того, что наша страна стала экономически самостоятельной, независимой, стала мощным социалистическим государством.

Двигая дальше учение Маркса—Ленина, т. Сталин разрушил те социал-демократические теории, фальсификации марксизма-ленинизма, при помощи которых оппортунисты хотели сделать с ленинизмом то же, что II интернационал сделал с марксизмом. Так, уже в период после смерти Ленина наша партия во главе с т. Сталиным провела борьбу против социал-демократической теории, согласно которой нельзя будто бы построить социализм в одной стране. Подданы и герои II интернационала вместе с Троцким и троцкистами, ставшими передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии, использовали догмы II интернационала и, переделав их на новый манер, выдвинули новую «теорию» о том, что если уже власть в одной стране завоевать пролетариат может, то построить социализм в одной стране он никак не в состоянии. Это было «новое» положение, явившееся простым видоизменением прежней социал-демократической догмы об уровне развития производительных сил, классовый смысл которого заключается в том, чтобы поставить рабочий класс перед полной бесперспективностью его революционной борьбы, в том, чтобы разружить его и сдать на милость буржуазии. И величайшая заслуга в разоблачении социал-демократической, буржуазной сущности этой «теории» принадлежит т. Сталину.

Тов. Сталин разрушил и ту социал-демократическую теорию, по которой если как будто бы и можно прийти к социализму, то только мирным путем, а не путем классовой борьбы. В борьбе против троцкистов и против правых оппортунистов т. Сталин развил учение Ленина о том, что марксист в наши дни не тот, кто прямо признает на словах диктатуру пролетариата, но что марксист лишь тот, кто распространяет признание диктатуры пролетариата до признания классовой борьбы и ее обострения в эту переходную эпоху, до признания необходимости революционным путем, социалистическим наступлением разгромить враждебные пролетариату классы. Известны «теории» правых о мирном вращении в социализм. По существу это — перенос старой социал-демократической теории о постепенном, плавном, эволюционном превращении капитализма в социализм. Теперь, в другой обстановке, когда власть уже была завоевана рабочим классом, кулацкая агентура в нашей партии, видоизменив эту старую теорию II интернационала, стала провозглашать необходимость построения социализма мирным путем, без обострения классовой борьбы, плавным движением вперед всех слоев населения, путем мирного вращения кулака в социализм.

Именно т. Сталин со всей силой обрушился на эту теорию, разбив ее, разгромив ее до конца, так же как и троцкистскую, социал-демократическую теорию о невозможности построения социализма в одной стране.

Именно т. Сталин разоблачил ту фальсифицирующую ленинизм «теорию», согласно которой будто бы капитализм становится все более и более организованным. Старая теория II интернационала, теория Каутского об ультраимпериализме, согласно которой развитие капитализма в эпоху империализма приводит ко все большей плановости и организации — теория Каутского, разоблаченная и высмеянная в свое время Ле-

Russische Bücher aus der Bibliothek.

- 1) Сборник статистических сведений по Московской губернии. (Отдел хозяйственной статистики.) Издание Московского губернского земства.
1-й Band: Total der Zahl der Wohnstätten in der Provinz.
2-й Band: Landwirtschaft in der Provinz.
3-й Band: Industrie und Gewerbe in der Provinz.
4-й Band: Handel und Verkehr in der Provinz.
5-й Band: Bevölkerung in der Provinz.
6) Вид: Земельный (Земельный) в. н. д.
- 2) Свод материалов по курсу Таможенного дела в России. 1-й выпуск. 1874.
- 3) Ежегодные отчеты Министерства финансов. 1874, 1875, 1876, 1877, 1878.
- 4) Журнал Министерства путей сообщения. 1879.
- 5) Счет Государственной контрольной комиссии. 1877, 1878.
- 6) Статистика железных дорог в России. 1879.
- 7) Свод сведений о железных дорогах в России. 1879.
- 8) Свод сведений о торговле в России. 1879.
- 9) Таблицы доходов и расходов. 1879.
- 10) Свод сведений по отечественному коммерческому делу. 1879.

Список русских книг, находившихся в библиотеке Маркса, написанный его рукой

янным, в новой видоизмененной форме была поднята на щит идеологами правого уклона. Согласно этой фальсификации марксизма-ленинизма капитализм ставится будто бы все более и более «внутренне-организованным», все более и более плановым, и таким образом в силу внутреннего своего развития, уничтожая внутренние противоречия, капитализм сам, очевидно без всякой революции пролетариата, приходит в плановому, т. е. социалистическому, хозяйству.

Под руководством теоретика и вождя партии т. Сталина партия разбила и эту социал-демократическую теорию, выдвинутую против учения Ленина об империализме.

Именно т. Сталину пришлось разоблачить и ту теорию, фальсифицирующую учение Маркса—Ленина, согласно которой будто бы терпимы фракции и уклоны в партии.

Вся борьба т. Сталина и руководимой им большевистской партии против оппортунизмов, против попыток сбить пролетариат с его пути войдет в историю борьбы за социалистическое строительство, за международную пролетарскую революцию как величайшая теоретическая и практическая победа марксизма-ленинизма. Тов. Сталин и в этом отношении двинул дальше учение Ленина о нового типа партии, призванной стать руководящей силой диктатуры пролетариата, способной обеспечить победоносное социалистическое строительство.

Все теоретическое развитие последнего времени проходит под знаком той разработки сложнейших теоретических, экономических и политических вопросов, которые дает т. Сталин. Именно т. Сталин, величайший теоретик рабочего класса, последовательнейший ученик Маркса—Ленина, поставил целый ряд философских общетеоретических вопросов в их неразрывной связи с революционной практикой, двинув дальше разработку революционной материалистической диалектики. Укажем такие важнейшие проблемы, как проблема формы и содержания, поставленная им в 1917 году на VI съезде партии и снова выдвинутая им со всей силой на последнем пленуме Центрального комитета, вопрос о значении революционной теории для революционного действия и другие вопросы.

Враги рабочего класса, враги большевизма пытались обосноваться в теории, в философии, в политической экономии, в исторической науке. Своими выступлениями т. Сталин учил и учит партию, и прежде всего ее теоретические кадры, тому, как бороться за революционный марксизм, как развивать дальше великое учение Ленина применительно к новой исторической обстановке.

Тов. Сталину, непосредственно продолжающему дело Ленина, принадлежит заслуга выдвижения всех крупнейших лозунгов партии и всех ее крупнейших мероприятий. Практические лозунги партии, мобилизующие массы на дальнейшую борьбу, лозунги партии о борьбе за технико-экономическую независимость, за индустриализацию, конкретно поставленные в наши дни в связи с изменяющейся обстановкой, в связи со все большими и большими успехами строительства, как исторические «шесть условий», лозунги партии о ликвидации кулачества как класса и другие, — все эти крупнейшие лозунги, вплоть до таких конкретных политических мероприятий, как создание политотделов МТС и совхозов, как чистка партии и т. д., — все это лозунги, которые выдвинуты по инициативе т. Сталина, в соответствии с теми теоретическими установками, которыми руководствуется партия в своей борьбе в соответствии с учением Маркса—Ленина.

Учение Маркса, впервые провозглашенное 85 лет назад в «Коммунистическом манифесте», поднялось теперь на новую, более высокую ступень своего развития и живет как никогда живой и действующей исторической силой в широких революционных массах. Современные, социал-фашисты после того, как они объявили, что Маркса незачем ревидовать, а его надо полностью обновить (как например заявил Реннер в «Ге

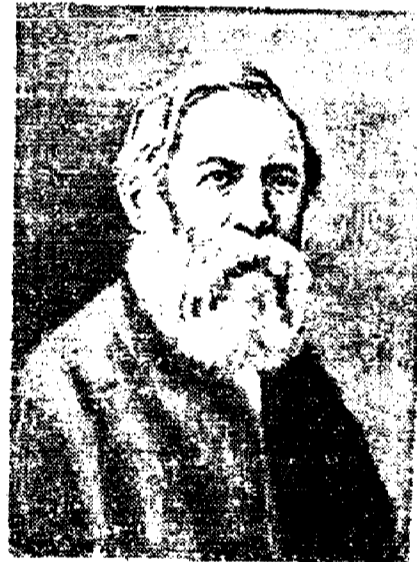
ПРАВДА

КО ДНЮ 30-ЛЕТІЯ СМЕРТІ КАРЛА МАРКСА.

Карл Маркс

В этот день 30 лет тому назад скончался великий немецкий философ, экономист и политический деятель Карл Маркс. Его учение о материальном базисе общества и о роли пролетариата в борьбе за социализм оказало огромное влияние на развитие общественной мысли и на формирование коммунистической идеологии. Маркс был одним из основоположников научного социализма, который он разработал совместно с Фридрихом Энгельсом. Его труды, в частности «Капитал», являются фундаментальными произведениями, которые до сих пор изучаются и применяются в различных областях общественной науки.

Фридрих Энгельс

Номер «Правды» от 3 марта 1913 г. ко дню 30-летия смерти Карла Маркса

... Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Эму соответствует и политический переходный период, государством которого не может быть ничего иного, кроме как революционная диктатура пролетариата

МАРКС

зельшафт» в 1928 г.), снова пытаются обмануть рабочий класс именем Маркса.

Социал-демократия снова объявляет, что Маркс принадлежит ей. Социал-демократические теоретики и политики пишут «ученые» труды, в которых, фальсифицируя учение Маркса, пытаются оклеветать большевизм, оклеветать продолжателей учения Маркса — Ленина и Сталина, доказать, что Маркс был сторонником буржуазной демократии, что Маркс был сторонником мирных способов борьбы, что Маркс был противником пролетарской революции.

Социал-демократия в своей маневренности, в своей фальсификации марксизма достигла чудовищной виртуозности. Она создала специальные теории для оправдания своей политики поддержки буржуазии. Являясь родной сестрой фашизма, этой оголенной формы буржуазной диктатуры, этого прямого и голого метода подавления рабочего класса и всех трудящихся масс, фактически помогая фашизму, социал-демократия, главная социальная опора буржуазии, на словах борется против фашизма, прикрываясь для этого именем Маркса. Между тем еще совсем недавно Бернштейн заявил: «Если бы мне пришлось сделать выбор между фашизмом и пролетарской диктатурой, я, не раздумывая, выбрал бы фашизм». Брейтшайд на Лейпцигском съезде германской социал-демократии объявил, что фашизм прогрессивнее диктатуры пролетариата.

«После войны, — говорил Гильфердинг, — проповедывалось, особенно большевиками, что мы стоим непосредственно перед крушением капиталистической системы. Этого крушения не произошло, и у нас нет оснований сожалеть об этом». Все послевоенное развитие германской социал-демократии — история попыток спасти капитализм от гибели. Это желание лечить капитализм и спасти его от революционного разрушения выразил до предельности цинично и нагло социал-демократ «марксет» Тарнов на Лейпцигском съезде своей партии (июнь 1931 г.). «Мы вынуждены быть врачами, которые должны лечить капитализм» — заявил он.

Путь фашизации германской социал-демократии не есть ее особенный путь. Это путь всех современных партий II интернационала. Крича о единстве рабочего движения, заигрывая с рабочими массами, перенимая от них революционную терминологию, играя словами о революции и пролетарской диктатуре, социал-фашисты во всех странах на каждом шагу искажают, фальсифицируют учение Маркса, клеветают на большевизм, на коммунизм, на его вождя — г. Сталина. И эти современные защитники буржуазной демократии пытаются снова оправдать свои измены рабочему классу именем Маркса!

Рабочий класс всего мира, освобождающийся от социал-демократической идеологии, знает, что Маркс принадлежит не социал-демократии, а коммунизму. «Маркс принадлежит нам» — скажет каждый революционный сознательный рабочий, читая «ученые» фальсифицирующие марксизм трактаты современных героев II интернационала о великом вожде международного пролетариата — Марксе.

Маркс принадлежит нам, большевикам, ВОССТАНОВИВШИМ ПОДЛИННОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата И РАЗВИВШИМ ЕГО ДАЛЬШЕ.

Маркс принадлежит нам, большевикам, БОРЮЩИМСЯ под знаменем ЛЕНИНИЗМА — марксизма эпохи империализма и пролетарской революции.

Маркс принадлежит нам, большевикам, СОВЕРШИВШИМ ВЕЛИКУЮ ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ под руководством Ленина и Сталина.

Маркс принадлежит нам, большевикам, СОЗДАВШИМ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ — международную партию революционного пролетариата.

Маркс принадлежит нам, большевикам, сумевшим под руководством Ленина и Сталина ОТСТОЯТЬ первую СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ от военной интервенции империалистических государств в великие годы гражданской войны.

Маркс принадлежит нам, большевикам, сумевшим на основе принципов Маркса двинуть его учение дальше, развить его новыми положениями, благодаря чему нам удалось добиться величайших ИСТОРИЧЕСКИХ ПОБЕД на фронте СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Маркс принадлежит нам, большевикам, сумевшим осуществить пятилетку в четыре года, сумевшим привести победоносное социалистическое строительство к ВСТУПЛЕНИЮ СССР — этой базы международной пролетарской революции — В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА, к созданию условий полного построения бесклассового социалистического общества.

Маркс принадлежит нам, большевикам, руководимым ВЕЛИЧАЙШИМ ТЕОРЕТИКОМ И ВОЖДЕМ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ — СТАЛИНЫМ, продолжающим и развивающим это учение дальше.

МАРКС ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЕМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ КЛАССУ, ВЕДУЩЕМУ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ БУРЖУАЗИИ, БОРЬБУ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ, БОРЬБУ ПРОТИВ ФАШИЗМА, ЗА ПОЛНУЮ ПОБЕДУ УЧЕНИЯ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ЗА ПОЛНУЮ ПОБЕДУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЗА КОММУНИЗМ.

Пролетариат всего мира отмечает в эти дни полувековую годовщину с того дня, когда перестало биться сердце основоположника его революционного мировоззрения, великого борца за его освобождение — Карла Маркса. Он отмечает эту годовщину в те дни, когда с небывалой яркостью и острой вскрылись все противоречия капиталистического общества, когда законы его развития обнажились до предела, когда гениальное предвидение Маркса осуществилось и с каждым днем все больше претворяется в жизнь в СССР, в стране победоносного строительства социализма.

Пролетариат всего мира склоняет сегодня свои знамена перед могилой на далеком лондонском кладбище, на которой лежат венки, принесенные рабочими первого социалистического государства в мире. И полувековая годовщина смерти Маркса для международного пролетариата — прежде всего день боевого сплочения его рядов для штурма капитализма. Это — день, когда он дает клятву выполнить заветы Маркса, выполнить их под руководством партии Ленина и Сталина, под руководством Коммунистического интернационала. И в этот день по всему миру победоносно и громко звучат те слова, которые горят на красных знаменах пролетариев всего мира и которые сделали государственным девизом первой социалистической республики в мире, слова, произнесенные 85 лет тому назад и полные навсегда несокрушимой революционной страсти и энергии:

„пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

карл маркс

Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (Прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантизм. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвиг Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг» — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами»¹. В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянами, основали в Кельне оппозиционную газету: «Рейнскую газету» (начала выходить с 1 января 1842 года). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кельн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 года. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 года. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. литературу)², еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Женни фон-Вестфален.

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. — *Ред. сборника*.

² В конце настоящей статьи Лениным был дан подробный обзор литературы марксизма и о марксизме, который в настоящем издании опущен ввиду ограниченности места (Соч., т. XVIII, стр. 32—43). — *Ред. сборника*.

подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 годов. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркянец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-французский ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В этих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно расчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма). См. сочинения Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг., ниже: Литература¹.

В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу:

«Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест коммунистической партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектики, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась Февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после Мартовской революции, в Германию, именно в Кельн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая рейнская газета»: главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Поблизкая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 года). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (издана в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью: не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течение мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной

¹ Важнейшие из них: «Критика гегелевской философии права», «К еврейскому вопросу», «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Коммунистический манифест». — *Ред. сборника.*

...Теория марксизма, освещенная ярким светом нового, всемирно богатого опыта революционных рабчих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по нам стившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу.

...Основание III коммунистического интернационала есть преддверие интернациональной республики советов, международной победы коммунизма.

ЛЕНИН

борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»¹). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже учение Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I, 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I интернационал. «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Об'единяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, до-марксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и действительно, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции 1871»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. Первый интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его в ширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более успешные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена, 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгет в Лондоне.

(ЛЕНИН. Собр. соч., т. XIX, из статья «Карл Маркс»).

¹ «Господин Фогт». — Ред. сборника.

речь

на

могиле МАРКСА

14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навски.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей, и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастливым был бы тот, кому удалось бы одно такое открытие. Но Маркс сделал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было не мало, и ни одною из них он не занимался поверхностно.

Таков был Маркс как человек науки. Но не это в нем было главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества, и в последнее время в частности за открытиями Марселя Дебре¹.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобо-

¹ Марсель Дебре (1843—1918) — французский ученый, физик, автор первых опытов передачи электрической энергии на расстояние.—Ред.

Дом, в котором умер Карл Маркс

ждения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Рейнская газета» 1842 г., парижский «Вперед» 1844 г., «Брюссельская немецкая газета» 1847 г., «Новая рейнская газета» 1848—1849 гг., «Нью-йоркская трибуна» 1852—1861 гг. и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное товарищество рабочих¹, — это было делом, которым поистине мог бы гордиться тот, кто его создал, если бы он кроме этого и не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его, и дело переживут века!

1883 г.

¹ Первый интернационал.

Существует марксизм догматический и марксизм творческий. И стую на почве последнего.

СТАЛИН

«Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, — говорит т. Сталин, — что он не был никогда рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применить марксизм, как основной метод в новой обстановке капиталистического развития» («Об оппозиции», стр. 338—339).

Все выступления — устные и письменные — т. Сталина, вся жизнь и борьба этого величайшего ученика Ленина, гениальнейшего продолжателя учения Маркса — Энгельса — Ленина, свидетельствуют о том, что и к самому т. Сталину полностью приложимо то, что он — т. Сталин — говорит о Ленине. Тов. Сталин следует не букве марксизма, не его догме, а сути марксизма, его духу, он продолжает лучшие традиции Маркса — Энгельса — Ленина, со всей ленинской непримиримостью ведет борьбу с фальсификаторами марксизма, с контрреволюционными враждебными пролетарскому революционному мировоззрению идей. Он разоблачает марксистских пачетчиков, он издается над спекулятивными великими революционными учениями Маркса, он жестоко бьет по тем, кто возводит карикатуру из марксизма. Тов. Сталин как теоретик и вождь неустанно учит, как надо применять марксизм в данной конкретной исторической обстановке, показывая пример безупречного, гениального пользования методом марксизма-ленинизма. Именно потому, что т. Сталин, как никто, владеет учением марксизма-ленинизма, его творческим методом, он гениально развил ленинскую теорию возможности построения социализма в нашей стране, отстоял ее в непримиримой борьбе с троцкизмом и правым уклоном. Руководя грандиозной борьбой за построение социализма в СССР и за победу мировой революции, т. Сталин выдвинул ряд важнейших лозунгов: лозунг индустриализации, лозунг коллективизации и лозунг ликвидации кулачества как класса, шесть условий работы промышленности по-новому, которые являются не только лозунгами к практическому революционному действию, но и лозунгами, обогащенными марксистско-ленинскими идеями, имеющими огромное теоретическое значение. Неустанная борьба т. Сталина за марксизм-ленинизм обогащает марксистско-ленинскую теорию новым опытом классовой борьбы пролетариата.

Тов. Сталин учит нашу партию, Коммунистический интернационал и его секции, учит весь международный революционный пролетариат, как надо по-партийному черпать из сокровищницы Маркса — Энгельса — Ленина идеи, дальше развивать и применять их к новой обстановке, создавшейся после Октябрьской революции, когда уже «наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая

система в связи с общим кризисом капитализма, ростом и победой социализма в нашей стране».

Один из пяти «общих выводов», которыми т. Сталин закончил на объединенном январском пленуме ЦК и ЦКК партии свой доклад об итогах первой пятилетки, формулирован так: «Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР».

Неслучайно т. Сталин этот итог делает одним из важнейших, центральнейших итогов нашей, имеющей такое всемирно историческое значение, победы. Ибо не только международная буржуазия и ее оплотная социальная база — социал-демократия — вели и ведут бешеную кампанию лая и обмана о невозможности построения социализма в одной нашей стране. Как известно, социал-демократический уклон в нашей партии, возглавлявшийся Троцким и Зиновьевым, смыкаясь с международным меньшевизмом, начекически извращения Маркса — Энгельса — Ленина, поддерживал этот контрреволюционный, буржуазный, социал-демократический тезис, чтобы поставить нам пролетариев, трудящиеся массы всей страны перед полной бесперспективностью борьбы и необходимостью безусловной капитуляции перед капиталом.

Эти господа в частности пользовались известной формулой Энгельса, данной им в его «Принципах коммунизма» (1847 г.), этом первоначальном черном наброске, легшем затем в основу «Коммунистического манифеста» Маркса — Энгельса. На вопрос о том, может ли революция пролетариата, которая осуществит ряд указанных в «Принципах коммунизма» мероприятий, произойти «в одной какой-нибудь стране», Энгельс тогда, в 40-х годах прошлого столетия, для той эпохи правильно отмечал: «Нет. Крупная промышленность, — писал он, — уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уразила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества, и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е. по крайней мере в Англии, Франции и Германии».

Тогда, в 1926 г., на XV партконференции т. Сталин, читая пункт за пунктом «Принципы коммунизма», констатировал, что девять десятых двенадцати пунктов программы этих «принципов», значительная часть которых представляет собою задачи буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую революцию, нами выполнены и перевыполнены. «Зиновьев, — говорил тогда т. Сталин, — может сказать, что мы ошиблись, осуществив эту программу, осуществив эти пункты (с м е х). Очень может быть, что мы допустили некоторую национальную ограниченность», осуществив эти пункты (с м е х). Очень может быть. Но одно все же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях монополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, — указывал т. Сталин, — стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма. Конечно, — продолжал т. Сталин, — если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а наоборот, всемерно приветствовал бы

нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР».

Тов. Сталин, поставив так резко в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией вопрос о «старых формулах», исходил из ленинской позиции, что от Маркса — Энгельса, подвизавшихся в период монополистического капитализма, нельзя требовать, чтобы они, при всей их гениальности, предусмотрели все возможности классовой борьбы, которые открылись спустя полвека в период развитого монополистического капитализма. И только Ленин в новую эпоху, эпоху империализма и пролетарских революций, именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране. Ибо Ленин, построивший большевизм на границей базе марксизма, Ленин, создавший ленинизм — «светлое интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское», — гениально, мастерски применивший марксизм в российской действительности, не только «возродил революционное содержание марксизма, замуровленное оппортунистами II интернационала...», «но он сделал еще шаг вперед, развил марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата» (Сталин).

И Ленин по-новому, исходя из всего духа марксизма, из всей его живой диалектической сути, отбросив старую энгельсову формулу о невозможности построения социализма в одной стране, построил новое учение о неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма, и на этой основе — о возможности победы социализма в одной стране. Сумел это Ленин сделать именно потому, что он «считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме» (Сталин).

Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» писал: «Наша теория не догма, а руководство к действию, говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как К. Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата».

Но этого не поняли не только «патентованные» марксисты, как Каутский, Бауэр, Гильфердинг и многие другие, но также и Зиновьев, Троцкий и их не столь многочисленные, сколь преданные международному меньшевизму оруженосцы.

На ряде примеров, в связи с вопросом о возможности построения социализма в одной нашей стране, т. Сталин учит, как надо исторически подходить, изучать, излагать, понимать классиков марксизма, как нельзя валить в одну кучу и перепутывать периоды и даты, отрывая отдельные положения и формулы Маркса — Энгельса от их живой связи с действительностью и превращать их в обветшалые догмы, нарушая таким образом основное указание Маркса — Энгельса, что «марксизм есть не догма, а руководство к действию».

Теоретики II интернационала пытались и пытаются убедить международный пролетариат в том, что Маркс не раз якобы высказывался отрицательно для всех времен и периодов капитализма о возможности победы социализма в отдельной стране. Зиновьев при этом, в борьбе против партии целиком поддерживая этот социал-демократический тезис, ссылался на Маркса. В одном случае он цитировал «Борьбу классов во Франции» (1848—1850 гг.), где у Маркса о победе социализма сказано: «Задача рабочего класса неразрешима в пределах национальных границ». В другом случае он цитировал следующее место из письма Маркса Энгельсу: «Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте револю-

ция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке неизбежно раздавлена ввиду того, что на неизмеримо более широкой территории движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии?»

Если подходить к Марксу начетнически, догматически, схоластически, если уткнуться носом в букву его великих творений и не желать видеть, не желать понимать его — Маркса — живой диалектической сути, то можно получить впечатление, будто действительно Маркс заранее и навсегда отрицал возможность построения социализма в одной стране. Но такое опощление учения величайшего пролетарского революционера и мыслителя является результатом того, что выражено в немецкой поговорке «Der Wunsch ist der Vater des Gedankens» («Желание — отец мысли»). Социал-демократическое желание — отец контрреволюционной мысли.

Тов. Сталин, как подлинный революционный марксист-ленинец, как непреложный диалектик, понимающий исторически суть марксова учения, со всей беспощадностью разоблачил социал-демократическую контрреволюционную софистику Зиновьева и Троцкого. Тов. Сталин, анализируя цитату из письма Маркса Энгельсу, обратил внимание на то, что Маркс здесь говорит о том случае, когда «движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии». «Ну, а как быть, — спрашивал т. Сталин, — если движение буржуазного общества в целом в силу хода вещей меняет свое направление и начинает идти по нисходящей линии?»

И т. Сталин разъясняет Зиновьеву и ему подобным: «Цитаты Маркса относятся к периоду домонополистического капитализма, когда капитализм в целом развивался по восходящей линии, когда рост капитализма в целом не сопровождался процессом загнивания такой капиталистически развитой страны, как Англия, когда закон неравномерности развития не представлял еще, и не мог представлять того могучего фактора в деле разложения капитализма, каким он стал впоследствии, в период монополистического капитализма, в период империализма. Для периода домонополистического капитализма слова о том, что разрешение основной задачи рабочего класса в отдельных странах невозможно, совершенно правильны».

Тов. Сталин, подходя к вопросу диалектически, глубоко вникнув в процессы развития капитализма времен Маркса, середины прошлого столетия, овладев в совершенстве учением Ленина об империализме как капитализме умирающем, развивая его — это учение — дальше, делает единственно правильный, подлинно марксистский, подлинно ленинский вывод: «Там, при домонополистическом капитализме, победа социализма в отдельных странах представлялась невозможной. Здесь, в период империализма, в период умирающего капитализма, победа социализма в отдельных странах стала уже возможной».

Это было сказано т. Сталиным за несколько лет еще до первой пятилетки, до катастрофического развития в буржуазном мире нынешнего экономического кризиса на основе общего кризиса капитализма. «Ход вещей» показал, что пролетариат Советского союза, руководимый ленинской партией, крепя государственную мощь своей диктатуры, ведя, развернутое социалистическое наступление по всему фронту, может победоносно строить социализм в своей стране, имея открытой ближайшую перспективу — построение бесклассового социалистического общества. Закон, открытый Лениным о неравномерности развития капиталистических стран, учение Ленина о возможности построения социализма в одной стране целиком себя оправдали на гигантском всемирно исторического значения опыте нашей страны.

Как же оценивает т. Сталин такое цитирование Маркса, такое использование великого революционного учения Маркса?

Тов. Сталин говорит о Зиновьеве, что он «цитирует Маркса, как школьник, отвлекающийся от точки зрения Маркса и хватающийся за отдельные цитаты из Маркса, применяет же он эти цитаты не как марксист, а как социал-демократ». Такое цитирование Маркса т. Сталин называет *ревизионистской манерой цитирования Маркса*. «Ревизионистская манера цитирования Маркса,— говорит т. Сталин,— состоит в подмене **ТОЧКИ ЗРЕНИЯ Маркса ЦИТАТАМИ** из отдельных положений Маркса, взятых вне связи с конкретными условиями отдельной эпохи».

В связи с троцкистской попыткой использовать «Принципы коммунизма» Энгельса против ленинского учения о возможности построения социализма в одной стране, т. Сталин на этот раз останавливается на *ревизионистской манере* ссылок на Энгельса, какая допущена уже при ревизионистском цитировании Маркса. «Понятно,— говорит т. Сталин,— что в период домонополистического капитализма, в период развития буржуазного общества в целом по восходящей линии Энгельс должен был прийти к отрицательному решению вопроса о возможности победы социализма в отдельных странах. Распространять механически это положение Энгельса, сказанное применительно к старому периоду капитализма, на новый период капитализма, на период империалистический,— это значит извращать точку зрения Энгельса и Маркса в угоду букве, в угоду отдельной цитате, взятой вне связи с реальными условиями развития в период домонополистического капитализма... В свое время эта формула Энгельса была единственно правильной формулой».

И снова подчеркивает т. Сталин диалектику развития капитализма от домонополистического, который шел вверх, до периода империализма, являющегося в целом капитализмом загнивающим, капитализмом умирающим, капитализмом, идущим вниз. И невозможное тогда стало возможным и необходимым теперь. Тов. Сталин вновь клеймит ревизионистскую манеру использования и цитирования классиков марксизма и подчеркивает, что «В том именно и состоит величие Ленина,— говорит т. Сталин,— что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую форму, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело» («Об оппозиции», стр. 339).

Было бы совершенно неправильно думать, что раз т. Сталин так долго и так подробно останавливается на старой энгельсовской формуле, то это все, что Энгельс и его великий друг Маркс говорили о возможности построения социализма в одной стране. Тов. Сталин, как революционный диалектик, как последовательный марксист-ленинец, нарочно, сознательно взял эту старую «резкую и крайнюю формулу» для того, чтобы: а) создать ясность в вопросе путем противопоставления двух противоположных формул; б) вскрыть оппортунизм социал-демократии, старающейся прикрыться старой формулой Энгельса, и в) показать, что Ленин был первый, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле».

Тов. Сталин разоблачает и издевается также и над теми социал-демократическими букводами, которые сознательно из антипролетарских, антимиарксистских, контрреволюционных целей цепляются за мысль Маркса, выраженную им в его письме к Кугельману (апрель 1871 г.), о том, что слом бюрократически-военной государственной машины является предварительным условием «всякой действительно народной революции на континенте».

Эта цитата стала основным козырем в руках всех исов и свиней из II интернационала во главе с Каутским для доказательства того, что не исключен и мирный путь овладения пролетариатом государственной буржуазной машиной; что насильственный слом военно-бюрократической

машины капиталистического государства не является обязательным. Тов. Сталин напоминает, как Ленин, обладавший в гениальном совершенстве критическим и революционным методом Маркса, реагировал на эту мысль Маркса. Ленин указывает, что в 1871 г. это было правильно и понятно, «ибо тогда Англия была образцом страны чисто капиталистической, но без военизации и в значительной степени без бюрократии». Теперь же, в 1917 г., говорит Ленин в своей книге «Государство и революция», «в эпоху первой великой империалистической войны это ограничение Маркса отпадает», ибо обе решающие великие внеконтинентные страны, Англия и САСШ, скатились вполне, по выражению Ленина, «в общеевропейское грязное кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих». И поэтому то, что Маркс считал предварительным условием всякой действительной народной революции на континенте — насильственный слом восставшим пролетариатом государственной военно-бюрократической машины, — то относится целиком и полностью и к Англии и к Америке.

«Ограничение или исключение, — говорит т. Сталин, развивая дальше указания Ленина, — допущенное Марксом для Англии и Америки, имело свои основания, пока не было развитого империализма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, учил Ленин, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии и Америке не меньше, если не больше, чем в странах европейского континента. Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата, является неизбежным и обязательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах» («Об оппозиции», стр. 383).

Почему Ленин, вопреки международным оппортунистам, пришел к этому, решающей революционной важности, выводу? Потому, отвечает т. Сталин, что Ленин «умел различать между буквой марксизма и сущностью марксизма, он рассматривал марксизм не как догму, а как руководство к действию».

Во время этого выступления т. Сталина на XV партконференции Рязанов — этот буквоед и начетчик от марксизма, этот ренегат и предатель дела коммунизма, выгнанный в 1930 г. из партии, — подал реплику, ярко иллюстрирующую то, как оппортунисты, социал-демократы не понимают и не хотят понять Маркса. Когда т. Сталин сказал, что «исключение или ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, будучи тогда правильным, стало, по мнению Ленина, неправильным и излишним в нынешних условиях развитого империализма, когда милитаризм и бюрократия расцвели в Англии и Америке, так же, как и в других странах», Рязанов бросил реплику «Не стало, а было». На эту рязановскую реплику т. Сталин сейчас же реагировал, процитировав то место из ленинской брошюры «О продналоге», где Ленин заявляет совершенно определенно, что Маркс был прав, ограничив свое указание только Европейским континентом и сделав такое допущение для Англии и Америки 70-х годов.

Доклады т. Сталина «О социал-демократическом уклоне» и «Еще раз о социал-демократическом уклоне», как и многие другие его выступления, исключительно богаты мыслями, раз'ясняющими, как надо понимать указание Маркса—Энгельса о том, что «марксизм — не догма, а руководство к действию». Тов. Сталин это с исключительной силой раз'ясняет на примере с заявлением Маркса в 50-х годах о том, что социалистический «переворот любой страны Европейского континента или даже всего Европейского континента без Англии — только буря в стакане воды».

Для той поры это было совершенно правильно, указывает т. Сталин. Англия в эти годы именно играла такую решающую роль в деле пролетарской революции. Но условия через некоторое время изменились. Франция стала быстро идти вверх по пути капиталистического развития.

Французский пролетариат, его борьба стали приобретать решающее значение. Поэтому Энгельс, говорит т. Сталин, «учитывая новый этап классовой борьбы, изменил впоследствии это положение, сказав, что социалистическую революцию «начнет француз, а немец доделает». Но «дела. — по выражению Ленина, — сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс». И поэтому, говорит далее т. Сталин, «Ленин, учтя опыт победы революции в СССР, изменил эту формулу и заменил ее другой, сказав, что русский начал социалистическую революцию, а немец, француз, англичанин доделают».

Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин, — эти непревзойденные, гениальнейшие вожди мирового пролетариата, его теоретики, стратеги, тактики и организаторы, — дают несравненные образцы того, как надо пользоваться методом диалектического материализма, как надо применять на опыте классовой борьбы и в конкретной исторической обстановке учение марксизма.

Что такое марксизм? — спрашивает т. Сталин. «Марксизм, — говорит он, — есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменой основной линии марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?

Разве можно сомневаться в том, что это есть не марксизм, а карикатура на марксизм?» («Об оппозиции», стр. 510).

В противоположность социал-демократическим ревизионистам Маркса, оппортунистическим буквоедам и догматикам, Ленин является «самым верным и последовательным учеником Маркса — Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма» (Сталин). На вопрос первой американской рабочей делегации (9 сентября 1927 г.), «какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму?», т. Сталин указал, что «никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма». Но Ленин — вернейший и последовательный ученик Маркса — Энгельса, целиком и полностью опирающийся на принципы марксизма, был не только исполнителем учения Маркса — Энгельса, не только продолжателем их великого учения, но он развил дальше учение основоположников марксизма «применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму». «Это значит, — говорит т. Сталин, — что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, причем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций».

В этой беседе, вошедшей в железный фонд сокровищницы марксизма-ленинизма, т. Сталин дальше выделил несколько вопросов, «в области которых Ленин дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса».

Тов. Сталин указал при этом на следующие шесть главных вопросов: во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме как новой фазе капитализма; во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата; в-третьих, вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму в стране, окруженной капиталистическими государствами; в-четвертых, вопрос о гегемонии пролетариата в революции, во всякой народной революции — как в революции против царизма, так и в революции против капитализма; в-пятых, вопрос национально-колониальный; и наконец, в-шестых, вопрос о партии пролетариата. Тов. Сталин при этом с исключительной ясностью и точностью определяет то, что Маркс и Энгельс дали гениального для своей эпохи монополистического капитализма, эпохи империализма, и что Ленин, именно потому, что он был не догматик, а владел марксизмом как оружием к действию, дал, развил и двинул дальше в марксизме применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период монополистического капитализма, в эпоху войн и пролетарских революций, разработав и обосновав, в частности и особенности, «возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задана военной интервенцией окружающих капиталистических государств».

Именно потому, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, именно поэтому, говорит т. Сталин, «ленинизм нельзя отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму».

Ленин тем и велик, т. Сталин потому и вернейший ленинец и гениальнейший вождь и стратег мировой революции, что они проникают в самые сокровенные глубины учения Маркса, владеют всеми революционными диалектическими извилинами самой сути марксизма.

Победы большевизма на протяжении всех трех десятилетий его существования (1903 — 1933 гг.), решающие успехи социализма в Советском союзе — этой, по выражению т. Сталина, острой стреле, пущенной верной рукой Ленина в стан врагов, — международное значение этих достижений и успехов, ведущая роль нашей славной ленинской партии среди всех других братских секций Коммунистического интернационала, общепризнанность авторитета нашего вождя и учителя — т. Сталина — среди пролетариев всего мира и угнетенных народов колониальных и зависимых стран объясняются именно тем, что большевики, руководимые Лениным и Сталиным, никогда не были подобны тем анекдотическим начетчикам из среды крымских социал-демократов, о которых вспомнил т. Сталин в своем заключительном слове на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г.

Говоря о специфической, антимарксистской манере цитирования Маркса, т. Сталин рассказал «одну довольно смешную версию, имевшую одно время большое распространение среди революционных синдикалистов и рассказанную одно время одним шведским революционным синдикалистом в Стокгольме. Дело происходило, — рассказывает т. Сталин, — в 1906 г., во время Стокгольмского съезда нашей партии. Этот шведский товарищ довольно смешно изображал в своем рассказе манеру социал-демократов цитировать Маркса и Энгельса, а мы, делегаты съезда, слушая его, хохотали до упаду. Вот содержание этой версии. Дело происходит в Крыму во время восстания флота и пехоты. Приходят представители флота и пехоты и говорят социал-демократам: вы нас звали за последние годы к восстанию против царизма, мы убедились, что ваш призыв правдивен, мы, матросы и пехота, сговорились восстать и теперь обращаемся к вам за советом. Социал-демократы исполнились и ответили, что они не могут решить вопроса о восстании без специальной конференции. Матросы дали понять, что медлить нельзя, что дело уже готово, и если они

не получают прямого ответа от социал-демократов, а социал-демократы не возьмутся за руководство восстанием, то дело может провалиться. Матросы и солдаты ушли в ожидании директив, а социал-демократы созвали конференцию для обсуждения вопроса. Взяли первый том «Капитала», взяли второй том «Капитала», взяли, наконец, третий том «Капитала». Ищут указаний насчет Крыма, Севастополя, насчет восстания в Крыму. Но ни одного, буквально ни одного указания не находят в трех томах «Капитала» ни о Севастополе, ни о Крыме, ни о восстании матросов и солдат (с м е х). Перелистывают другие сочинения Маркса и Энгельса, ищут указаний—все равно никаких указаний не оказалось (с м е х). Как же тут быть? А матросы уже пришли, ждут ответа. И что же? Социал-демократам пришлось признать, что при таком положении вещей они не в силах дать какого бы то ни было указания матросам и солдатам. «Так провалилось восстание флота и пехоты»—кончил рассказ шведский товарищ (с м е х).

«Несомненно,—добавляет т. Сталин,—что в этом рассказе имеются большие преувеличения. Но несомненно также и то, что этот рассказ довольно метко схватывает основную болезнь визновьевской манеры цитирования Маркса и Энгельса» («Об оппозиции», стр. 505—506).

Так высмеивает т. Сталин тех, кто ищет в Марксе не суть, а букву, так указывает нам т. Сталин как не надо понимать и цитировать Маркса, так учит нас т. Сталин помнить, что «марксизм — не догма, а руководство к действию».

Тов. Сталин является примером того, как глубоко творчески надо и можно владеть революционным методом Маркса — Ленина. Исторический VI съезд нашей партии, в июле 1917 г.,—съезд подготовки вооруженного восстания, съезд, руководимый в отсутствие Ленина, находящегося в глубоком подполье, т. Сталиным. Е. Преображенский вносит троцкистскую поправку в резолюцию съезда. И т. Сталин тогда, еще задолго до Октября, обосновав ленинский тезис о возможности построения социализма в одной нашей стране, заявил: *«Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»*. Вся великая жизнь т. Сталина при Ленине, все его гениальное руководство нашей партией и Коминтерном после Ленина — яркий, мирового значения пример неустанной, беспощадной борьбы за творческий марксизм, за марксизм Маркса — Энгельса — Ленина.

Тов. Сталин, любимый вождь партии и трудящихся всего мира, лучший теоретик нашей партии,— усвоил до конца глубочайшие основы марксизма-ленинизма и на этой гранитной базе продолжает развивать теорию марксизма-ленинизма дальше — мастерски в новой обстановке борьбы и непосредственно руководя этой борьбой не на жизнь, а на смерть двух систем — системы социализма, неуклонно идущего вверх, и системы капитализма, раздираемого внутренними и внешними противоречиями и катящегося в бездну.

От VI съезда 1917 г., где были сказаны эти слова о догматическом и творческом марксизме до своей речи «О работе в деревне» на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г., где в вопросе о колхозах и советах с новой силой был сам дан пример применения учения Маркса—Ленина в конкретной исторической обстановке на данном конкретном историческом материале, т. Сталин является образцом величайшего пролетарского стратега революции, любимого учителя и вождя миллионных масс, общепризнанного вождя, высоко держащего боевое знамя революции, на котором горит лозунг: «Марксизм — не догма, а руководство к действию».

Глубокое изучение теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина есть овладение той подлинной теорией, которая «дает практикам силу

ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела».

Для этого надо наших классиков марксизма изучать так, как учит этому т. Сталин в своем ответе Дмитриеву («Вопросы ленинизма», «К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве»). Терпеливо разъяснив т. Дмитриеву его «недоразумение» с лозунгом Ленина о «рабоче-крестьянском правительстве», который Дмитриев назвал «формулой Сталина», т. Сталин писал: «Некоторые «читатели», умеющие «читать» буквы, но не желающие понять прочитанное, все еще продолжают жаловаться, что Ленин их «запутал» в вопросе о природе нашего государства, а «ученики» не хотят «распутать» «запутанное». Смешновато немного, т. Дмитриев... Вы спросите: где же выход из «недоразумений»? Выход, по-моему, один: изучать Ленина не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно, вдумчиво, не покладая рук. Другого выхода я не вижу».

Наша партия, ее Центральный комитет, т. Сталин придают совершенно исключительное значение овладению теорией марксизма-ленинизма. Партия устами т. Сталина требует, чтобы «теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Основой всех основ теоретической работы, способной нас вооружить самым мощным оружием в нашей борьбе за победу социализма, является *работа по овладению учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина*. Эта работа имеет решающее значение и для всего международного пролетариата, для его коммунистических партий, для всего Коммунистического интернационала в их борьбе против II интернационала, его вождей и партий, в борьбе за организацию масс под боевыми знаменами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина для вооруженного свержения власти капитала, для революционного завоевания диктатуры пролетариата, для построения коммунистического общества.

Но подлинно овладеть этим разящим наших классовых врагов оружием, оружием, дающим нам силу и перспективу в борьбе за построение бесклассового социалистического общества, можно только так, как учит нас т. Сталин: *изучать наших классиков марксизма «не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно и вдумчиво, не покладая рук»...*

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

СТАЛИН.

ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ

„Капитал“ Маркса

М. НЕЧКИНА

«Капитал» — крупнейшая теоретическая работа Маркса. Всякому известно, какое огромное значение имеет эта работа для марксистской политической экономии. «Капитал» Маркса разрушил до основания фальшивую «науку» вульгарной буржуазной политической экономии, камня на камне не оставил от ложных теорий буржуазных экономистов и создал новую, подлинную науку политической экономии. Эта подлинная наука стала мощным оружием пролетариата в классовой борьбе, стала революционной наукой. Ленин указывает на то, что Маркс революционизировал в своих сочинениях — «К критике политической экономии» и «Капитал» — науку политической экономии (Ленин, т. XVIII, стр. 7).

В «Капитале» всесторонне развита и раскрыта политическая экономия марксизма. Само собой понятно и ясно, что ни один историк-марксист не может обойтись без знания политической экономии. Это — азбука. Нет нужды на этом останавливаться. Маркс учил, что «анатомию» человеческого общества следует искать в политической экономии. Знание законов экономического развития капитализма, сущности капиталистической эксплуатации, причин неизбежного краха и революционной ликвидации капитализма — обязательная предпосылка марксистского изучения истории. Ясно всякому и то, что такое знание обязательно не только для историка, а для каждого сознательного участника социалистического строительства.

«Капитал» — величайший пример такой научной работы, которая вооружает пролетариат для борьбы, которая, по словам Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Имеем таково огромное и бесспорное значение «Капитала» для историка.

Итак, «Капитал» — экономическое исследование. Казалось бы после этого при разборе значения «Капитала» для историка можно было бы сказать, что у «Капитала» есть еще кроме экономического значения другая «сторона» — историческая, что в «Капитале» есть особые «части», посвященные истории. Несмотря на кажущуюся правдоподобность, такое утверждение было бы крайне точно, а следовательно и неправильно. Вся трудность оценки исторического значения «Капитала» и состоит именно в том, что, являясь теоретическим экономическим исследованием, «Капитал» вместе с этим одновременно является произведением историческим. Не какая-либо одна сторона «Капитала» является исторической, а весь «Капитал» в целом. Это разумеется теснейшим образом связано с тем, что вся теория марксизма проникнута историзмом, исторична по существу. С этого и надо начать, а потом уже говорить об отдельных специально исторических экскурсах в «Капитале», которые там конечно есть и в которых обязательно надо разобратся историчу. Но не с них, а с более общего вопроса должен начаться разбор значения «Капитала» как исторического произведения.

Попытаемся в этом разобраться. Нам будет легче сделать это, если мы сначала рассмотрим вопрос о методологическом значении «Капитала» для историка и вопрос об основной теме «Капитала» — общественно-экономической формации капитализма.

Но добавим предварительно, что настоящая статья конечно не ставит своей целью исчерпать всю тему, разобрать вопрос во всем его объеме и с полной подробностью. Это—дело крупного специального исследования, и рамки небольшой журнальной статьи конечно не позволяют поставить подобную задачу.

**МЕТОД
ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
В „КАПИТАЛЕ“**

Огромно значение «Капитала» в области метода исторического исследования. «Капитал»—одно из крупнейших произведений диалектического материализма. Мы должны сейчас напомнить историка и о значении «Капитала» как произведения, обосновывающего исторический материализм. Со времени появления «Капитала», говорит Ленин, материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение. Именно «Капитал» явился тем научным произведением, которое обосновало исторический материализм как науку, как научный метод, доказало его теоретическое значение, из гипотезы, предположения сделало бесспорной научной истиной. «Капитал» — блестящее применение метода исторического материализма. Каждый историк будет учиться на этом примере анализу производственных сил и производственных отношений, классовой борьбы, идеологических надстроек и их связи с породившими их производственными отношениями.

Важно отметить, что именно это значение «Капитала» пытались отрицать враги пролетариата, буржуазные «ученые» и классово ослепленные мещане в науке вроде всем известного народнического теоретика Михайловского, этого «властителя дум» российской мещанской интеллигенции. Он ухитрился не понять или притвориться непонимающим значение «Капитала» как труда, обосновывающего исторический материализм. Ленин в своем произведении «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» жестоко высмеял за это Михайловского.

«Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение... Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает господин Михайловский, а единственное научное понимание ее. И теперь — можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? — спрашивает с искренним недоумением господин Михайловский... Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной—и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?» (Ленин, т. I, стр. 63—64).

Ленин ставит перед нами центральную проблему «Капитала» — проблему общественно-экономической формации капитализма, законов ее развития и неизбежной гибели — революционной ликвидации капиталистических отношений восставшим пролетариатом.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы в целом, остановимся на предшествовавшей капитализму формации. Маркс уделяет в «Капитале» много внимания вопросам феодальных отношений. Рассмо-

трен также в «Капитале» столь интересный для историка вопрос о торговом капитале, бывший предметом оживленных дискуссий последних лет.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ВОПРОС
О ТОРГОВОМ КАПИТАЛЕ

Капитализм, его структура и законы его развития — основная тема «Капитала». Это произведение сосредоточено на изучении одной общественно-экономической формации — капиталистической. Но в «Капитале» немало высказываний об античности и ее рабовладельческом строе, о первобытной патриархальной общине¹, особенно же много материала о феодализме. Это и понятно. Вспомним уже приведенные выше слова Маркса: «Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» (т. I, стр. 737)². Маркс не мог поэтому рассматривать капитализм оторванно от предшествовавшей формации — отсюда такой богатый материал о феодализме в «Капитале». Особенно много внимания посвящает Маркс феодализму в I и III томах. Очень много дает историк в этом смысле XXIV глава I тома, посвященная так называемому первоначальному накоплению.

Анализ основной производственной структуры феодализма и ее глубочайших отличий от производственной структуры капиталистического общества особенно детально проведен Марксом в III томе, в XLVII главе — «Генезис капиталистической земельной ренты». Величайшую важность имеют для историка отделы: «Отработочная рента», «Рента продуктами» и «Денежная рента». Маркс дает в них глубочайший анализ форм феодальной эксплуатации — барщины и оброка, характерных для феодализма.

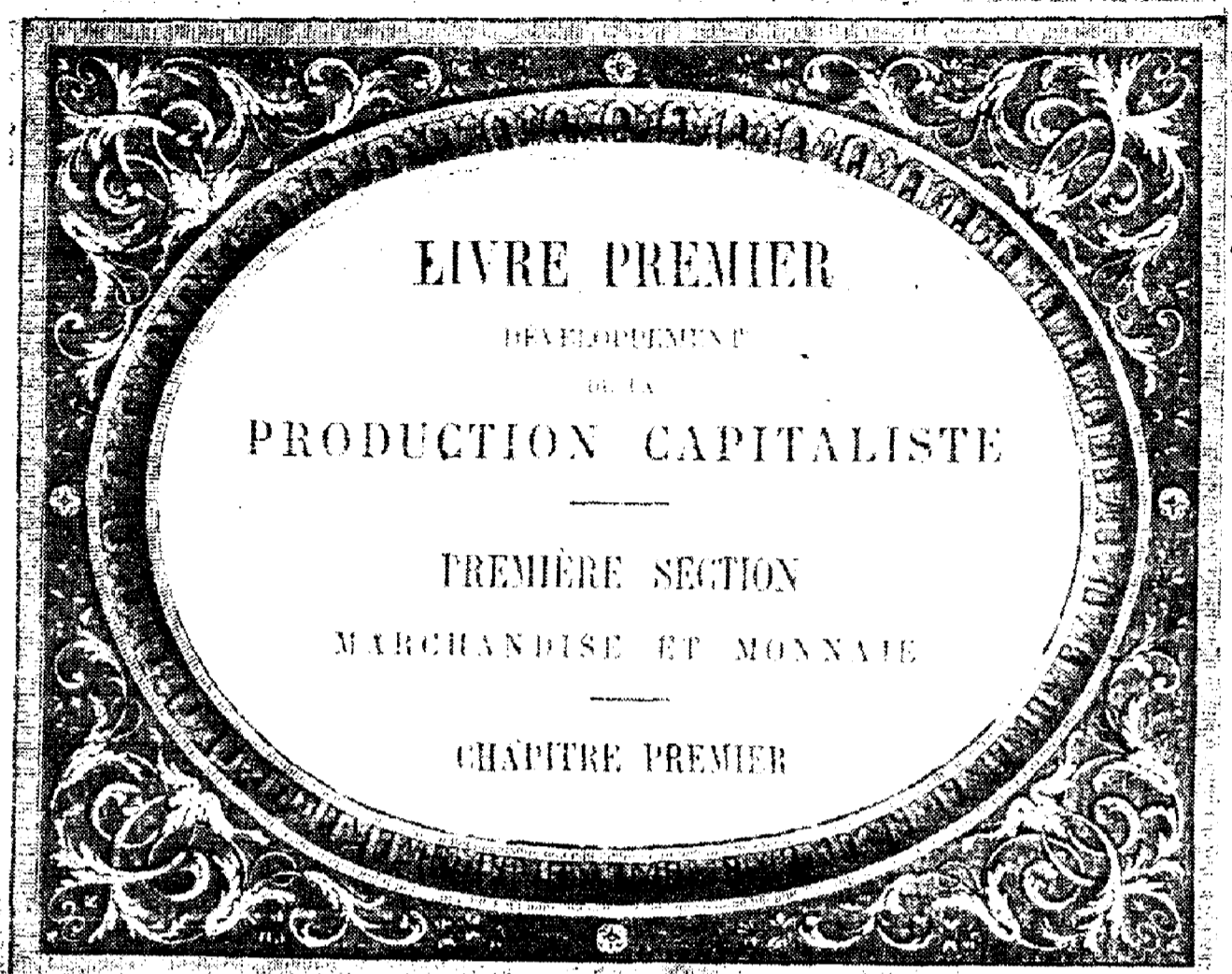
На основании этой же главы (ей соответствуют многочисленные высказывания Маркса в других его работах, а также в переписке) прочно устанавливается положение, что крепостничество, крепостная эпоха не есть особая, отличная от феодализма общественно-экономическая формация, а является лишь этапом развития, «вторым изданием» феодализма. Эти же исторические главы «Капитала» выясняют роль внеэкономического принуждения в феодальных отношениях.

Для этой же темы особо важен второй раздел VIII главы, который озаглавлен: «Ненасытная жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин» (т. I, стр. 213 и сл.). Маркс проводит здесь параллель между феодальной и капиталистической эксплуатацией и выясняет глубокие отличия между ними. Тут привлечен Марксом большой исторический материал, главным образом относящийся к славянским странам Восточной Европы.

Интересно одно глубокое замечание Маркса о царской России, кичившейся после победы над Наполеоном ролью «освободительницы Европы». После русско-турецкой войны 1828—29 гг. Россия получила возможность распоряжаться в придунайских княжествах Молдавии и Валахии. Генералу П. Д. Киселеву, одному из участников расправы над декабристами, была поручена организация управления в «покоренных» областях. Киселевым была там проведена громкая «отмена крепостного права», фактически явившаяся ширмой как раз для закрепления крепостных отношений, которые до российского владычества имели хотя бы то преиму-

¹ За отсутствием места я не останавливаюсь на этих вопросах. — М. Н.

² В настоящей статье I том «Капитала» цитируется по изданию 1920 г. (Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, ГИЗ, М., 1920 г.), а III том (ч. 1 и 2) цитируется по отдельному изданию 1931 г. (М.—Л., Соцэкгиз).

LA MARCHANDISE

I

Les deux facteurs de la marchandise : Valeur d'usage et valeur d'échange ou valeur proprement dite (Substance de la valeur, Grandeur de la valeur)

La richesse des sociétés dans lesquelles règne le mode de production capitaliste s'annonce comme une immense accumulation de marchandises. L'analyse de la marchandise, forme élémentaire de cette richesse, sera par conséquent le point de départ de nos recherches.

La marchandise est d'abord un objet extérieur, une chose qui par ses propriétés satisfait des besoins humains de n'importe quelle espèce. Que ces besoins aient pour origine l'estomac ou la fantaisie, leur nature ne change rien à l'affaire. Il ne s'agit pas non plus ici de savoir comment ces besoins sont satisfaits, soit immédiatement, si l'objet est un

mojen de subsistance, soit par une voie détournée, si c'est un moyen de production.

Chaque chose utile, comme le feu, le pain, etc., peut être considérée sous un double point de vue, celui de la qualité et celui de la quantité. Chaque est un ensemble de propriétés, diverses et peut par conséquent être utile par différents côtés. De même, ces côtés divers et en même temps les divers usages des choses est une partie de l'histoire. Toutefois la découverte de mesures communes pour la mesure des choses utiles, la diversité de ces usages, de ces marchandises à partir d'objets de nature différente les oblige à mesurer, par quelque chose, les propriétés d'une chose, par la mesure commune.

Toutefois, d'une chose, il n'est pas possible de mesurer

1. Karl Marx, *Das Kapital*, 1. Band, 1. Aufl., S. 1.

2. *Das Kapital*, 1. Band, 1. Aufl., S. 1.

3. *Das Kapital*, 1. Band, 1. Aufl., S. 1.

Товары имеют двойную природу: полезную и стоимостную.

щество, что не были оформлены юридически. Эти отношения были «узаконены всемирной освободительницей Россией, — иронически пишет Маркс, — под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был конечно продиктован самими боярами. Таким образом Россия одним ударом завоевала магнатов дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретингов всей Европы» (т. I, стр. 216).

Вопрос о различии феодальной и капиталистической формы эксплуатации вновь привлекает к себе внимание Маркса в XXI главе, посвященной простому воспроизводству: труд барщинного крестьянина и капиталистического рабочего сравнивается здесь с точки зрения заработной платы и воспроизводства «рабочего фонда» (т. I, стр. 574, 575). В то время как рабочий фонд принимает по отношению к капиталистическому рабочему форму платежного средства, по отношению к барщинному рабочему мы не имеем совершенно формы платы за труд. Барщинный рабочий, работающий положим три дня в неделю на собственном поле и три дня на помещичьей пашне, сам воспроизводит средства для собственного существования, для воспроизводства своей рабочей силы.

Очень важна общая характеристика общественных отношений «мрачного европейского средневековья», которая дана Марксом в I главе — «Товар и деньги». Подготавливая читателя к разбору вопроса о товарном фетишизме, характерном для капиталистических общественных отношений, Маркс выясняет вопрос, почему товарный фетишизм не имеет места в эпоху феодальных производственных отношений:

«... как бы мы ни оценивали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» (т. I, стр. 46).

Даже мелкие и беглые замечания Маркса об эпохе феодализма дают историку первостепенные руководящие указания для исследования истории феодализма. Так например в XXII главе — «Превращение прибавочной стоимости в капитал» — есть раздел, посвященный специально вопросу: «ошибочному пониманию политической экономией¹ воспроизводства в расширенном масштабе». Маркс подчеркивает здесь производственное отличие судьбы прибавочного продукта, оторванного от трудящегося капиталистической и феодальной эксплуатацией. Капиталист, как правило, в основном капитализирует прибавочную стоимость, превращает ее в капитал. В известной доле прибавочная стоимость конечно идет и для личных расходов капиталиста. Буржуазная политическая экономия, выполняя социальный заказ капиталиста, всячески проповедывала бережливость, накопление капитала как первый долг капиталиста; ясно, что при такой «бережливости» большая часть прибавочной стоимости будет превращена в капитал и тем прочнее будет обеспечено расширенное воспроизводство капитала — основа капитализма.

В противоположность этому Маркс напоминает о феодальном «стародворянском» принципе, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличности» и особенно ярко проявляется в «роскоши личных услуг» (т. I, стр. 597). В небольшом, почти случайном замечании подчеркнут огромной важности принципиальный вопрос, отличающий производственные отношения одной формации от другой. Всякий помнит, что в исторических документах последних лет вопрос о торговом капитале и о несуществующем в природе «торговом капитализме» имел особую остроту. Особенно это касалось историков России. Вопросу о торговом капитале Маркс уделил большое внимание в «Ка-

¹ Речь идет о классической буржуазной политической экономии. — М. Н.

питале», дав особо важные, принципиального характера указания в III томе.

Обширный четвертый отдел III тома «Капитала» носит название «Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал (купеческий капитал)». В этом отделе имеет особую важность для историка XXI глава, целиком написанная в историческом разрезе и озаглавленная: «Из истории купеческого капитала». Первая из упомянутых глав дает теоретический разбор понятия «товарно-торговый капитал», вторая же — его историю. В разрезе этого же вопроса о торговом капитале очень важна уже не раз упомянутая тут XXIV глава I тома, посвященная так называемому первоначальному накоплению. Там как раз рассмотрен вопрос о зарождении капитализма, о предпосылках образования нового способа производства — капиталистического — и выяснена истинная роль торгового капитала в этом процессе.

Прежде всего ясно, что торговый капитал не образует своего способа производства.

«Ничего не может быть более нелепого, — пишет Маркс, — как рассматривать купеческий капитал — в форме ли товарно-торгового или же в форме денежно-товарного капитала — как особый вид промышленного капитала» (т. III, стр. 310). *«Торговый капитал старше капиталистического способа производства»* (т. III, стр. 311). *«...торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и ведаюм его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.»* (т. III, стр. 317).

Поскольку торговый капитал не образует своего способа производства, то, разумеется, и речи быть не может о какой-то особой формации — «торговом капитализме». Такой формации никогда не было. Рассматривая происхождение капитализма, Маркс всегда говорит только о феодализме как о предшествовавшей ему общественно-экономической формации. Первой же стадией развития капитализма Маркс считает мануфактурный период.

В той же главе III тома — «Из истории купеческого капитала» — Маркс с полной ясностью выказывается о влиянии торгового капитала на производство. Торговый капитал влияет более или менее разлагающим образом на производство, но опять-таки своего способа производства не создает.

«...торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительскую стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства» (т. III, стр. 317).

Недавно опубликованные новые рукописи Маркса, относящиеся к I тому «Капитала», дают историку новый ценнейший материал для изучения вопроса о торговле и торговом капитале:

«Производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования; напротив, как я уже раньше разъяснил, они принадлежат также «добуржуазным формам общества». Они — историческая предпосылка капиталистического способа производства» (см. «Большевик» № 5—6 за 1932 г., стр. 80).

Отсюда ясны методологические требования марксизма в отношении изучения торгового капитала. Конкретно историческая обстановка, степень развития данной общественно-экономической формации определяют роль торгового капитала. В известных обстоятельствах он может играть и консервирующую роль. Начав же разлагать феодализм, он становится уже исторической предпосылкой нового — капиталистического — способа производства.

Перейдем теперь к общественно-экономической формации капитализма.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Вопрос об общественно-экономической формации — важнейший вопрос для историка. Это — основа, самая глубокая основа всякого подлинно научного, т. е. марксистского, исторического исследования. Ленин в своей работе о Марксе (написанной для Энциклопедического словаря бр. Гранат) подчеркивает именно эту сторону дела.

«Домарксовская социология и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей различных тенденций в состоянии материальных производительных сил».

Нет и не может быть такой темы исторического исследования, которая не связывалась бы с этим центральным вопросом — вопросом общественно-экономической формации.

Основной темой «Капитала» является именно капиталистическая общественно-экономическая формация. Эпоха капитализма является сейчас одной из самых главных тем исторического исследования. С нею связана огромное количество исторических вопросов, изучаемых в настоящее время историками. История пролетариата и рабочего движения всех стран — и французская революция 1789 г.; назревание пролетарской революции и краха капитализма — и чартистское движение; современный всеобщий экономический кризис — и промышленный переворот в Англии XVIII в.; мировая империалистическая война — и наполеоновские войны; теперешнее восстание в голландском флоте Индонезии — и революция 1848 г.; китайская революция — и Парижская коммуна. Эти примеры можно увеличить до огромного количества.

Связана ли историческая тема с эпохой финансового капитала и империализма¹, или с эпохой промышленного капитала, — все равно для изучения той и другой эпохи историк необходимо глубокое знание законов развития всей капиталистической формации в целом, без этого он ни шагу не сможет сделать в своем исследовании. Ленин ясно и сжато изложил в своей работе «Что такое «друзья народа», как полно и всесторонне осветил Маркс в «Капитале» общественно-экономическую формацию капитализма. Маркс изучил в «Капитале» и производственные отношения капиталистической формации, и вырастающие внутри нее классовые противоречия и классовую борьбу, и идеологию капиталистического общества. Охват получился настолько полный, всесторонний и глубокий, что

¹ Маркс, гениально проанализировавший законы развития и гибели капитализма, его революционной ликвидации, естественно не мог рассмотреть в «Капитале» эпохи финансового капитала и империализма, так как умер до их наступления. — М. Н.

КАПИТАЛЬ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА

изданное под редакціею Фридриха Энгельса.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КНИГА II. ПРОЦЕССЪ ОБРАЩЕНІЯ КАПИТАЛА.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Das Recht der Uebersetzung wird vorbehalten.

Hamburg

капиталистическая формация предстала перед читателем «Капитала», по словам Ленина, «как живая».

Вот что пишет об этом Ленин:

«Маркс берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.»

Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — «объясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» (т. I, стр. 62—63).

Маркс писал в своем предисловии к «Капиталу»: «Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественно-исторический процесс». Ленин справедливо видел в этом положении основную идею «Капитала». Эта мысль теснейшим образом связана с центральным выводом «Капитала» — неизбежностью гибели капитализма под натиском пролетарской революции.

Добавим, что историк должен обязательно использовать для изучения вопроса о гибели капитализма новые рукописи Маркса (недавно опубликованные Институтом Маркса и Энгельса), в которых отражена подготовительная работа Маркса к «Капиталу». Именно вопрос об историчности капитализма, исторически переходящем капиталистическом способе производства, о неизбежности гибели капитализма и революционной ликвидации капиталистических отношений восставшим пролетариатом составляет преимущественную тему этих новых отрывков¹.

«КАПИТАЛ» —
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Все сказанное дает нам возможность подойти к решению поставленного выше общего вопроса: является ли исторический момент в «Капитале» какой-либо «добавочной» темой, одной из «сторон» «Капитала»? Является ли он чем-то отличным от «чисто экономического» содержания этого труда, таким «отдельным моментом», который будет воспринят и особо учтен специалистом историком, но мимо которого может пройти

¹ Они публиковались в 1932 г. в «Большевике» — см. №№ 5—6, 12, 15. Публикация продолжается и в настоящем году — см. № 1—2 за 1933 г.

экономист, который сосредоточится на каких-то «других» сторонах «Капитала», более для него существенных?

На все эти вопросы мы можем теперь ответить решительным отрицанием. Весь «Капитал» насквозь историчен, каждая экономическая категория «Капитала» насыщена историческим содержанием и каждое положение имеет классовую сущность, заполнено классовыми отношениями. Историк берет выводы Маркса не «частично», не с какой-то одной «стороны», пренебрегая другими «сторонами», а в полном объеме его содержания.

Маленький пример. В первом томе «Капитала» есть замечательная глава — «Всеобщий закон капиталистического накопления». Это XXIII глава по общему счету глав I тома. Рассмотрев вопрос об органическом составе капитала и об отличии его от так называемого технического состава капитала, установив понятие состава капитала в отдельной отрасли производства, Маркс переходит к важнейшему вопросу о накоплении капитала. Разобрав его, он формулирует в сжатой и ясной форме свой основной вывод, свой итог: *«Итак, накопление капитала есть возрастание пролетариата»* (т. I, стр. 627).

Это положение в полном своем объеме нужно и для историка и для экономиста. Какую бы конкретную тему исследования из эпохи капитализма ни взял историк, он будет в своем исследовании руководствоваться этим обобщением. Возьмет ли он вопрос о предпосылках революции 1848 г. во Франции или революции 1905 г. в России, станет ли он изучать российский промышленный подъем 90-х годов XIX в. и рабочее движение этого же десятилетия, Парижскую коммуну или восстание английских горняков, — во всех подобных темах он будет руководствоваться приведенным выше выводом Маркса, сформулированным в главе «Всеобщий закон капиталистического накопления». В этом положении Маркса не будет никакой такой «стороны» или «части», которую историк может опустить как «несущественную» или нужную «только» для экономиста. Нет, он должен взять вывод Маркса в полном его объеме: применяя этот вывод на своей специальной теме, на каком-либо конкретном историческом материале, он будет руководствоваться этим общим положением как основным указанием в разработке документального, фактического материала исторического характера.

Это — первое. Это нужно прежде всего подчеркнуть при разборе значения «Капитала» для историка.

Чрезвычайно важны для историка те страницы «Капитала», на которых Маркс сам применяет выработанные им руководящие положения о законах развития капиталистической формации к конкретному материалу. Этот материал часто носит исторический характер. Маркс черпает для доказательств своих положений материал из истории самых различных стран, народов, эпох. Он привлекает огромное количество исторических первоисточников (размах его тут поистине громаден): от древнего Диодора Сицилийского, описавшего тяжелый труд рабов на серебряных рудниках Италии, до отчетов фабричных инспекторов современной Марксу Англии. Политические вопросы эпохи, материал текущей политики современной Марксу Европы пронизывает страницы «Капитала», подчеркивая заостренно-политический смысл всего произведения как орудия классовой борьбы пролетариата против эксплуататоров.

Понятен поэтому особый интерес историка к тем страницам «Капитала», где Марксом разработан конкретный исторический материал.

Возьмем крупнейшие примеры этого в I томе «Капитала».

Расположим эти примеры так, чтобы они рисовали созданную Марксом историю развития капиталистической общественно-экономической формации: ее возникновение, первоначальное развитие, расцвет и крах — революционную ликвидацию капитализма восставшим пролетариатом.

Никто из читавших «Капитал» никогда не забудет XXIV главы I тома, озаглавленной: «Так называемое первоначальное накопление». Здесь Маркс рассмотрел на богатейшем и чрезвычайно ярком материале вопрос о зарождении капиталистической формации. Эта эпоха кризиса, насилия и грабежа трудящихся усиленно размалевывалась буржуазными историками как идиллическая картина «мирного» накопления буржуазных средств для дальнейшего промышленного развития. Маркс гневно разоблачает эту утреннюю «зарю» капиталистического производства. Заметим, что даже самое название главы гневно-саркастично: «Т а к н а з ы в а е м о е п е р в о н а ч а л ь н о е н а к о п л е н и е».

Характерно, что Каутский, написавший популярную брошюру «Экономическое учение Карла Маркса», не заметил или не захотел заметить этой иронии и замазал ее тем, что совсем пропустил слова «так называемое» перед словами «первоначальное накопление».

«В незапамятные времена, — иронически налагает Маркс буржуазное «объяснение» начального накопления капитала, — существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранников и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивавших все то, что у них было, и даже больше того. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. С того времени существует широкая масса бедноты, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и горсточка богачей, богатство которых постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать» (т. I, стр. 735—736).

Так «понимает» дело буржуазия и ее ученые лакеи. Вернее, такие очки они стараются втереть трудящимся, которых они нещадно эксплуатируют. Бедные-де сами «виноваты» в своей бедности, так как были лодырями и все промотали, а богатые «самим себе» обязаны своим богатством, так как были «бережливы» и «накопляли».

Маркс разоблачает эту «идиллию». В действительности «методы первоначального накопления — все, что угодно, но только не идиллия» (т. I, стр. 736). Он показывает, что «первоначальное накопление» было не чем иным, как ограблением трудящихся, от которых предприниматели путем кровавого насилия отняли их средства производства и превратили их в «свободных, как птицы, пролетариев», которым нечего было продать, кроме собственных рук.

В начале той же главы Маркс дает важнейшие исторические обобщения, которые использует как руководящие каждый историк-марксист, исследующий тему о первоначальном накоплении. В нескольких сжатых строках Маркс вскрывает суть этого процесса и указывает историку, как и с какой стороны надо подходить к этой теме:

«... так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства. Экономическая, структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» (т. I, стр. 737).

Это отделение производителя от средств производства было достигнуто путем прямого грабежа трудящихся. Маркс недаром говорит, что история этого грабежа «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня».

На огромном историческом материале Маркс развертывает дальше картины этого грабежа в разных странах, привлекая исторические перво-

источники, документы. Перед нами проходит Англия XIV—XVIII вв., хозяйство мелкого английского крестьянина, в которое вторгается прежний феодальный владелец, становящийся предпринимателем. Расцвет фландрской шерстяной промышленности повел к огромному повышению цен на шерсть. Лорд не желает больше ограничиваться феодальными поборами с пахущего и сеющего крестьянина—ему нужны овцы, ему нужна шерсть, которая так выгодно продается расцветающей шерстяной мануфактуре. *«Превращение пашни в пастбище для овец стало лозунгом феодалов»* (т. I, стр. 710). Крестьянские земли насильно отбираются и превращаются в господские пастбища, разрушаются крестьянские жилища, «огораживаются» общинные земли. Сами крестьяне, лишившиеся пашни и крова, превращаются в «свободных, как птицы, пролетариев», которых кровавое законодательство английских королей гонит на фабрики и в тюрьмы рабочих домов.

Тот же процесс анализируется Марксом на судьбе феодальных дружин и феодальных церковных владений. Кровавое законодательство против экспроприированных насильственно вгоняет их в рамки капиталистической эксплуатации, стремится задавить их протест, их революционное брожение, снизить заработную плату, доставить его величеству капиталу послушных рабов-пролетариев, покорно отдающих ему полный продукт своего труда за возможность иппенского прокорма и звериное логово.

Особый отдел главы Маркс посвящает вопросу о происхождении капиталистических фермеров и другой, не менее важной для историка, теме — созданию внутреннего рынка для промышленного капитала. Этот внутренний рынок — результат того же процесса отрыва производителей от средств производства, создания класса пролетариев, которых голод, нищета, экономическая необходимость гонят на фабрику под видом «свободно» нанимающихся рабочих. Маркс иронически подчеркивает истинный смысл этой «свободы» в торьком и саркастическом названии «свободных, как птицы, пролетариев».

Особый отдел главы посвящен и возникновению и развитию класса эксплуататоров — буржуазии («Возникновение промышленного капиталиста»). Тут развернуты картины бесстыдного кровавого колониального грабежа и дан анализ роли колониальной политики крепнущей буржуазии в процессе *«превращения феодального способа производства в капиталистический»* (т. I, стр. 775). Тут привлечена история Испании, Португалии, Голландии, Франции и Англии.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства» (т. I, стр. 775).

Важнейшие характерные исторические черты мануфактурного периода — колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны — рассмотрены в этой же главе.

Таким образом всякий историк возникновения капитализма в любой стране имеет в XXIV главе «Капитала» блестящий образец применения диалектического метода к историческому исследованию этой темы, отчетливую постановку всех крупнейших проблем и для целого ряда стран — детальное исследование этих проблем на фактическом материале.

Прежде чем перейти к следующей крупной исторической теме, подобной вопросу о «так называемом первоначальном накоплении», необходимо остановиться еще на одной стороне Маркса как исследователя-историка, которую часто упускают из виду некоторые «заакадемизировавшиеся» историки-марксисты, пишущие сухие, вялые и бесстрастные научные трактаты и почему-то думающие, что именно «сухость», «холодность» и «бесстрастие» — признаки «настоящей» научной работы.

признаки различных стран, анализируя характерные черты формации, общие различным странам.

Вместе с тем Маркс привлекает для сравнения также исторический материал других формаций. Так, описав и проанализировав особенности капиталистической мануфактуры, Маркс в той же главе сравнивает ремесло первобытной индусской общины с цеховым ремеслом феодализма и показывает, что ни то, ни другое не имеет ничего общего с основами капиталистической мануфактуры. Хотя с виду есть сходство — разделение труда, недостает главного — обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему: средневековый подмастерье сросся со своими средствами производства, «как улиты с раковинной», — следовательно еще не имеет важнейшего признака пролетария — отделения от средств производства. Мы видим на этом примере, что сравнение формаций служит Марксу средством отчетливейшего выявления особенностей капиталистической формации.

Еще одно важнейшее для историка замечание: Маркс подчеркивает, что в отдельных случаях мануфактурный период знает применение машин, особенно при некоторых элементарных, подготовительных процессах производства, но все-таки из-за этого мануфактурный период не становится машинным — это характерно для следующего этапа капиталистического развития. «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий» (т. I, стр. 339).

Отсюда — руководящее указание для историка, изучающего мануфактурный период и вопрос о промышленном перевороте.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Вторжение машины в производство, революционизирующее прежние производственные отношения эпохи так называемого промышленного переворота, — это не первый, как думают некоторые историки, а второй период развития капиталистических отношений. Богатейшим историческим материалом насыщена основная для этой исторической темы знаменитая XIII глава «Капитала» — «Машины и крупная промышленность». В ней особенно часто встретит историк анализ истории промышленного развития отдельных европейских стран и отдельных отраслей промышленности. Особенно обилен и ценен материал по истории промышленного переворота в Англии во второй половине XVIII в. Эта глава включает в себя например ряд страниц по истории английской хлопчатобумажной промышленности в связи с историей рабочего движения второй половины XVIII в. и начала XIX в., представляющих собою прямо отдельную крупную историческую работу, имеющую самостоятельное значение.

Отметим, что историческое исследование на ту же тему встречается и в III томе «Капитала»: там в главе VI — «Влияние изменения цен» — есть особый отдел под названием «Общая иллюстрация: хлопчатобумажный кризис 1861—1865 годов».

Маркс вскрывает во всем объеме борьбу противоречий на переходе от мануфактурного периода к машинному. Особый подраздел главы о машинах имеет темой «Революционирование мануфактуры, ремесла и домашнего производства крупной промышленностью». Чисто технические моменты перехода рассмотрены тут Марксом с исчерпывающей полнотой. Проанализирована острая классовая борьба этого периода. Особенно подробно рассмотрено рабочее движение этого времени. Особый отдел главы посвящен борьбе рабочих с машинами (см. главу XIII, отд. V).

Рассматривая рабочее законодательство эпохи, Маркс вскрывает его роль ускорителя распространения машинной индустрии, победы круп-

ного машинного производства над мелким. Подход Маркса к вопросу ясен уже из названия соответствующего подотдела главы о машинах: «Переход современной мануфактуры и домашнего труда к крупной промышленности. Ускорение этой революции распространением фабричных законов на эти способы производства».

Эпоха зрелого промышленного капитализма с ее экономическими кризисами, резервной армией капитализма, ростом пролетариата, ростом пауперизма, обостряющейся классовой борьбой рассмотрена в «Капитале» на огромном историческом материале. Это — центр «Капитала», и этому уделено в нем наибольшее внимание. Не только отдельные исторические примеры по истории Англии, Франции, Бельгии, Германии вкраплены в текст экономических глав, — часто часто историческим вопросам Маркс посвящает отдельные крупные отделы. Так, в главе о всеобщем законе капиталистического накопления имеется например особая часть: «Англия 1846—1866 гг.». Эта тема взята Марксом в качестве примера. Тут рассматривается история Англии за указанное двадцатилетие с точки зрения развития промышленности и накопления капитала на одном полюсе и роста рабочего класса, нищеты и пауперизма — на другом. Англия взята Марксом именно как классический пример страны развитого капитализма, и рост классовых противоречий в эпоху двух десятилетий типичного промышленно-капиталистического «процветания» тут особенно характерен.

ИСТОРИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА

Всемирно историческая роль пролетариата как могильщика капиталистического общества, пролетариата, совершающего социалистическую революцию, строителя бесклассового социалистического общества, — такова основная, руководящая мысль «Капитала» и основной исторический вывод, установленный Марксом. Ясно, что этот вывод имеет важнейшее, руководящее значение для специального изучения истории пролетариата.

История рабочего класса в эпоху промышленного капитализма — одна из исторических тем, особенно полно раскрытых Марксом в «Капитале». Он проводит это исследование всесторонне. Центральным, руководящим тут является положение об антагонистическом характере капиталистического производства. «Накопление богатства на одном полюсе есть и то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе» (т. I, стр. 664). На основе этого общего положения Маркс рассматривает вопрос о происхождении рабочего класса, процессах его формирования, его численности, составе. Подробнейшим образом рассмотрена в историческом разрезе проблема эксплуатации пролетариата буржуазией — примеры взяты, начиная с момента первоначального накопления капитала и далее на всем протяжении истории промышленного капитализма. Рассмотрены подробнейшим образом история заработной платы, история рабочего дня, вопросы женского и детского труда, питания, жилища, одежды, быта, идеологии рабочего класса. Исторический материал главным образом взят Марксом из истории страны классического капитализма — Англии, но привлечен также и ряд других стран, например Франция, Германия.

Иногда исторические сведения о положении рабочего класса вкраплены в ход экономического анализа стоимости, нормы прибыли, органического состава капитала, иногда же историческое исследование Маркса о рабочем классе выделяется в особые крупные отделы, главы или даже целый ряд отделов. Так, мы имеем в одном из крупных примечаний к главе V «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» разбор характерных особенностей положения английского каменщика и квалифицированного текстильщика в 40-е годы XIX в. (т. I, стр. 175); в главе VII «Норма прибавочной стоимости» анализ положения детского труда в англ-

лийской льнопрядильной промышленности того же десятилетия. Таких примеров можно было бы привести очень много. Среди крупных глав и их отделов прежде всего надо назвать насквозь историческую по своему материалу VIII главу — «Рабочий день». Исследуя в этой главе вопрос об эксплуатации пролетариата, прилагая в ней к конкретному историческому материалу выводы о норме прибавочной стоимости, полученные в предыдущей главе, Маркс показывает, как ненасытная жажда прибавочного труда у капиталистов заставляла их увеличивать рабочий день и интенсифицировать труд, зная никаких границ своей алчности.

«При своей вольней жадности к прибавочному труду капитал опровергает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света... не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно-исключительна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня» (т. I, стр. 246).

На огромном фактическом материале — главным образом истории английского рабочего класса 40-х и 60-х гг. XIX в. вопрос о рабочем дне рассмотрен детальнейшим образом и для отдельных отраслей промышленности (III отдел. VIII глава — кружевное, гончарное, спичечное, обойное, пекарное, железнодорожное, швейное, кузнечное производства; для системы смен и введения непрерывного суточного труда — металлопромышленность).

В ответ на рост капиталистической эксплуатации растет борьба рабочего класса. В VIII главе I тома — «Рабочий день» Маркс посвящает этому вопросу три последних раздела. Он рассматривает в этой главе, соответственно ее теме, борьбу за нормальный рабочий день. *«Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим»* (т. I, стр. 252). В этих разделах Марксом рассмотрена также история фабричного законодательства с XIV по XIX век.

Эти положения звучат так знакомо для читателя, что могут показаться ему «само собой разумеющимися». «Конечно фабриканты стремятся удлинить рабочий день, конечно рабочие борются против этого, ясно, что жажда прибавочного труда у капиталиста ненасытна!» — может сказать читатель. Но в том-то и дело, что все эти «простые» выводы завоеваны для пролетарской науки именно великой книгой Маркса «Капитал» и теоретически проанализированы, осмыслены, научно обоснованы именно в этой книге. И историк, изучающий вопрос о рабочем дне, именно в этой книге найдет основные способы (методы) изучения истории рабочего дня и связанной с этим вопросом борьбы пролетариата.

Во всех последующих главах также огромное место уделено вопросу истории рабочего класса и его эксплуатации (положению рабочего класса), особенно же много внимания уделено этому Марксом в V отделе — «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости», в VI отделе — «Заработная плата» и в знаменитой XXI главе — «Всеобщий закон капиталистического накопления», где уже в упомянутом нами V отделе («Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления») Маркс в специальных подразделах рассматривает вопросы о наиболее плохо оплачиваемых слоях рабочего класса, о бродячих рабочих и горнорабочих, о влиянии кризисов на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса, о британском земледельческом пролетариате и о пролетариате Ирландии.

И опять мы отмечаем у Маркса — исследователя истории рабочего

класса характерную черту: Маркс — не «холодный, академический ученый», а ученый-революционер, ученый — борец за дело своего класса. Поэтому и картины отчаянного положения английских металлистов или немецких горняков, или детей, умирающих у ткацкого станка Манчестера, насыщены классовым гневом, написаны горячо и страстно и никогда не забудутся теми, кто хотя бы раз прочел их. Анализируя вообще хотя бы о рабочем дне, Маркс приводит сотни примеров эксплуатации рабочих, и нет ни одного случая, который излагался бы Марксом с «холодным бесстрастием».

Вот например случай, описанный в современной Марксу газете под лицемерным заголовком якобы «удивленного» буржуа: «Смерть от простого переутомления». В 1863 г. в придворной модной мастерской работала Мари-Анна Уоклей. Мастерскую эксплуатировала, как саркастически передает заметку Маркс, «одна дама с симпатичным именем Элиза». Был разгар «сезона», разгар придворных балов, на которые благородные люди собирались танцевать в роскошных нарядах. Предстоял бал в честь «только что импортированной принцессы Уэльской». Мари-Анна Уоклей проработала 26½ часов и в результате чрезмерной работы «умерла в воскресенье, не потрудившись даже, к великому изумлению госпожи Элизы, закончить последнее бальное платье» (т. I, стр. 234—235). Этот случай вызывает гнусно лицемерное «удивление» буржуа: «вообразите — смерть от простого переутомления!» Маркс, которому этот пример — один из сотен — нужен для доказательства стремления капиталиста безгранично увеличивать рабочий день, насыщает этот пример саркастическим разоблачением лицемерия буржуа, срывает с него маску и показывает подлинное его лицо.

Никто из читающих главу о первоначальном накоплении капитала не забыл конечно герцогиню Сутерленд, экспроприровавшую бравох шотландцев-галлов, населявших ее земли и сотни лет «проливавших кровь за ее род». Герцогиня решила «очистить» от людей целое графство, ей принадлежавшее, и превратить землю в пастбища — один из примеров того, как, по выражению великого утописта Томаса Мора, овцы могли «есть людей». Вместо 15 тысяч галлов на землях Сутерленд появилась 131 тысяча овец. С 1814 по 1820 г. герцогиня провела в этом графстве настоящую войну: «британские солдаты были посланы для экзекуции и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть». Часть ограбленных галлов пыталась прокормиться рыболовством. Оттесненные к берегу, они жили наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование. Этот рассказ дан Марксом в яркой художественной форме, он разоблачает подлинное существо зари капиталистического производства. Интересно отметить, что эти факты дали Марксу повод и к политическому разоблачению: герцогиня Сутерленд устроила в Лондоне пышную встречу писательнице Бичер-Стоу, автору «Хижины дяди Тома». Встреча была устроена с целью показать симпатию герцогини к «бедным» американским неграм-рабам. Маркс в ответ на это лицемерие поместил в газете «New York Tribune» статью о том, как живут рабы самой герцогини Сутерленд (т. I, стр. 752—753).

ИДЕОЛОГИЯ
ПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИИ

Эта тема также является исторической. Историк идеологии капиталистического общества не сможет правильно поставить свое исследование, если не учтет тех руководящих выводов Маркса, которые имеются в «Капитале». Особенно важно учесть это историк идеологии эпохи промышленного капитализма — историк буржуазной науки, религии, искусства.

Прежде всего историк важно учесть то, что Маркс не преследовал

цели дать характеристику какой-либо отдельной конкретной капиталистической системы, а давал общую схему капитализма. Характерные стороны капиталистического процесса он брал в плане высшей экономической абстракции. Пользуясь этим приемом, он прибегал к особому способу персонализации капитала. Он нарисовал обобщенный образ капиталиста с присущими ему характерными чертами личности: ненасытной жаждой прибавочного труда, с чертами безжалостного эксплуататора. Капиталист Маркса действует «как олицетворенный, одаренный волей и сознанием, капитал. Капиталист представляет собою лишь персонализированный капитал. Его душа — душа капитала». Отсюда для историка — возможность проверки центральныx идеологических черт капитализма при анализе какой-либо капиталистической идеологии.

Надо заметить, что этот прием персонализации капитала часто облекается Марксом в художественную форму, помогающую читателю схватить суть идеологии капиталиста. Вот один из примеров. Разоблачив лицемерную попытку капиталистической политэкономии объяснить возникновение прибыли «самоотречением» капиталиста, якобы «воздерживающегося» от личного потребления, чтобы пустить деньги опять в оборот во имя «интересов промышленности», Маркс вскрывает истинное существо доходов капиталиста и останавливается на эксплуатации детей в английской стекольной промышленности. Даже официальные фабричные отчеты признают эту эксплуатацию базисной. *«А между тем, — восклицает Маркс, — «приснолженный самоотречения» капитал стекольной промышленности, поштываясь от портвейна, возвращается поздно ночью из клуба домой и вдиотски напевает себе под нос: «Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами» (т. I, стр. 245).*

Капитал дается здесь как живое, художественное типизированное лицо: он днем эксплуатирует детский труд, а ночью пьянствует в клубе и, возвращаясь домой, поет лицемерную песню о рабах, в то время как его собственные фабрики полны этих самых британских рабов...

Очень важны для историка-марксиста разбросанные в «Капитале» характеристики отдельных буржуазных историков, разоблачающие их классовую сущность. Пример — характеристика английского историка Макколея (т. I, стр. 255) в главе о рабочем дне. Маркс приходит к выводу, что Макколея «подделал английскую историю в интересах вигов и буржуазии». Очень интересна характеристика буржуазного историка Моммсена, узревшего капитализм... в античном Риме (т. III, стр. 313).

Особенно богат «Капитал» анализом буржуазной политической экономии. Самый подзаголовок «Капитала» — «Критика политической экономии» — указывает на то, что вместе с созданием новой, подлинно научной пролетарской теории политической экономии, полностью соответствующей действительному положению вещей, Маркс разоблачил и разрушил ложную науку — буржуазную политическую экономию. *«Вульгарная экономия, — пишет Маркс, — толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что идеалистски систематизирует базальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире — лучшем из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами» (т. I, стр. 50).*

Сжатая и блестящая сводка об истории буржуазной политической экономии дана Марксом в послесловии ко второму изданию «Капитала» (т. I, стр. XLVII—XLIX). Тут установлена общая линия развития буржуазной политической экономии, ее конечная зависимость от состояния производительных сил и прямая ее связь с классовой борьбой эпохи. В «Капитале» дано огромное число характеристик и разоблачений отдельных бур

жуазных экономистов — Сэя, Бентама, Милля, Сениора, Мальтуса, Мак-Куллоха, Ропера и многих других.

Добавим, что историк, изучающий идеологию капиталистической буржуазии, обязательно должен глубочайшим образом продумать одно замечательное высказывание Маркса об особом способе идеологической маскировки, применяемом капиталистом и его ученым. Оно находится во вновь опубликованных рукописях Маркса, относящихся к I тому «Капитала». Маркс говорит здесь о подмене буржуа и его ученым понятия капиталистической частной собственности понятием трудовой частной собственности, характерной для докапиталистического способа производства.

«... не только теория капиталистического способа производства (политическая экономия, философия права и т. д.), но и сам капиталист любит в своем представлении смешивать свой вид собственности и присвоения, покоящийся в своем дальнейшем развитии на присвоении чужого труда и в своем начале на экспроприации непосредственного производителя, с тем способом производства, который наоборот предполагает частную собственность непосредственного производителя на его условия производства...» (см. «Большевик» за 1932 г. № 5—6, стр. 91—92).

Мы видим, что Маркс является не «бесстрастным» ученым, исследующим корни идеологии буржуа, но борцом против этой идеологии, ее беспощадным разоблачителем.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Итак, основная тема «Капитала» — общественно-экономическая формация капитализма, законы ее функционирования, развития и гибели. Маркс изучает ее возникновение, расцвет и неизбежную гибель. Капиталистическое общество возникает на развалинах феодального, — разложение последнего освобождает элементы первого. Вместо феодального способа производства возникает новый — капиталистический. Старыми, феодальными способами насилия, внеэкономического принуждения пользуется эпоха первоначального накопления капитала, экспроприрующая непосредственного производителя. Она отделяет его от средств производства, создает в начальной форме класс пролетариата, продающий свои рабочие руки и не имеющий иных средств существования.

Возникающая на развалинах феодальных форм капиталистическая мануфактура жадно поглощает труд разоряющегося мелкого производителя. Промышленная революция открывает эпоху победного шествия новой машинной техники. Пар и машины производят революцию промышленности. Капиталистический способ производства окончательно укрепляется, вместе с ним окончательно оформляется класс пролетариата. Растет капиталистический рынок, ширится круговорот капитала — капитал воспроизводит себя во все расширяющемся масштабе. — периодические кризисы потрясают всю хаотическую, не регулируемую планом систему капиталистического производства. Растет прибавочная стоимость, высасываемая капиталом из трудящихся. В руках кучки эксплуататоров сосредотачиваются огромные средства производства. Человеческое общество все отчетливее, все резче раскалывается на антагонистические классы — пролетариат и буржуазию.

Вызванные к жизни капиталом производительные силы уже не уместаются в узких рамках капиталистических производственных отношений. Как говорится в «Коммунистическом манифесте», буржуазия походит «на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами». Историческая миссия класса пролетариата — революционная ликвидация капиталистических отношений и соз-

дание бесклассового социалистического общества. Гениальное произведение Маркса «Капитал» глубоко научно, на основании острейшего теоретического анализа доказывает неизбежность краха капитализма, революционной ликвидации пролетариатом капиталистических отношений.

Глава о так называемом первоначальном накоплении подводит в этом отношении итоги в знаменитом разделе «Историческая тенденция капиталистического накопления». Сопоставив особенности развития начала капиталистических отношений, «зарю» капиталистического производства (отмеченную самым беззастенчивым грабежом самостоятельного производителя) с моментом краха капитализма, Маркс приходит к выводу: «Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплуатирующий многих рабочих капитал». «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигает уровня, при котором они становятся несовместимыми с капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

В этих знаменитых словах—конечный исторический вывод «Капитала». И к этому выводу, как радиусы к центру, сбегаются нити любого исторического исследования эпохи капитализма. Центральный вывод «Капитала» историчен по существу. Это еще раз подчеркивает огромное значение «Капитала» для историка.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Крупнейшая работа Маркса «Капитал» имеет огромное значение для историка. «Капитал» не является каким-то «узким», написанным «специально» для экономистов произведением. «Капитал» широк и многосторонен, одновременно являясь и экономическим, и историческим, и философским трудом.

«Капитал»—блестящее, классическое применение метода диалектического материализма к изучению законов развития общественно-экономической формации капитализма.

«Капитал» включает в себя разработку отдельных значительнейших тем исторического исследования, относящихся к эпохе промышленного капитализма: историю так называемого первоначального накопления, историю мануфактурного периода, историю промышленного переворота, историю развитого промышленного капитализма, историю пролетариата, и мн. др. Разработка всех этих исторических тем является блестящим образцом применения метода исторического материализма к огромному историческому материалу. «Капитал» дает огромной ценности и руководящего значения указания для исторического исследования прочих общественно-экономических формаций. В частности «Капитал» дает исторiku ценнейшие указания для изучения истории феодализма. В «Капитале» имеется также большое количество руководящих указаний для изучения античного мира и рабовладельческого строя.

Изучение «Капитала» как исторического произведения—обязательная задача каждого историка.

«Капитал» Маркса, как и все его работы, является величайшим произведением человеческого гения. Многие поколения рабочего класса учились на этом произведении понимать задачи своего класса, задачи борьбы против буржуазии. Прошло 64 года со времени выхода в свет I тома; за эти десятилетия рабочий класс прошел большую и суровую школу борьбы. Идя по пути, указанному Марксом, он одержал ряд побед всемирно исторического значения.

«Капитал» принадлежит рабочему классу, он принадлежит коммунизму, победоносно строящему социалистическое общество в нашей стране и готовящему мировой пролетариат к решающим боям за власть.

МАРКС — БОРЕЦ за освобождение УГНЕТЕННЫХ НАЦИЙ и КОЛОНИАЛЬНЫХ НАРОДОВ

Г. САФАРОВ

Через полвека после смерти Маркса мир выглядит по-иному, чем тогда, когда уходил этот гигант революционной мысли и борьбы.

По-иному выглядит и колониальный мир, проблемы которого были подняты на уровень революционной теории и революционной политики Карлом Марксом.

Эпоха империализма и пролетарской революции, эпоха всеобщего кризиса капитализма и всемирно исторической победы пятилетки отличается от эпохи, последовавшей за поражением Парижской коммуны, не только своим гигантским размахом революционной борьбы. Современная эпоха отличается от той эпохи также и тем, что родились и развились новые революционные классы, десятки миллионов, спавшие мертвым историческим сном, пробудились к борьбе, весь мир расколот надвое борьбой социализма и капитализма. В этой новой исторической обстановке идеи Маркса — и в том числе основные идеи по национально-колониальному вопросу — могут пробивать себе дорогу вперед только под ленинским знаменем. Только как неотъемлемый и важнейший элемент марксистско-ленинского учения о национально-колониальной революции как части мировой пролетарской революции могут эти идеи завоевывать массы, двигать миллионами, десятками и сотнями миллионов людей, осуществлять постоянную творческую связь с жизнью.

В новой обстановке идеи Маркса должны пробивать себе дорогу в борьбе с международным социал-империализмом и социал-фашизмом.

Маркс неустанно проповедывал: «Не может быть свободен народ, который угнетает другие народы».

Но во всем мире партии II интернационала являются дольщиками системы колониального грабежа и угнетения.

Безликий соратник Маркса Фр. Энгельс говорил (письмо Марксу от 23 мая 1856 г.): «Так называемая свобода английских граждан покоится на подавлении колоний». Но в империалистических государствах, — тем более в условиях версальской системы, — вся буржуазная демократия, все «свободы», «права» и «конституционные гарантии» неразрывно спаяны с колониальным рабовладением: буржуазия не прибегает к наиболее острым и открытым средствам классового подавления лишь постольку, поскольку ей удастся держать в узде рабочий класс с помощью подкупа верхушки его колониальными сверхприбылями.

«Все основные противоречия капитализма, империализма, которые приведут к революции, все основные противоречия в рабочем движении, которые приведут к жесточайшей борьбе со II интернационалом... все это связано с дележом населения земли» (Ленин).

II интернационал уже не довольствуется оправданием империализма. На его конгрессах социал-демократические агенты финансового капитала различных стран цинично договариваются о дележе колоний. Политики II интернационала проповедуют усмирение колоний и полуколоний. Это — своеобразная идеологическая «газовая команда» империализма.

Маркс учил: Индусы не будут пожинать плодов новых элементов общества разсеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании выше правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское иго.

В противоположность этому резолюция Брюссельского конгресса II интернационала обещала угнетенным народам только «ту степень самоуправления (!), которая желательна (!) для туземного населения».

О том, какую «степень самоуправления» предоставила Англия Индии, можно навести справку у Рамзая Макдональда, участвовавшего в составлении этой лживо-трусливой фальшивки.

Но может быть кто-нибудь слышал о борьбе французских социалистов против зверств Паскья и К^о в Индокитае, против проведения «выборов» в сирийский горе-парламент с помощью т а н к о в ?!

Может быть не из рядов японских социал-демократов вышел аннексионистский лозунг: «Социалистический (!) контроль над правами (???) Японии в Манчжурии и Китае»?

Маркс грозил захватчикам капитала:

«Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им в близком будущем бегстве в Азию доберутся, наконец, до Китайской стены, к воротам, которые ведут к архиконсервативной твердыне, то, как знать, не найдут ли они там надпись:

«République Chinoise. Liberté, Egalité, Fraternité»¹.

Маркс вскрывал революционный зародыш будущего в тайпинском движении и мобилизовал пролетариев капиталистических держав против интервенции в Китае.

Председатель II интернационала Эмиль Вандервельде в наши дни ревностно науськивает на китайских кули, идущих против империализма и средневековья под знаменем Маркса и Ленина:

«Вооруженные банды, торжественно именуемые красными армиями, бродят взад и вперед, испаряясь при появлении регулярных войск; в общем, своими местными успехами, которые им удастся заполучить, они обязаны лишь отсутствию правительственных войск, занятых в другом месте... Нужно ожидать (!?), что освобожденное от этой заботы шанхайское правительство быстро справится с ними»².

Ату их, Араки, Лига наций, империалисты всех стран!

Как последовательный пролетарский революционер, Маркс резко ребром ставил вопрос: «Может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии?»³.

Вы хотите знать, что думает об этом стар Отто Бауэра и прочих австромарксистов?»

Послушайте, какие голоса раздаются из этого стана:

«Долой империализм» — для кули это значит «долой железную дорогу», для ремесленника — «долой машину»; это — р е а к ц и о н н о е желание: «назад к средневековью»⁴.

Неутомимо и горячо проповедывал Маркс национально-революционную войну против угнетателей. Он не предполагал, что его память будут осквернять Отто Бауэры и Даны.

Вспомним, как встретил Отто Бауэр китайскую революцию 1925—27 гг. с трибуны Марсельского конгресса. Он объявил ее «опасностью для мира», присовокупив к этому подлейшую клевету на СССР в духе сто процентного интервенционизма:

«Большевизм по самой своей сути — воинственная карикатура

¹ Обозрение «Новой рейнской газеты», 1850 г.

² E. Vandervelde, A travers la revolution chinoise, p. 233.

³ «New-York Tribune», 25 июня 1853 г.

⁴ Otto Mänschen, China, 1931, S. 218.

на социализм. Так же, как он убежден, что освобождение внутри может быть достигнуто только в кровавой гражданской войне, так же он убежден, что освобождение на внешней арене может быть достигнуто только кровавой войной революционных наций против капиталистических наций»¹.

Этот «друг умиренных» преподнес это откровение после расстрела империалистами безоружной демонстрации рабочих и студентов в Шанхае, на Нанкин-Род, 30 мая 1925 г. Об этом расстреле, раскрывшем двери революции, Отто Бауэр умолчал.

Но зачем эти справки из прошлого, когда уже в связи с нападением японских хищников на безоружный Китай Иуда — Дан, старый Искариот российского контрреволюционного меньшевизма, писал в органе Бауэра и К^о «Kampf» о том, какую угрозу в смысле бонапартизма и победы контрреволюции представляет для Китая... оборона его территории от захватчиков!

Маркс доказывал, что национально-освободительная борьба не может быть успешной без аграрно-крестьянской революции. А австромарксизм декларировал, что Китай созрел только... для столыпинщины, т. е. для господства феодально-буржуазной контрреволюции!².

Маркс искал некапиталистический, социалистический путь развития для остальных народов, минуя капитализм.

II интернационал предал анафеме самую мысль о возможности подобного пути как зловерное порождение большевизма.

Очная ставка II интернационала с Марксом неопровержимо свидетельствует не только о том, что Маркс и II интернационал находятся по разные стороны баррикады. Она одновременно доказывает, что защищать и продолжать дело Маркса возможно лишь в самой беспощадной борьбе со II интернационалом и всем его охвостом.

Если мы обратимся к общей принципиальной постановке национального и национально-колониального вопроса у Маркса, то мы легко убедимся, что Маркс ставил этот вопрос всегда и неизменно с точки зрения революционного пролетариата, с точки зрения борьбы за революционную гегемонию пролетариата, с точки зрения борьбы за диктатуру пролетариата в конечном счете. В период 1848—71 гг. национальный вопрос, вопрос о национальном освобождении и национально-государственном объединении целого ряда наций Европы, был одним из важнейших вопросов борьбы за демократическую революцию в Европе. Переход всей европейской буржуазии в лагерь контрреволюции после подавления восстания парижского пролетариата в июне 1848 г. подвел к определенному классовому итогу: «ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом»³.

Борьба пролетариата за последовательное завершение буржуазно-демократической революции и за переход от нее к революции социалистической таким образом была неотделима от последовательно-демократического решения вопросов о независимости Польши, о национальном объединении Германии, о национальном освобождении Италии, об освобождении Ирландии и т. д. Борьба за национально-демократическую перестройку Европы была заострена против тогдашнего международного жандарма — против крепостнического царизма, и она могла быть доведена до конца, до разгрома всех твердынь реакции, только в борьбе с убудочным буржуазно-помещичьим национал-реформизмом, под руководством рабочего класса. Царизм же представлял оплот реакции не только на Западе, но и на Востоке. «Всякий шаг назад в развитии революции на континенте сопровождался успехом России на

¹ Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter Internationale in Marseille, 22 bis 27 August 1925, S. 332.

² «Kampf», 1930, September.

³ К. Маркс, Классовая борьба во Франции.

Востоке»¹. Интересы английского капитала, борющегося за свою промышленную и колониальную монополию, сталкивали его с царизмом. Однако он постоянно отступал от серьезного единборства с ним, поскольку разгром царизма грозил мировыми последствиями величайшего революционного значения.

С другой стороны, столбовую дорожку революции загораживала промышленная и колониальная монополия Англии.

«Если Англия. — писал Маркс от имени Генерального совета Интернационала в 1870 г., — является классическим гнездом лендордизма и капитализма, то, с одной стороны, материальные условия их уничтожения развиты здесь больше, чем где-нибудь. Генеральный совет поставил теперь в счастливое положение благодаря непосредственному руководству великим рычагом пролетарской революции... Англию нельзя просто ставить наряду с другими странами. Ее надо рассматривать, как метрополию капитала» (письмо Кугельмазу от 28 марта 1870 г.).

Обозревая события, соотношения классовых сил и интересов, борьбу внутри отдельных стран и борьбу на международной арене с этой интернациональной революционно-пролетарской вышки, Маркс вмещивался в борьбу угнетенных народов как полномочный представитель единственного до конца революционного класса.

Как раз по этой причине он встретил Тайпинское восстание в Китае во всеоружии революционного знания. Он безбоязненно заявил, что «ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления вероятно будут в гораздо большей степени зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи, — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо другой в настоящее время существующей политической причины... Принимая во внимание, что британская промышленность уже проделала большую часть своего обычного цикла, можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в сильно заряженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготавливавшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последуют политические революции на континенте. Любопытное будет зрелище, когда Китай вызовет потрясения в Западном мире, между тем как западные державы, с помощью английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого канала»².

Гениальные, пророческие слова! Злобные гаремные свнухи империализма из рядов Интернационала могут беззубо хихикать по поводу того, что в конкретной обстановке 50—60-х годов XIX в. получилось «не по Марксу». Тогда пролетарская революция не сплелась с национально-колониальной революцией. «Торгующие порядком державы», как называл их Маркс, помогли своей интервенцией победе феодализма в Китае. А наряду с этим в Европе революционные темпы оказались слишком недостаточными для того, чтобы расстроить расчеты реакции.

Однако в конечном историческом счете оказался прав Маркс. Борьба за республику в Китае, разбуженная «тюками ситца английских буржуа», сделалась смертельной угрозой для господства не только английского, но и международного капитала. А в то же время она нашла опору

¹ «New-York Tribune», 9 июня 1853 г.

² К. Маркс, Революция в Китае и в Европе. «New-York Tribune», 14 июня 1853 г.

в конце Октября, в борьбе за Советы, в борьбе СССР против мирового империализма.

Маркс не отбивал раболепные поклоны перед «тюками ситца» английских, японских и иных буржуа, как это делают все оруженосцы социал-демократии, до самых «левых» включительно, объявляя эти тюки всеприменимо-абсолютным олицетворением цивилизации, которой все должны покориться. Напротив! С пламенной страстью революционера он следил за тем, как «огромное скопление товаров» влекло буржуазное общество на дно промышленных кризисов, удешевляя революционный размах борьбы труда против капитала и освобождая огромные запасы революционной энергии угнетенных народов.

Маркс атаковал метрополию капитала, никогда не забывая о том, что «в конечностях буржуазного организма естественно должны скорее происходить насильственные катастрофы, чем в его сердце, где возможностей компенсации больше»¹.

Владычица мирового рынка тех дней, Англия, боялась неудач в Китае не меньше, чем нового взрыва революций в Европе.

Ничтожный ренегат Рой, дезертировав из рядов коммунизма, выставил социал-империалистическую теорию деколонизации как новейшее откровение марксизма.

Маркс, который и на индийской почве вел борьбу за «душу» английского пролетариата с либеральными манчестерско-хлопчатобумажными сторонниками «свободной торговли», систематически и до конца разоблачал их лицемерие.

«Нельзя заставить английскую буржуазию, — писал он в своей замечательнейшей статье «Будущие результаты британского господства в Индии», — желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс индийского народа, улучшения, обуславливаемого не только развитием производительных сил, но и их освоением народом. Но что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений»².

Отсюда Маркс делал вывод о том, что Индия может быть освобождена только либо национально-освободительной революцией в Индии, либо пролетарской революцией в Англии, либо их соединенными усилиями. Ни развить производительные силы Индии до такого предела, который бы раскрепостил Индию от экономической зависимости от Англии, ни тем более обеспечить освоение этих производительных сил народами Индии в смысле самостоятельного национального промышленного развития английский капитал не может и не хочет. Это противоречило бы его природе. Индия — его подчиненный, служебный придаток. Она не должна быть хозяйственно самостоятельной, экономически и политически независимой. В интересах эксплуатации и порабощения Индии английская буржуазия вынуждена импортировать в Индию известный нищенски незначительный минимум промышленного прогресса. Но «командные высоты» чужеземного капитализма противостоят массам народов Индии как враждебная и подавляющая сила национального угнетения.

Так смотрел на дело Маркс.

Можно представить себе, как бы живой Маркс реагировал на подло ренегатские строки какого-нибудь Роя, который в 1930 г. дописался до того, что объявил слабую китайскую коммунистическую партию «партией деревенских пауперов, тяготеющих к бандитизму»³.

¹ Обозрение «Новой рейнской газеты». Обзор от мая до октября 1850 г.

² «New-York Tribune», 22 июля 1853 г.

³ M. N. Roy, Revolution und Kontrerevolution in China, S. 466.

Можно вообразить, с каким бы чувством брезгливости он ответил на напыщенные социал-демократические тирады Троцкого о том, что «крестьянское движение, хотя бы и прикрытое именем Советов, остается разрозненным, местным, провинциальным»¹.

В этих вопросах не приходится строить досужих догадок.

Вспомним, как он отнесся к тайпинскому восстанию в Китае и к сипайскому восстанию в Индии — к движениям, которые выросли в несравненно более отсталой обстановке, при отсутствии колониального промышленного пролетариата.

Мы уже имели случай убедиться, как он расценивал движение тайпинов в его первоначальной фазе — пока оно не было разбито и разложено изнутри под влиянием помещиков и джентри.

Про сипайское восстание он писал:

«С первого же взгляда очевидно, что подчинение индийского народа покоится на верности туземной армии, созданием которой британское правительство организовало, против себя первый основной центр сопротивления, каким английский народ когда-либо располагал... Это первый случай в истории, что сипайские молки черебили своих европейских офицеров, что мусульмане и индусы, забыв их неприязнь, объединились... наконец, что восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением общего недовольства против английского господства со стороны великих азиатских народов»².

Маркс и Энгельс не питали иллюзий относительно смешанно-противоречивой природы движения.

«Французская монархия, — указывали они, — получила первый удар не от крестьянства, а от знати. Восстание в Индии начали не измученные англичанами, угнетенные, ограбленные до нитки райоты, а одетые, сытые, холеные, балованные англичанами сипай»³.

Революцию райотов-крестьян призывали Маркс и Энгельс в качестве карающего меча на голову британских капиталистических захватчиков!

Восток, как и Запад, для Маркса был ареной борьбы, которая неизбежно упиралась в перспективу мировой социалистической революции. Без марксовой борьбы за освобождение порабощенных народов пролетарский интернационализм был бы невымыслим.

Одно из значительнейших мест I тома «Капитала» гласит:

«В Северо-американских соединенных штатах всякое самостоятельное рабочее движение парализовалось, пока часть республики обезображивалась рабством. Белокожий труд не может освободиться там, где труд черных фрук носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую, юную жизнь. Первым плодом гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, перешагнувшая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии».

Эти строки «Капитала» — пощечина господам Вандервельде, поддерживающим варварскую эксплуатацию черных рабов бельгийского империализма. Это — плевок в лицо Блюмам и Реноделям, помогающим французским ростовщикам сосать кровь из подданных французской

¹ «Бюллетень оппозиции», сентябрь — октябрь 1930 г.

² «New-York Tribune», 15 июля 1857 г.

³ Там же, 14 августа 1857 г.

колониальной империи. Это — презрительный пинок Гендерсонам и Ленсбери, поддерживающим английское самодержавие в черной Африке, и это — оплеуха Хилквитам и Томасам, отстаивающим национальное угнетение негров в Соединенных штатах.

Маркс был практическим организатором борьбы против интервенции, которую затевали английские текстильные фабриканты с целью помощи рабовладельцам Юга — поставщикам хлопкового сырья для их предприятий.

«Английскому рабочему классу, — констатировал он в воззвании немецкого рабочего общества самообразования в 1863 г., — принадлежит бессмертная историческая заслуга в том отношении, что он отбил неоднократные попытки господствующих классов произвести интервенцию в пользу американских рабовладельцев, устроив ряд восторженных митингов, хотя продолжение американской гражданской войны несло миллиону английских рабочих ужасающие страдания и лишения».

Ленсбери и Мекстоны могут сказать: «*Nous avons changé tout ça*» — «Мы все это переменяли».

Их «отпор» современным империалистическим «подвигам» английского капитала, «подвигам», по сравнению с которыми интервенционистские попытки 60-х годов кажутся детской забавой, как две капли воды, похож на щекотание пяток господам Черчилям и Чемберленам.

Американские буржуа Севера своим трусливым топтанием на месте вызывали возмущение Маркса и Энгельса.

«Север, сам, — восклицал Маркс в письме к своему другу Энгельсу 7 августа 1862 г., — превратил рабов в военную силу Юга вместо того, чтобы направить их против последнего. Юг сваливает всю производительную работу на рабов и может поэтому беспрепятственно бросить все свои силы на фронт... Один полк, составленный из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан... Подобную войну надо вести революционно, янки же до сих пор пытались вести ее конституционно».

Маркс видел реальное условие полного уничтожения рабства в революционной войне, которая бы одновременно была военно-организованным восстанием самих негритянских масс. Американские буржуа увенчали эту освободительную борьбу переводом негров на полурабское положение с использованием, джимкромизмом, линчеванием и террором Ку-клукс-клана. С какого бы конца мы ни приблизились к сокровищнице марксова наследия, всюду перед нами встает гигантская фигура безупречного и беззаветно мужественного революционного вождя — борца и мыслителя. Он умел подхватывать, нестовать, заботливо поддерживать и развивать всякое движение угнетенных против угнетателей во всех концах земного шара. Он не был революционным глобтроттером-космополитом того типа, который рисуетя мещанскому воображению. Нет! Он был мировым стратегом пролетарской революции, и именно поэтому он мог так смело и безбоязненно шагать через десятилетия, движимый смертельной ненавистью к наемному рабству, к колониальному рабству и крепостническому средневековью.

Вместе со своим достойным сподвижником Энгельсом он за десятки лет до 1917 г. прокладывал путь великому Октябрю.

Энгельс писал Марксу из Манчестера (14 апреля 1856 г.):

«Теперь наступает последняя фаза спекуляции: Россия импортирует капитал, а с ним и спекуляцию; при ее же расстояниях и стомильных железных дорогах спекуляция непременно примет такие размеры, что скоро приведет к краху. А когда мы услышим о великом Иркутском пути светками на Пекин, тогда настанет время

наковать наши чемоданы. На этот раз будет неслыханный крах: все элементы налицо: интенсивность подъема, его международный характер и вовлечение всех имущих и господствующих социальных слоев».

Это предсказание можно читать сквозь близорукие очки филистерски ограниченного конъюнктурного подсчета. И его можно — и на самом деле необходимо — расшифровывать, исходя из большой исторической перспективы. В предсказании Энгельса, как в эмбрионе, заключено и предсказание битвы за концессии в Китае и войны царизма с Японией и революция 1905 г. с ее великими международными последствиями. В конце концов подытоженными Октябрем.

«Великий сибирский путь» протянул свои рельсы к Тихому океану позднее, но его сооружение внесло немалую лепту в подготовку краха царизма.

Маркс и Энгельс так ревниво следили за этим продвижением царизма на Дальний Восток потому, что они предвидели, как Россия из реакционной глыбы и феодального барьера между Западом и Востоком превратится в революционный мост между пролетарской революцией и революцией колониальных народов.

Маркс и Энгельс всю свою жизнь вели борьбу с социал-шовинизмом, и в первую очередь с тем социал-шовинизмом, который рос из промышленной и колониальной монополии английского капитала и души и лростки пролетарской революции в Англии.

Маркс и Энгельс считали Ирландию «первой колонией Англии».

«Английская буржуазия не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии, вынужденным переселением бедняков-ирландцев, но, кроме того, она разделила пролетариат на два враждебных лагеря.. Средний английский рабочий ненавидит ирландского, как конкурента, который понижает заработную плату и уровень жизни. Он питает к нему национальную и религиозную ненависть. Он представляется ему почти в таком же свете, в каком черные рабы представлялись белым беднякам Южных штатов Северной Америки. Эта рознь между английскими пролетариями искусственно культивируется и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этой розни заключается действительная тайна сохранения ее могущества. Эта рознь проявляется также по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли быками и бараками, ирландцы переселяются в Соединенные штаты, где они составляют значительную и все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — это ненависть к англичанам. Английское и американское правительства, т. е. классы, которые их представляют, культивируют эту ненависть, чтобы увековечить интернациональные противоречия, являющиеся тормозом всякого серьезного и честного союза между рабочим классом обеих стран, и вследствие этого и тормозом их общего освобождения.. Необходимым предварительным условием освобождения английского рабочего класса является превращение современного принудительного объединения, т. е. рабства Ирландии, в равный и свободный союз, если это возможно, или в полное раз'единение, если это неизбежно».

Так заявлял Маркс в 1870 г. от имени Генерального совета Международного товарищества рабочих.

«Английский рабочий класс никогда ничего не добьется, — подчеркивал Маркс в письме к Энгельсу от 10 декабря 1866 г., — пока он не избавится от Ирландии. Рычаг должен быть установлен в Ирландии.

Поэтому ирландский вопрос имеет такое большое значение для социального движения вообще».

Ирландский вопрос остался висеть гирей на ногах английского рабочего класса и по сей день. И по сей день еще английские рабочие не протнали от себя пинками Гендерсонов, расстрелявших ирландского социалиста Джемса Конолли и других повстанцев 1916 г. и продолжающих поддерживать диктатуру английского империализма в Ирландии.

В полемике против Розы Люксембург Ленин указывал, что «политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший и доныне сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; дала предостережение против той холопской торопливости, с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насильем и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации»¹.

В «Декларации прав народов России», провозглашенной Октябрьской революцией, в конституции СССР, в осуществлении пятилетки нашли свое достойное завершение идеи Маркса и Энгельса, идеи беспощадной борьбы с национальным тлетом и неравенством.

Социал-фашистские фабриканты фальшивок пытаются замести следы, подсовывая легенду о «молодом Марксе», «увлечения» которого были преодолены Марксом зрелых лет.

Не знаешь, чему больше удивляться: бесстыдству спекуляции на невежестве или наглости осквернения памяти Маркса.

Вспомним, как в период русско-турецкой войны 11 февраля 1878 г. Маркс писал Вильгельму Либкнехту:

«Благодаря периоду коррупции, наступившему с 1848 г., английский рабочий класс был мало-помалу охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел наконец до того, что стал простым придатком «великой либеральной рабочей партии», т. е. партии своих собственных работников, капиталистов. Руководство английским рабочим классом перешло целиком в руки продажных вождей тред-юнионов и агитаторов по профессии. Эти молодцы на все лады крикливо прославляли царя — освободителя народов вслед за Гладстонами, Брайттами, Мунделлами, Морлеями, фабрикантской сволочью и т. д., не ударяя в то же время пальцем о палец для своих собственных братьев, осужденных шахтовладельцами Южного Уэльса на голодную смерть».

Социал-демократические пресмыкающиеся перед фабрикантской сволочью! Вы слышите львиное рычание нашего Маркса, того Маркса, дело которого продолжил великий Ленин?

Разя беспощадно великодержавный национализм вплоть до его самых ловких «социалистических» перевоплощений, Маркс и Энгельс одновременно стремились вооружить пролетариат и трудящихся угнетенных наций для борьбы против собственной буржуазии, против буржуазного национал-реформизма.

В той же самой Ирландии буржуазный национал-реформизм стремился изолировать трудящиеся массы от влияния международной классовой борьбы пролетариата. Эти господа держались, по словам Маркса, того взгляда, что «нужно замалчивать, что английские рабочие симпатизировали ирландцам» (письмо Маркса Энгельсу от 4 декабря 1869 г.). По их адресу Энгельс заявлял:

«Ирландия все еще «священный остров», чаяния которого низким образом не следует смешивать с вульгарною классовою борьбою прочего грешного мира. Частью это, несомненно, настоящее помешательство у лю-

¹ «О право наций на самоопределение, февраль 1914 г.

дей. частью же, столь же несомненно, сознательно рассчитанная тактика вожаков, чтобы удержать свое господство над крестьянами. Сюда присоединяется еще то, что крестьянская нация всегда вынуждена брать своих литературных представителей из среды городской буржуазии и ее идеологов и в этом отношении Дублин для Ирландии приблизительно то же, что Копенгаген для Дании... Для этих же господ всякое рабочее движение — чистейшая ересь, и ирландский крестьянин не должен знать, что социалистические рабочие — его единственные союзники в Европе» (письмо Энгельса Марксу от 9 декабря 1869 г.).

Опираясь на свою непримиримую борьбу против всех форм великодержавного гнета и шовинизма, беря ее за исходную позицию, Маркс и Энгельс разоблачали буржуазный национализм в среде угнетенных наций.

Маркс и Энгельс показали воочию истинную классовую суть этого буржуазного национализма, ратующего за национальную свободу постольку, поскольку она должна государственно оформить классовое господство «национального» капитала без выплаты дани чужеземному порабителю. Буржуазный национализм боится народной революции с насильственной ломкой снизу аграрного строя и всей суммы сложившихся социальных отношений не меньше, чем чужеземного порабощения. Угроза со стороны революционных низов неизменно обращает его в бегство перед чужеземным порабителем. Маркс жил и боролся в ту эпоху, когда еще не родился колониальный пролетариат, когда противоречия труда и капитала еще не были перенесены на колониальную почву. Но он дал незаменимое оружие колониальному пролетариату для борьбы за свое классовое самоопределение.

Против гандизма, кемализма, сунятсенизма и всех иных видов проповеди сотрудничества и «священного единения» классов якобы на почве борьбы за национальное раскрепощение Маркс дал отточенное оружие борьбы.

Маркс не остановился у «великой» китайской стены, и его не испугали индийские джунгли. Маркс внимательно изучал исторические условия разрушения феодального застоя на Востоке. Ведь только подрыв традиционных устоев мог высвободить Монбланы революционно-творческой энергии низов, скрытые под спудом неподвижных веков спячки и бездеятельности.

Именно эту сторону марксовой практически-революционной диалектики выдвигал на первый план Ленин. Он призывал учиться «той диалектике, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹.

Маркс приветствовал разрушение натурально-хозяйственной замкнутости первобытных индийских общин, замкнутости, обусловленной тем, что земледелие дополнялось домашней промышленностью.

«Я полагаю,—говорил он,—что трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма» (письмо Энгельсу от 14 июля 1853 г.).

¹ Ленин, О значении воинствующего материализма.

Маркс заранее вскрыл все ханжеское лицемерие гандизма, проповедующего под видом восстановления домашней промышленности протекционизм в интересах индийского «национального» капитала и отказ от аграрно-крестьянской революции. Индийская буржуазия, неразрывно связанная с крепостническим помещичьим землевладением и ростовщичеством, в демагогических кривляниях во славу рабского «ненасилия» и домашней прялки — пресловутой «чарки» — старается найти средство для отвлечения трудящихся масс от действительной борьбы с империализмом и средневековьем. Маркс не мог предвидеть, как будет выглядеть сунятсизм, пересмотренный, подправленный и дополненный гоминдановской контрреволюцией. Но он изготовил великолепное противоядие против этого идеологического опиума, дав свою путевку китайской революции с курсом на соединение с социалистической революцией в Европе.

Маркс не был в состоянии представить кемализм, объявляющий себя новейшим откровением XX в., но он зло смеялся над буржуазным туркфильством Уркарта, славословившего Турцию как страну, недоступную для классовых противоречий. Наконец, — и это особо важно, — Маркс поставил проблему некапиталистического, социалистического развития отсталых народов.

В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» 21 января 1882 г. Маркс задавался вопросом:

«Спрашивается теперь, может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землей, — непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладения или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определяет собой историческое развитие Запада?»

Ответ Маркса был ясен и недвусмыслен:

«Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Как раз основываясь на этой перспективе, Маркс писал редакции «Отечественных записок» в 1877 г.:

«Если Россия будет продолжать идти по тому же пути, по которому она шла с 1861 г., то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо предоставляла история какому-либо народу для избежания всех злоключений капиталистического строя».

Маркс и Энгельс относились непримиримо враждебно ко всем либерально-барским и мелкобуржуазным народническим попыткам приукрашивания деревенской патриархальщины. А наряду с этим были не менее враждебны и по отношению ко всем буржуазным тенденциям возбедения капитализма в абсолют, в предел — его же не преидеши. Именно это дает все основания утверждать, что социал-демократическая теория равномерного и гармоничного «перехода» капитализма в социализм находится в вопиющем противоречии с прямыми высказываниями Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс не дожили до эпохи империализма, до обострения открытого Лениным закона неравномерного развития капитализма в условиях, присущих этой эпохе. Победа социализма в одной стране, борьба двух систем на этой основе, борьба отсталых народов за некапиталистический путь развития в связи с этой борьбой — все это было принесено развертыванием пролетарской революции в специфических условиях современной эпохи. Но не может быть сомнения в том, что эти завоевания ленинского этапа родились из фундаментальных идей Маркса и Энгельса и являются их неизбежным, внутренне необходимым продолжением.

Постановка Марксом проблемы некапиталистического, т. е. социалистического, развития отсталых народов помогла ленинизму одержать величайшие победы на базе союза передового пролетариата с народами Востока, освобождающимися из-под ига империализма. Она легла в основу Союза социалистических советских республик. Эта идея, поднятая на высшую ступень советским движением, посеяла советские семена на колониальной почве. Под ее мощным влиянием появились на свет новые нации советского типа, новые советские национальные государства, новые потоки культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию, новые национальные формы строительства социализма — в Средней Азии, на Кавказе, в Белоруссии и т. д.

Эпоха Маркса не знала Советов, этой исторически зрелой и завершенной формы пролетарской диктатуры и строительства социализма. Она не знала колониального пролетариата, способного стать советским организатором национально-колониальной революции под руководством большевистской партии. Наконец она не знала решающей пружины революционного действия — ленинской партии. Но Маркс — основоположник учения о пролетарской диктатуре и коммунизме, о партии пролетариата, основоположник учения о национально-колониальном вопросе и некапиталистическом пути развития отсталых народов.

Маркс — боец-вождь, Маркс — боец-учитель, это — наш Маркс. Этот Маркс живет в боях за ленинское дело, за коммунизм.

...Маркс словесному, и часто лицемерному, признанию равноправия и самоопределения наций противопоставил революционное действие масс и в области решения национальных вопросов. Империалистическая война и раскрытые ею Авгиевы конюшни лицемерия оппортунистов и наутскианцев наглядно подтвердили правильность этой политики Маркса, которая должна стать образцом для всех передовых стран, ибо теперь каждая из них угнетает чужие нации.

ЛЕНИН

ЭТАПЫ БОРЬБЫ

М. КАРМИН

I

Корни всех идеологических надстроек лежат в конечном счете в производстве материальных средств существования. Эта азбучная истина марксизма применима разумно также к зарождению и развитию самого марксизма. Фридрих Энгельс — ближайший друг и сподвижник Маркса — отмечал, что марксизм «должен был прикинуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в материальных экономических фактах». Ленин с предельной точностью и сжатостью определил этот «порядок идей», три источника марксизма: немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм. Ленин неоднократно подчеркивал, что зарождение и развитие марксизма неразрывно связаны с историческими условиями развития капитализма и рабочего движения на протяжении всего XIX и начала XX века.

Рождение капиталистической общественно-экономической формации — этой основной исторической предпосылки возникновения марксизма — представляло собой целую историческую эпоху. Кровавые подвиги героев так называемого первоначального накопления в XVI—VIII вв., расхищение и кража общинных земель, обезземеление крестьян, беспримерные колониальные грабежи и уничтожение миллионов туземцев, работорговля, система монополий и т. п. привели к ускорению образования внутреннего рынка и к новому классовому делению общества. Вместо основных классов феодального общества — крестьян и феодалов — выступают на первый план новые классы: пролетарии и буржуа.

Но даже в наиболее передовой стране того времени полная победа нового способа производства произошла лишь в первый период XIX в., когда закончился промышленный переворот, т. е. когда Англия от ремесла — через простую кооперацию и мануфактуру — перешла к крупному машинному капиталистическому производству. Взамен феодального способа производства на первый план выступает капиталистический способ производства, основанный на «чистом экономическом» принуждении «свободного» пролетария.

В грозе и буре Великой французской революции принципы капиталистического способа производства пробили себе дорогу не только в самой Франции, но и далеко за ее пределами. Политически бессильная буржуазия отсталой и раздробленной к тому времени Германии под непосредственным влиянием Великой французской революции выдвигает своих идеологов: от Канта, основоположника «немецкой теории французской революции», до Гегеля, давшего в своей философии «алгебру революции».

Классическая политическая экономия на родине промышленного капитализма — в Англии — создает в лице Адама Смита и Рикардо теорию трудовой стоимости.

В то же время неуклонно идет процесс отпочкования пролетариата из общей массы угнетенных.

«Незрелому капиталистическому производству, невысшейности взаимного положения классов соответствовали и незрелые теории. Приходилось изобретать, а не открывать решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений» (Энгельс). Наступила полоса расцвета утопического социализма, особенно во Франции, где все заманчивые лозунги Великой французской революции — «свобода, равенство и братство», обещавшие наступление тысячелетнего царства разума и справедливости, привели на практике лишь к замене феодализма капитализмом, т. е. к замене одной формы классового угнетения другой. Утопические социалисты — англичанин Роберт Оуэн, французы Сен-Симон, Фурье, Кабе

и др. — одинаково ненавидели революционные методы борьбы. Утопический социалист Кабе заявлял: «Если бы я держал революцию в кулаке, то я бы держал его сжатым, хотя бы мне угрожало быть убитым или изгнанным».

Тем не менее заслуга утопических социалистов исключительно велика. Сен-Симон еще в 1802 г., т. е. за 16 лет до рождения Маркса, пришел к убеждению, что Великая французская революция была борьбой классов; Фурье дал bitingую критику изв буржуазного общества, его внутренней гнили и разложения. Под толстым слоем бредовых идей и чудачеств (вроде того, что при социализме возможно будет превратить волну морей в сладкий лимонад) у Фурье можно найти замечательные для своего времени мысли, например о значении соревнования в социалистическом обществе. Английский утопист коммунист Роберт Оуэн, являющийся отцом кооперации, в отличие от Сен-Симона и Фурье, пытался связать проповедь идей коммунизма с непосредственным рабочим движением Англии. Мелкобуржуазные идеи Оуэна (мюновы бавары и пр.) объясняются в значительной мере тем обстоятельством, что пролетариат в ту эпоху (1830—40 гг.) лишь формировался как класс, только начинал сознавать свои собственные классовые интересы.

Рабочий класс Англии, положение которого в процессе промышленного переворота чрезвычайно ухудшилось, стоял в первой половине XIX в. во главе международного революционного движения. Сначала английские рабочие пошли по пути разрушения машины, но затем пролетариат понял, что основное зло — не в мертвых стальных и железных орудиях труда. Начинается организация рабочих союзов и забастовок. В 1818 г. шотландские рудокопы провели даже всеобщую забастовку. Вплоть до 1824 г. профсоюзы подвергались страшным преследованиям и вынуждены были скрываться в глубоком подполье. К 1834 г. создается борющийся за восьмичасовой рабочий день Большой национальный союз объединенных промыслов.

Высокий подъем рабочего движения Англии начинается с 1836 г. с момента возникновения так называемой Лондонской ассоциации рабочих, положившей начало первому в мировой истории пролетарскому революционному движению — чартизму.

Авангард английского пролетариата сознавал, что чартизм — «вопрос ножа и вилки» и что интересы рабочего класса диаметрально противоположны интересам буржуазии. Передовые пролетариаты вовсе не желали выполнять роль послушного орудия в руках либеральной буржуазии в ее классовой распре с землевладельцами. На одном из митингов, созванном фритредерами (сторонниками свободной внешней торговли) рабочий-чартист бросил прямо в лицо буржуазным либералам классовую правду классового врага: «Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку».

«Английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма» (Ленин). Не подлежит никакому сомнению, что коммунистические взгляды Энгельса сформировались под непосредственным влиянием чартистского движения.

В 30-х годах XIX в. рабочее движение начинает развиваться и во Франции (лионские восстания 1831 и 1834 гг.) и даже в отсталой Германии (восстание силезских ткачей в 1844 г.).

В 40-х годах XIX в. социалистически настроенные рабочие массы Франции находились в идейном плену у разнородных мелкобуржуазных идеологов: Кабе, Луи Блана, Прудона. Большим влиянием пользовался также Бланки. Среди немецких рабочих — в особенности в эмиграции — были сильны идеи революционного утописта портного Вейтинга. Назревавшая революционная эпоха властно требовала принципиально нового, нового подхода к теоретическому обобщению и осмыслению опыта пролетарского революционного движения. Такая единственная подлинно научная идеология революционного пролетариата, идеология, возвысившая социализм до степени науки, и появилась на свет в 1844 г.; в этом году наиболее существенные элементы этой идеологии сформировались в гениальном уме Карла Маркса¹.

¹ К марксистским убеждениям пришел в том же 1844 г. и Фридрих Энгельс, ставший с тех пор помощником, другом и соратником Маркса на всю жизнь.

У людей разного социального положения бывают разные пути к коммунистическим убеждениям — например инженер приходит к коммунизму своим путем, непосредственным с путем рабочего, и т. д. Маркс не составляет исключения из этого правила: путь Маркса к научному социализму был обусловлен обстоятельствами того времени и того места, где воспитывался и вырос Карл Маркс. Не имея возможности останавливаться хоть сколько-нибудь подробно на разборе мировоззрения и политической позиции «домарксистского» Маркса-юноши, мы здесь лишь напомним, что до 1813 г. Маркс — выходец из буржуазной среды, как и все лучшие представители буржуазной немецкой интеллигенции того времени — был идеалистом-гегельянцем, левым гегельянцем-фейербахианцем в вопросах философии и приверженцем революционно-демократических взглядов в политике. В 1812 г. 24-летний Маркс состоял редактором органа демократической буржуазии «Рейнская газета». 1813 год — год перелома в мировоззрении Маркса, а в 1844 г. «домарксистскому» периоду в жизни Маркса пришел конец. В сентябре 1844 г. Маркс обнаружил своего первого единомышленника в лице Энгельса.

С тех пор и вплоть до конца своих дней Маркс (при самом активном соучастии Энгельса) неуклонно разрабатывал основы революционно-пролетарского, коммунистического мировоззрения, учение о диктатуре пролетариата, неколебимо боролся против буржуазии и всех ее прислушников, пытающихся сбить рабочий класс с пути борьбы за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

К периоду революционных бурь 1818 г., — собственно уже за несколько лет до них (к 1814—15 гг.) — сложились во всем основном философские, политические и экономические взгляды Маркса. Маркс создал диалектический материализм — философскую, теоретическую основу всей революционной борьбы рабочего класса. Решительно разорвав с Гегелем, преодолев ограниченность фейербахианства, Маркс «поставил диалектику с головы на ноги», сделав из нее материалистическую революционную диалектику.

К началу 1845 г. появляются тезисы Маркса о Фейербахе, и в том же 1845 г. Маркс и Энгельс в книге «Святое семейство» разоблачают антиреволюционную сущность Бруно Бауэра, «истинных социалистов» («нечто вроде мирных лавристов; полукультурники, неревOLUTIONИЕРЫ, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди», как говорил Ленин).

В 1846 г. Маркс и Энгельс заканчивают книгу «Немецкая идеология». В 1847 г. в книге «Нищета философии» Маркс сводит политические счефы с Прудоном (последний, «отец анархии», по сути дела — смиренный мелкий буржуа). В том же 1847 г. Маркс и Энгельс активно работают в Союзе коммунистов и выработывают текст «Коммунистического манифеста».

В «Коммунистическом манифесте» заложены основы материалистического понимания истории и основы диалектического материализма вообще, значение и особенности развития капиталистической общественно-экономической формации, всемирно историческое значение революционной классовой борьбы пролетариата, который должен рано или поздно через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата освободить не только самого себя, но и все человечество от всякой формы эксплуатации человека человеком.

II

Весь «Коммунистический манифест», от первой строчки до последней, — пламенный призыв к мировой пролетарской революции. «Пусть господствующие классы содрожатся перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этим во существовавшем до образования Союза коммунистов, ныне вошедшим в плоть и кровь десятков миллионов пролетариев, лозунгом заканчивается «Коммунистический манифест».

«Коммунистический манифест» был составлен Марксом и Энгельсом в конце 1847 г. К 1848 г., говорит Ленин, «это (учение Маркса) лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каж-

Handwritten notes at the top of the page, possibly a title or introductory text.

Handwritten notes in the middle section, including names and dates.

Schweizerische Eidgenossenschaft
Genève
Paris
Lyon
Marseille
Nantes
Bordeaux
Lille
Strasbourg
Bruxelles
Londres
Amsterdam
Paris
Lyon
Marseille
Nantes
Bordeaux
Lille
Strasbourg
Bruxelles
Londres
Amsterdam

Handwritten notes in the bottom section, including names and dates.

Genève (1848)
Paris
Lyon
Marseille
Nantes
Bordeaux
Lille
Strasbourg
Bruxelles
Londres
Amsterdam
Paris
Lyon
Marseille
Nantes
Bordeaux
Lille
Strasbourg
Bruxelles
Londres
Amsterdam

дого класса капиталистического общества, прикрытию буржуазной сущности демократических преобразований разными якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1818 г. наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам домарксовского социализма. Революция во всех странах показывает в действительности разные классы общества».

Маркс разумеется ринулся со всей присущей ему революционной страстью в кипучий котел революции. Из Брюсселя (где он находился с 1815 г. вследствие изгнания его из Франции) Маркс поехал в Париж, а затем, когда в Германии в марте 1818 г. также вспыхнула революция, Маркс отправился в Германию, где редактировал «Новую рейнскую газету» (в Кельне).

Обстановка в Германии была в ту пору чрезвычайно сложной, а классовые соотношения сил складывались неблагоприятно для немецкого рабочего класса. Перед сравнительно отсталой и раздробленной Германией революция 1818 г. ставила на первых порах буржуазно-демократические задачи, причем центральным вопросом революции был вопрос национального объединения Германии. Немецкий пролетариат был слаб и в революции захватила буржуазия. Но сама-то буржуазия в Германии была

огнюдь не революционна, а в лучшем случае лишь оппозиционна. Июньские дни 1848 г., когда парижский пролетариат, авангард рабочего движения той эпохи, встал на борьбу в защиту своих классовых интересов, вселили ужас в сердце буржуазии всей Европы. «Парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили... одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов... рабочий класс был всюду продан анафеме...» («Капитал», т. I, стр. 258).

Учитывая реальное соотношение классовых сил, Маркс на известном этапе революции 1848 г. считал возможным и целесообразным в известном смысле поддерживать оппозиционные буржуазные и мелкобуржуазные течения в Германии. Маркс разоблачал всех либералов и радикалов, которые подменяли революционную борьбу за власть бесконечным словоблудием во франкфуртской и всяких иных «говорильнях». Всем мелкобуржуазным «защитникам народа» Маркс противопоставлял трезвый революционный анализ и неумолимую железную логику классовой борьбы.

В «Новой рейнской газете» Маркс неустанно вел линию на революционный путь объединения Германии снизу, на путь беспощадной борьбы со всеми видами реакции и оппортунизма. Маркс неустанно пропагандировал революционную войну Германии и всей Европы против жандарма Европы — самодержавной России.

Маркс боролся за установление гегемонии пролетариата в германской революции, за создание рабочей партии и за превращение этой буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Теория перманентной революции, которую совершенно изуродовали потом, сочинив свою собственную теорию «перманентной» революции. Роза Люксембург и Парвус и которую потом Парвус и Троцкий выдвигали в борьбе против большевизма, — теория эта была впервые сформулирована Марксом и Энгельсом именно в процессе революции 1848—49 гг. Как известно, Ленин на основе марксовой теории перманентной революции выдвинул идею перманентной революции, исходя из которой Ленин разработал потом теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Ученые» слакен буржуазии и оппортунисты разной масти многократно пытались опорочить и извратить тактику Маркса в революции 1848 г. как якобы «оппортунистическую» и «ошибочную». Рязанов — «ученый марксовед» (а по сути дела — «буквоед»), скатившийся в лагерь предателей пролетариата, также «потрудился» по части клеветы на Маркса. Рязанов (а за ним и некоторые другие) пытался «доказать» «ошибочность» тактики Маркса в революции 1848 г. Ленин и Сталин всегда боролись против этой «теории». Ленин полностью солидаризируется с Энгельсом, который в 90-х годах XIX в. говорил, «что тактика Маркса в 1848 г. была верна, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату». Энгельс говорил, что эта тактика не удалась, несмотря на то, что она была «единственно верная, не удалась в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма». Точно так же Ленин полностью оправдывал отрицательную позицию Маркса в 1848 г. по отношению к национальному движению славянских народов, поскольку за спиной чехов, сербов и др. стоял все тот же жандарм Европы — царская Россия. «В 1848 г., — говорит Ленин, — были исторические и политические основания различать «реакционные» и революционно-демократические нации».

Разумеется, интересы Маркса как подлинного пролетарского интернационалиста не ограничивались рамками Германии и Австрии: Маркс живо реагировал на грандиозные классовые схватки между пролетариатом и буржуазией, которые имели место в 1848—49 гг. во Франции. На опыте боев французского пролетариата, этого авангарда международного пролетариата той эпохи, Маркс уточнил историческое значение гегемонии пролетариата, роль рабочего класса по отношению к крестьянству и двойственную роль самого крестьянства в революции. На опыте баррикадных боев в 1848 г. Маркс сформулировал свое отношение к восстанию, как искусству.

III

В годы реакции Маркс в эмиграции (сначала в Париже, затем в Лондоне) боролся против откровенных соглашателей и перебежчиков в стане контрреволюции, а также и против «левацких» истериков вроде Вильяма—Шалпера, призывавших к «не-

медленному» возобновлению революционных боев... без учета изменившейся обстановки.

Маркс и Энгельс использовали передышку, данную им победившей реакцией, для теоретического осмысливания опыта революционных боев 1848—49 гг., а также по линии еще более углубленной разработки отдельных частей марксистского мировоззрения. Именно к этому периоду (начало 50-х годов XIX в.) относятся также исторические труды Маркса и Энгельса, как «Классовая борьба во Франции», «18-е брюмера», «Революция и контрреволюция в Германии», где исключительное мастерство в применении к событиям 1848 г. материалистического понимания истории сочетается с пафосом революционных бойцов — вождей революционного рабочего класса — и с biting критикой по адресу всех эксплуататорских классов. Так например в статье «Баланс прусской революции» Маркс в десятке строк дает следующую убийственную характеристику германской буржуазии и ее тактики в революции 1848 г.:

«Без веры в себя, без веры в народ, брызжа против верхов, страхась низов, агонистичная по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам, консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в свою пользу; лишенная всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат, она пошла потому, что в ней нет ничего оригинального; она оригинальна в своей пошлости, она оригинальна сама с собой, без инициативы, без всемирно исторического призвания — точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам — старик без глаз, без ушей, без носа — полная развалюха».

Характеризуя в книге «18-е брюмера» социальные корни бонапартизма, Маркс вскрывает двойственность положения крестьянства в капиталистическом обществе:

«Династия Бонапарта, — говорит Маркс, — представляет не революционного, а консервативного крестьянина, не крестьянина, рвущегося из рамок своей социальной обстановки, из рамок парцеллы (мелкого хозяйства), а крестьянина, желающего укрепить парцеллу, не деревенское население, стремящееся собственными силами наряду с городским испровергнуть старый порядок, а деревенское население, которое, наоборот, тупо замыкается в этом старом порядке и ожидает спасения, преимуществ для себя и своей парцеллы от призрака империи. Династия Бонапарта представляет не просвещенно крестьянина, а его суеверия, не его рассудок, а его предрассудок, не его будущее, а его прошедшее...»

Маркс и впоследствии неоднократно возвращался к этому вопросу. 16 апреля 1856 г. Маркс пишет Энгельсу: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым этапом крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно».

К 1850 — 60 гг. относится также и исключительно творческая работа Маркса в вопросах экономических: в 1859 г. появился труд Маркса «К критике политической экономии», где им было развернуто экономическое учение. В предисловии к этой книге можно найти наиболее яркую и наиболее сжатую формулировку материалистического понимания истории. В 1867 г. наконец появился первый том «Капитала», т. е. того сочинения Маркса, которому он посвятил не менее 30 лет своей жизни. В этом произведении гений Маркса развернулся во всем его объеме. В «Капитале» Маркс раскрыл и показал самые глубины буржуазного общества и открыл глубочайшие «тайны» капиталистического способа производства. «Капитал», представляющий собой самое крупное произведение Маркса, экономически обосновал неизбежность краха капитализма и необходимость революционного испровержения буржуазного порядка. «Капитал» явился обоснованием необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата¹.

Некоторыми «изыскателями» из лагеря II интернационала усиленно культивировалась легенда, согласно которой углубленная теоретическая работа сделала из Маркса кабинетного мыслителя, мало разбирающегося в живой действительности. Это клевета на Маркса: Маркс соединял теоретические исследования в самых «высоких

¹ О «Капитале» см. специальную статью т. Нечкиной, помещенную в этом же номере журнала.

сферах науки с тесным участием в практической революционной классовой борьбе пролетариата.

Капитализм в 1850—60 гг. шел в гору, промышленность интенсивно развивалась, расширялась железнодорожная сеть, укреплялись международные хозяйственные связи. Англия в эти годы — монополист на мировом рынке; Франция отстает от Англии, но ее капиталистическое развитие, особенно в области текстильной промышленности, несомненно идет вперед; в Германии быстрыми темпами завершается промышленный переворот. Подъем капитализма в эти годы совершался разумеется через кризисы (явившиеся одним из законов развития капиталистической экономики) — достаточно напомнить о кризисах 1857, 1859, 1862 гг.: однако, несмотря на это, в целом капитализм в 1850—60 гг. шел безусловно по восходящей линии. Положение европейского пролетариата — да исключением тонкой прослойки английской рабочей аристократии и рабочей бюрократии — непрерывно ухудшалось. Во всех странах Европы к началу 1860 г. наблюдалось оживление в рабочем движении.

Наиболее выдающимся фактом в истории рабочего движения 60-х годов XIX в. несомненно является образование и деятельность I интернационала («Международного товарищества рабочих»), организатором и вождем которого явился Маркс. Своей работой в I интернационале Маркс дал бессмертный образец подлинно революционной тактики.

В 1864—69 гг. на первом плане стояла борьба с прудонистами, пытавшимися направить рабочее движение на мелкобуржуазный путь отрицания политической и стачечной борьбы, на путь организации производительных товариществ, народных банков и т. п. Маркс писал своему другу Кугельману (9 октября 1866 г.):

«Господа парижане набили себе головы пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают... Прудон принес громадный вред. Сначала... его ижекритика захватила и подкупила блестящую молодежь, студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому строю».

С 1869 г. основным врагом марксизма в I интернационале стали бакунисты, которые, прикрываясь «левыми» анархистскими фразами об отрицании всякой власти и государства, об отказе от участия в политике, о «немедленной социальной ликвидации» и т. п., пытались навязать рабочему движению настроения гибнущих под ударами капитализма мелкобуржуазных ремесленников и крестьян. 23 ноября 1871 г. Маркс писал Болье: «Его (бакунистская) программа — это понадерганная отовсюду мешанина — членам Интернационала диктует равенство классов (!), отмену наследственного права, как исходный пункт социального движения (сен-симонские бредни); атеизм как догма, а главной догмой выставляется воздержание от участия в политике (по Прудону)».

Наряду с борьбой против анархистов Маркс разоблачал ошибочность тактики бланкистов-заговорщиков. Маркс неустанно боролся за установление принципов демократического централизма в работе Интернационала. Маркс был не посторонним «советником», а повседневным борцом и руководителем Интернационала. Вся борьба Коминтерна за большевизацию наших братских компартий — это прямое продолжение (в новых условиях — в эпоху империализма и пролетарской революции) традиций Маркса в его борьбе на два фронта.

Наиболее серьезным испытанием для I интернационала явились, во-первых, франко-прусская война и, во-вторых, детище I интернационала, результат революционной борьбы марксизма, — Парижская коммуна.

Генеральный совет Интернационала, руководимый Марксом, занял по отношению к франко-прусской войне единственно правильную позицию — позицию пролетарского интернационализма. В обоих своих манифестах (составленных Марксом) Генеральный совет призывал французский и германский пролетариат к классовой солидарности. В начале войны Маркс отмечал в первом манифесте (23 июля 1870 г.), что война является исторически прогрессивной со стороны Германии, которая этой войной разрешала основной вопрос своей буржуазно-демократической революции: национальное объединение Германии и ее освобождение из-под опеки французского бонапартизма и русского самодержавия. Эта оценка Маркса в условиях той эпохи, т. е. эпохи доимпериалистической, была абсолютно правильной. Во втором манифесте (9 сен-

тября 1870 г.), когда победа Пруссии стала фактом, Маркс горячо протестовал против ограбления Франции путем захвата Эльзас-Лотарингии немецкими оккупантами.

После революции 4 сентября 1870 г., когда на место свергнутого режима Наполеона III у власти стало буржуазное «правительство национальной обороны» (фактически — правительство национальной измены) во главе с Жюлем Фавром, Маркс предвидел, что попытки восстания французского пролетариата против буржуазии — при сильном еще в нем влиянии прудонизма и бланкизма и при наличии прусских оккупантов у стен Парижа — осуждены на поражение. Вот почему в сентябре 1870 г., учитывая организационную и идеологическую неподготовленность французского пролетариата, Маркс советовал парижским рабочим не идти в бой при данных неблагоприятных условиях. Но когда 18 марта 1871 г. возникла Парижская коммуна, Маркс всецело стал на сторону героических пролетариев, «штурмовавших небо».

В «Гражданской войне во Франции» Маркс раскрыл «тайну» Парижской коммуны: он доказал, что Коммуна была диктатурой пролетариата. Коммуна, говорит Маркс, «по существу своему была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно известной формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

Именно на опыте Парижской коммуны Маркс уточнил и развил дальше свое учение о диктатуре пролетариата и ее основных принципах, впервые на опыте Парижской коммуны было доказано, что диктатура пролетариата должна сломать старую государственную машину и установить государственный аппарат совершенно нового типа.

Признавая всемирно историческое значение Парижской коммуны, Маркс разумеется не мог обойти молчанием ошибки Коммуны: ее нерешительность, игнорирование демократию и т. п.¹

После подавления Парижской коммуны наступает эпоха всевропейской реакции и гонений на сторонников Интернационала. Международное рабочее движение вступает в полосу упадка. В непосредственной связи с этим внутри самого Интернационала бакунисты усиливают свою дезорганизаторскую работу, выступив в поход против «диктатора» Маркса во имя права на анархическую распущенность. Они выступают против организационных принципов Интернационала, против позиции Маркса в вопросе о политической борьбе: бакунисты, как и все анархисты, отрицали, — по крайней мере на словах, — всякую политическую борьбу, отрицали диктатуру пролетариата.

Не входя в подробности этой ожесточенной борьбы, напомним только, что в сентябре 1872 г. на конгрессе в Гааге в присутствии самого Маркса после бурных прений бакунисты потерпели полное поражение, а Бакунин и его ближайшие сторонники были исключены из Интернационала.

Проведение этого абсолютно необходимого решения бесспорно укрепило и усилило Интернационал. Однако даже оно не спасло его от распада.

Глубокая причина распада Интернационала коренилась в том, что на смену революционному периоду 1848—71 гг., «периоду бурь и революций», наступил период сравнительно «мирного» развития капитализма (1872—1904 гг.). «Запад с буржуазными революциями покончил, Восток до них еще не дорос. Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе, социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы» (Ленин).

Одной из важнейших причин распада I интернационала было между прочим отсутствие широких массовых социалистических партий в отдельных странах. Без массовых партий Международное товарищество рабочих не имело необходимой для его деятельности базы.

Маркс и Энгельс придавали вопросу о создании партий огромное значение. Борьба Маркса и Энгельса за создание таких партий представляет исключительное историческое значение. Внимательно следя за рабочим движением во всех странах, они подлинным образом выпестовывали эти партии, разъясняя им стоящие перед ними

¹ Уже 12 апреля 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Если они (парижане) окажутся побежденными, виною будет не что иное, как их «великодушие».

задачи, помогаи им на каждом шагу, вскрывая их ошибки, ведя решительную борьбу против всех проявлений правого и «левого» оппортунизма, хвостизма и сектантства в европейском и американском рабочем движении.

Маркс и Энгельс стараются «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению одной интернациональной задачи» (Ленин).

IV

Особенно большое значение имеет неустанная систематическая борьба Маркса и Энгельса за чистоту теории и практики рабочего революционного движения в Германии. Борьба за создание партии германского пролетариата заняла особенно большое место в деятельности Маркса и Энгельса прежде всего потому, что после франко-прусской войны и Коммуны центр тяжести международного рабочего революционного движения переместился из Франции в Германию.

Еще в начале 60-х годов XIX в., когда Лассаль — этот бесспорный духовный отец социал-оппортунизма (нынешнего социал-фашизма) германской социал-демократии — организовал Всеобщий германский рабочий союз, Маркс и Энгельс ясно сознавали, что рано или поздно чужак-Лассаль станет врагом пролетариата. Они всегда видели, что деятельность Лассалья сулит рабочему движению тяжчайшие поражения, и вели борьбу против лассалевского оппортунизма.

К 1869 г. параллельно с лассальянцами начала свое существование партия так называемых эйзенахцев под руководством Вильгельма Либкнехта (отца Карла Либкнехта) и Августа Бебеля. Не следует думать, что в те годы эйзенахцы были последовательными революционными марксистами, но все же не подлежит сомнению, что эйзенахцы шли к марксизму. Для того, чтобы сделаться настоящими марксистами, им надо было порвать с рядом неверных, оппортунистических представлений как в области теоретической, так и в области практической борьбы рабочего класса, вытравить в корне свои заблуждения, сделаться последовательными и непримиримыми марксистами, полностью и безраздельно признающими и отстаивающими учение Маркса и Энгельса. И такие работы Маркса, как «Критика Готской программы», и энгельсовские работы этой эпохи, их переписка этих годов, в частности недавно опубликованный новый том писем Маркса и Энгельса («Архив Маркса и Энгельса», т. VI), дают яркую картину того, как из года в год Маркс и Энгельс выправляли ошибки Бебеля и Вильгельма Либкнехта, который имел сильную склонность к примиренчеству с оппортунизмом.

Когда в 1875 г., не поставив заранее об этом в известность Маркса и Энгельса, эйзенахцы решили объединиться с лассальянцами на явно оппортунистической лассальянской платформе так называемой Готской программы, Маркс дал в письме к руководителям германской социал-демократии убийственную критику этой программы. Точно так же и в 1879 г., когда после издания закона против социалистов в германской социал-демократии особенно усилилась опасность оппортунизма (со стороны Гехберга, Шрамма, Бернштейна и др.), Маркс и Энгельс в специальном циркулярном письме в чрезвычайно резкой форме ставили перед руководителями германской социал-демократии вопрос о дальнейшей судьбе партии. В этом письме Маркс и Энгельс предупреждают, что партия «сама себя предаёт, оставляя их (оппортунистов) на официальных постах... Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии... Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор».

Борясь против откровенных оппортунистов Гехберга, Бернштейна и др., Маркс и Энгельс в то же время резко отмежевывались от «левацких» фразеров вроде Иоганна Моста, редактора газеты «Фрейхейт» (издававшейся на немецком языке в Лондоне), скатившегося к анархизму.

Маркс и Энгельс боролись как о тактических вывихах в работе германской социал-демократии, так и со всеми теоретическими искажениями,

ложными теориями, которые танули немецкий пролетариат назад, в мелкобуржуазному социализму.

Когда например в середине 70-х годов XIX в. среди немецких социал-демократов стали пользоваться большим успехом теории буржуазного профессора Дюринга, Энгельс при активном участии Маркса разоблачил антипролетарскую сущность «установок» Дюринга. Ряд статей, посвященных полемике против Дюринга, вышел впоследствии отдельной книгой «Анти-Дюринг», которая принадлежит к числу наиболее замечательных трудов основоположников марксизма.

Вплоть до конца своих дней Маркс сохранил изумительную способность распознавать подлинную сущность врагов и «друзей» Марксизма. После первой же встречи с Каутским (в 1881 г.) Маркс в письме к своей дочери дал исчерпывающую характеристику этого будущего ренегата: «он (Каутский) — посредственность, с узкими взглядами, сверхмудрец (всего лишь 26 лет), всезнайка, в известной мере прилежен, много занимается статистикой, однако извлекает из этого мало толку, принадлежит от природы к племени филистеров».

V

14 марта 1883 г. Маркса не стало. «Человечество стало ниже на одну голову», писал Энгельс к Зорге на следующий день после кончины Маркса.

Энгельс до своей смерти (1895 г.) продолжал борьбу Маркса на политическом, теоретическом и экономическом фронтах классовой борьбы пролетариата. Энгельс в частности принял участие в создании (в 1889 г.) II интернационала и в очищении этого Интернационала от правых и «левых» оппортунистов.

В 1880—90 гг. Энгельс боролся против соглашателей, тянувших германскую социал-демократию в болото оппортунизма (Блос, Фольмар и др.), а также и против так называемых «молодых», подменявших революционные дела «левацкой» истерикой.

Пока Энгельс был жив, оппортунисты вроде Бернштейна не раскрывали полностью своего подлинного лица: они знали, что Энгельс и на восьмом десятке лет немедленно с юношеским пылом заклеяит всякое проявление оппортунизма. Лишь после смерти Энгельса выступил Бернштейн с его знаменитой (геростратовски знаменитой) ревизией марксизма. Эта ревизия марксизма была попыткой навязать рабочему движению идеи буржуазии и превратить революционный пролетариат в покорного слугу капитализма. Корни ревизионизма лежат глубоко в самом характере эпохи II интернационала. В ближайшие годы после смерти Энгельса мировой капитализм окончательно вступил в свою высшую и последнюю стадию, в стадию империализма. Если отдельные элементы империализма наблюдались уже с 70-х годов XIX в., то окончательное оформление империализма произошло примерно к 1898—1900 гг.

История рабочего движения в эпоху империализма — это история борьбы двух тенденций — революционной и оппортунистической — в международном рабочем движении. Эта борьба двух тенденций в рабочем движении имела в эпоху империализма ту особенность, что оппортунизм получил на европейском континенте социальную опору в среде самого пролетариата в лице рабочей аристократии и рабочей бюрократии (в Англии эта прослойка появилась еще в 50-х годах XIX в.). В эпоху империализма партии II интернационала превратились в партии блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов. Оппортунистическая ржавчина разедала II интернационал и привела (в августе 1914 г.) к позорному краху этого Интернационала. Теоретики II интернационала (как открытые оппортунисты, так и оппортунисты прикрытые) ополщили, извращали и выхолащивали душу живую из марксизма в угоду буржуазии. «Вся работа II интернационала велась по линии оппортунизма».

Только большевистская партия выступила в эпоху империализма как подлинная последовательница и продолжательница дела Маркса.

Именно Ленин и большевики выступили за раскол с оппортунистами и осуществили этот раскол, подняв учение Маркса на новую высоту, создав партию нового типа. Всемирно историческая заслуга Ленина состоит в том, что в борьбе против всех фальсификаторов и ренегатов марксизма Владимир Ильич восстановил подлинное

учение революционного марксизма и продолжил во всех областях теории и практики дело Маркса, подняв марксизм на новую, еще более высокую ступень.

Ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Ленин обогатил марксизм обобщением и осмыслением всего опыта классовой борьбы эпохи империализма и пролетарской революции. Ленинское учение об империализме, о диктатуре пролетариата и советской форме этой диктатуры, о партии пролетариата — партии нового типа, о союзниках пролетарской революции, о национально-колониальных революциях, о стратегии и тактике партии в буржуазно-демократической и пролетарской революции, о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, и пр. — это прямое и непосредственное продолжение марксизма.

В наши дни вожди социал-демократии — этой главной социальной опоры буржуазии — скатившиеся по наклонной плоскости от социал-оппортунизма к социал-шовинизму и социал-фашизму, протрунировали марксизм самым чудовищным образом. Маркс всю силу своего гениального ума приложил к разрушению эксплуататорского строя. Каутские же прилагают все усилия к тому, чтобы «излечить» обреченный на смерть капитализм. Расстрелы десятков тысяч передовых пролетариев, клевета и подготовка интервенции против отечества мирового пролетариата — СССР, сотрудничество с фашистским правительством Гитлера, — все эти средства хороши для «марксистов» вроде Гильфердинга, все это — «меньшее зло» по сравнению с пролетарской революцией и диктатурой пролетариата.

Пятнадцать лет Октябрьской революции, четыре года первой большевистской пятилетки, совпавшие с небывалым мировым экономическим кризисом в странах капитала, развернувшимся на фоне послевоенного всеобщего кризиса капиталистической системы, и совпавшие с наступлением конца капиталистической стабилизации, — эти пятнадцать лет служат для всего международного пролетариата доказательством того, что продолжать дело Маркса и Энгельса в нашу эпоху возможно лишь при условии безоговорочного присоединения к мировой партии коммунизма, идущей по пути Ленина и Сталина.

Навсегда войдет в сокровищницу марксизма неустанная борьба нашей партии и всего Коминтерна на два фронта под руководством т. Сталина, развитое дальше т. Сталиным учение о диктатуре пролетариата, развернутая т. Сталиным теория и практика построения социализма в нашей стране, теория и практика сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, теория и практика разрешения национального вопроса в СССР, теория и практика партийного строительства и т. д.

Марксизм — не застывшая догма: теория и практика марксизма непрерывно развиваются в непосредственной связи с накоплением опыта революционной борьбы пролетариата. Имя Маркса не одиноко: оно — первое в ряду имен великих учителей и руководителей рабочего класса: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

«Без революционной теории не может быть и революционной практики». Справедливость этого ленинского положения доказана опытом долголетней борьбы пролетариата. Грандиозные победы нашей партии во всех областях социалистического строительства были бы немыслимы, если бы мы ограничивались рамками узкого практицизма. «Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией...» (Сталин).

И в наши дни, когда мы, после победоносного завершения первой пятилетки в четыре года, приступаем к разрешению еще более великих задач второй пятилетки, когда мир вступает в новый тур революций и войн, нам необходимо понести учение Маркса—Ленина в многомиллионные массы рабочих и колхозников. Правильное усвоение и претворение в жизнь учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина—залог нашей победы.

ЭНГЕЛЬС после смерти МАРКСА

С. ДУДЕЛЬ

Период подготовки и первых лет деятельности II интернационала отличается от предшествующего ему периода относительно «мирным» характером. Это был период, когда мир отдыхал от революционных бурь, когда «Запад с буржуазными революциями покончил, Восток до них еще не дорос» (Ленин, т. XVI, стр. 331).

То была эпоха «подготовки и медленного собирания сил новым классом» (т. XVIII, стр. 108). Перед этим новым классом, т. е. перед пролетариатом, на том этапе стояли огромной важности задачи: нужно было в первую очередь консолидировать силы, «подбирать и собирать их» (Ленин), организовать их под гегемонией марксизма, завоевать большинство в массах, решительно порвать с сектантством в рабочем движении. Научному социализму, победившему в сорокалетней борьбе с мелкобуржуазным социализмом, предстояло слиться с рабочим движением; нужно было «слить социализм и рабочее движение в единое социал-демократическое движение» (т. II, стр. 535), создать политическую партию пролетариата, партию, которая должна готовить его к грядущим битвам, к выполнению им «великой всемирно исторической цели» (т. XVI, стр. 545), партию, которая сумела бы внедрить в широкие массы идеи марксизма, сделать марксизм достоянием и орудием масс. «Направление социализма к слиянию с рабочим движением. — говорит Ленин, — есть главная заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса... они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата» (т. II, стр. 535).

Маркс и Энгельс придавали исключительное значение делу создания партии рабочего класса. Они неоднократно подчеркивали, что рабочий класс не может победить, не имея своей собственной партии, не имея своей международной организации, опирающейся на крепкие национальные партии. «В политической борьбе одного класса против другого, — говорит Энгельс, — важнейшим оружием является организация». Формирование рабочего класса в класс для себя, осознание им себя как класса, отличного от других классов, имеющего свои, отличные от всех других классов, цели и интересы, — короче, процесс превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя есть в то же время процесс образования политической партии пролетариата. Этот процесс всюду и всегда происходил в беспощадной борьбе научного социализма — марксизма как теории пролетариата — с различными направлениями мелкобуржуазного социализма.

На долю Маркса и Энгельса, а затем после смерти Маркса одного Энгельса как раз выпала вся тяжесть этой исторической задачи — собирания сил рабочего класса, организации его под гегемонией марксистского крыла, руководство процессом создания политических партий. Эту величайшую историческую задачу Маркс и Энгельс осуществляли, проводя жестокую и непримиримую борьбу на два фронта: с оппортунизмом справа и «слева» во II интернационале.

Являлись ли тенденции оппортунизма в рабочем движении и во II интернационале случайным явлением для того периода? Безусловно нет. В эпоху империализма мы знаем два источника оппортунизма в рабочем движении: во-первых, рабочая аристократия, создаваемая посредством подкупа империалистической буржуазией (за счет своих сверхприбылей) верхушечных слоев рабочих, и во-вторых, мелкобуржуазная стихия, окружающая рабочий класс, связанный с ней тысячами нитей. Из этих двух источников первый, являющийся главным источником оппортунизма в рабочем движении в эпоху империализма, не представлял еще тогда, в период 1890—95 гг., для большинства

западноевропейских стран той законченной опасности, какой он стал потом, в период империализма¹.

Главнейшей социальной базой оппортунизма в рассматриваемый нами период являлся второй из упомянутых источников — влияние мелкобуржуазных слоев, от которых пролетариат и тогда, естественно, не был отгорожен китайской стеной. В тот период происходит процесс роста рабочего движения, то самое «привлечение новых и новых рекрутов, втягивание новых слоев трудящейся массы», о котором говорит Ленин как об одной из важнейших причин, вызывающих всякого рода оппортунистическое шатание как в области теории, так и в области практики рабочего движения.

В этот же период с особенной яркостью проявляются и две тактики буржуазии, ее умение сочетать два метода: «метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению... метод непримиримого отрицания реформ» с методом «либерализма, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.» (т. XV,

¹ Исключительно представляла собой Англия, в которой уже к середине XIX в. капитализм завоевал монопольное положение и создал верхушечный (численно незначительный) слой рабочего класса, являвшийся главным проводником буржуазного влияния на английский пролетариат.

стр. 7), т. е. те самые «зигзаги буржуазной тактики», которые неизбежно влияют на развитие оппортунизма в рабочем движении.

Наконец это был, как уже указано выше, период относительно мирного развития, период использования буржуазной легальности, причем *такого* использования этой легальности, которая иногда превращалась в «рабленство перед ней» (Ленин), что в свою очередь не могло не влиять на рост оппортунистических тенденций в рабочем движении. Таким образом уже и в тот период (т. е. до 1895 г.) налицо был — хотя не всегда в столь ярко выраженном проявлении, как в последующую эпоху империализма, — целый ряд объективных условий, которые порождали и питали оппортунизм. Энгельс прекрасно учитывал наличие этих условий, он учитывал, какие социальные силы питают этот оппортунизм, и хотя он (оппортунизм) в этот период переживал еще, как говорил Ленин, «юношеское состояние», тем не менее Энгельс тогда уже видел всю опасность его. И вся деятельность Энгельса была направлена на то, чтобы дать отпор, обезвредить влияние этих сил, чтобы поднять международную и национальные организации пролетариата на высшую ступень революционного движения на основах марксизма.

Вначале вместе с Марксом, затем (после смерти последнего) один Энгельс являлся вдохновителем, руководителем и организатором в деле формирования и укрепления национальных партий, в деле установления международных связей пролетариата и создания международной пролетарской организации — Интернационала. Было бы совершенно неправильно рассматривать Энгельса как руководителя одной какой-нибудь партии. «Я не могу себе позволить совершенно отождествиться с одной или другой партией. Вся моя жизнь связана с Интернационалом» — говорит о себе сам Энгельс. В другом месте Энгельс пишет: «Мне запрещает интернациональное положение, приобретенное моей пятидесятилетней работой, выступить представителем той или другой национальной социалистической партии» (Энгельс, «Социализм в Германии»).

В письме Энгельса Бернштейну мы читаем по этому же поводу: «Мы едва ли являемся больше членами германской партии, чем французской, американской или русской, и мы так же мало можем связывать себя немецкой программой, как и французской. Мы очень дорожим этой нашей исключительной позицией представителей интернационального социализма» («Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 340).

На эту интернациональную роль Энгельса указывает и Ленин: «После смерти Маркса, Энгельс один продолжал быть советчиком и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями немецкие социалисты... и представители остальных стран, например, испанцы, румыны, русские... все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» (т. I, стр. 415).

Как интернациональный руководитель рабочего движения Энгельс определял задачи борющегося пролетариата «не вообще» и не по раз навсегда данной схеме, а применительно к различным этапам и условиям национального движения разных стран. И если общей задачей того периода являлась задача консолидации и организации сил пролетариата, формирования самостоятельного рабочего под руководством марксистских партий, то в отношении разных стран, учитывая особенности их исторического развития, Энгельс по-разному ставит вопрос о путях и методах разрешения этой задачи.

Ленин указывает, что «перед нами особенно отчетливо встают две линии в энгельсовских (и марксовых) советах, указаний, поправок, угроз и нападений» (т. XI, стр. 174). Эти две линии Энгельса вытекают из разной оценки им задач для двух разных типов стран, в зависимости от особенностей их исторического развития. Так, в отношении таких стран, как Англия и Америка, где пролетариат в силу всего предшествовавшего исторического развития, в силу отсутствия там «сколь угодно крупных общенациональных демократических задач» (Ленин) не имеет еще политической самостоятельности, не имеет своей социал-демократической рабочей партии, где движение теоретически беспомощно и пролетариат находится в плену буржуазной политики, — в этих странах Энгельс считает первой, основной задачей консолидацию сил пролетариата, втягивание его в движение и организацию его, может быть даже в ущерб безукоризненно выдержанной программе.

Здесь Энгельс «напирает, — как говорит Ленин, — на важность самостоятельной рабочей партии даже с плохой программой». Рвать с узким сектантством, слиться с

рабочим движением, войти в него, идти в гущу пролетарских масс, несмотря на то, что эти массы не доросли еще до понимания основных программных установок, не ставить эти массы перед обязательностью тотчас принять теоретически выдержанную программу, — вот в чем задача социалистов. Энгельс подчеркивает, что для такого типа стран важнее, чтобы движение развивалось вширь, по возможности захватывая самые широкие слои пролетариата, пуская в этих слоях свои глубокие корни, нежели, чтобы оно «с самого начала в теоретическом отношении пошло по совершенно корректному пути» (Письма к Зорге, 28 декабря 1886 г.). Энгельс жестоко критикует английскую социал-демократическую федерацию с Гайнцманом во главе именно за то, что они действуют по-сектантски, не умеют примкнуть к «бессознательному, но могучему инстинкту тред-юниона» (Ленин).

По мнению Энгельса, важнейшим шагом всякой страны, вновь вступившей в движение, является организация самостоятельной политической партии, «все равно, каким бы путем это ни было», а если первоначальная программа такой вновь созданной партии еще имеет ошибки, то это — «неизбежное, но скоро проходящее зло» (Письма к Зорге). Марксисты обязаны войти в такое движение, изнутри революционизировать его, направлять его к правильному пониманию теории, а не держаться от него в стороне на том основании, что оно имеет неправильную программу.

Означает ли это, что Энгельс зовет социалистов во имя кооперации сил, во имя организации партии отказаться от своих революционных принципов? Отнюдь нет. Энгельс считает, что примыкание к рабочему движению «во всяком пункте его маршruta», не обязывая его принятием теоретически безукоризненной программы, не означает отказа от своих принципов, что примкнуть к движению можно и должно без того, чтобы «устранить или упрятать свою собственную позицию или даже свою организацию». Энгельс учит, что в массы нужно идти с открытым забралом своих принципов, не пряча их, не дипломатичая, но и не навязывая эти принципы насильственно массам. Нужно терпеливо дать время движению укрепиться, а не заставлять массы «проглатывать вещи, которые хотя в скором будущем ими будут поняты, но в данную минуту им не ясны» (Письма к Зорге, 26 ноября 1886 г.).

Правильность этих установок Энгельса целиком и полностью подтвердилась всем дальнейшим ходом развития рабочего движения, и Ленин, развивая эту мысль Энгельса, говорил:

«Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности в гуще пролетарских масс. Эти уроки Энгельса подтверждены дальнейшим развитием событий, когда английские тред-юнионы, замкнутые, мещански-эгоистические, враждебные социализму, выдвинувшие ряд прямых предателей рабочего класса, продавшиеся буржуазии за министерское местечко... стали тем не менее подходить к социализму неловко, непоследовательно, криво, но все же подходить к социализму» (т. XII, стр. 248).

Совершенно по-иному ставит Энгельс вопрос для тех стран, в которых благодаря всему предшествовавшему историческому развитию пролетариат уже создал свою партию, где пролетариат, по выражению Ленина, «давно втянут в политику и ведет социал-демократическую политику», как например в Германии. Для таких стран в таких исторических условиях Энгельс выдвигает на первый план задачу организации сил пролетариата на базе правильной теоретически выдержанной программы. Здесь Энгельс на первый план выдвигает задачу беспощадной борьбы с извращениями и уклонами от основных принципов, задачу борьбы с парламентарским оплошлением, филистерским принижением задач рабочего движения. Недаром же Энгельс так настойчиво боролся за Эрфуртскую программу, недаром именно тогда, когда настал момент драться за эту программу, опубликовал он марксову «Критику Готской программы», заведомо зная, какой шум произведет этот документ, который, как он писал в письме к Каутскому, «кое-кого затронет очень неприятно».

Красной нитью через все высказывания Энгельса проходит мысль о том, что массы к теоретической ясности понимания приходят путем осознания своих собственных ошибок: «Собственные ошибки будут толкать массы вперед, а связанные с этим потери сделают их умнее» — пишет Энгельс в 1887 г., а в 1890 г. он говорит: «Массы

учетом только на последствиях своих собственных ошибок, из опыта на своем собственном теле» (Письмо к К. Шмидту от 5 августа 1890 г.). У Энгельса мы находим впоследствии развитую Лениным мысль о том, что рабочее движение нельзя вызвать проповедью, что оно должно быть продиктовано фактами жизни и что широкие массы на собственном опыте должны убедиться в правильности политического руководства партии. Это отнюдь не означает того, что учеба эта должна проходить стихийно, сама собой. Именно партия — передовой отряд — должна обобщать эту учебу, эти уроки и опыт, уметь делать из них соответствующие выводы, уметь, как говорит т. Сталин, «выдвинуть такие способы борьбы и такие формы организации, которые бы облегчили массам на опыте распознать правильность революционных лозунгов». Именно поэтому Энгельс так настойчиво выдвигает для стран, только вступающих в движение, создание в первую очередь своих пролетарских партий.

Одновременно с этим Энгельс учил социалистов не отступать от того обязательного для марксистов принципа, что, включая новые ряды в движение, ни в коем случае нельзя сдавать своих принципиальных позиций, что рабочее движение должно оставаться рабочим и не сливать свои пролетарские интересы с интересами буржуазии, что пролетарская партия в своей тактике никогда не должна терять из виду конечной цели и что включать массы в движение нужно под марксистским руководством. Вся деятельность Энгельса характеризуется борьбой за то, чтобы не отдать руководство немарксистскому крылу движения. Показательной в этом отношении является его огромная работа по подготовке Брюссельского (второго) конгресса II интернационала. Подготавливая этот конгресс, Энгельс провел очень большую работу по собиранию сил международного пролетариата, но собирание это он проводил не «любой ценой», а именно под гегемонией марксистского руководства. И в результате умелого руководства и проведенной им подготовительной работы Брюссельский конгресс явился блестящей победой марксистов против оппортунизма справа и «слева» как в вопросах принципиальных, так и в вопросах тактических: «С'езд... блестящая для нас победа. Бруссисты совсем отсутствовали, а сторонники Гайдамака свою позицию спрятали в карман. Но самое лучшее — это то, что с'езд выпроводил анархистов совсем» (Письма к Зорге, 14 сентября 1891 г. Подчеркнуто Энгельсом.—С. Д.).

Стремясь к консолидации сил, их объединению, Энгельс, как уже указано выше, вовсе не хотел добиваться этого объединения во что бы то ни стало. Из его мнению единство возможно только на определенной принципиальной основе, и всей своей деятельностью Энгельс учил социалистов тому, что когда бывает серьезное нарушение принципов, тогда становится обязательным разрыв всех организационных отношений.

Проблема единства движения являлась для Энгельса одной из важнейших проблем. Для него совершенно ясно, что вопрос о единстве для разных исторических моментов должен разрешаться по-разному, в зависимости от характера и степени развития движения, состояния партии и целого ряда конкретных обстоятельств и условий. Для того, чтобы правильно понять, как ставил и разрешал Энгельс проблему единства и раскола, следует различать постановку Энгельсом вопроса о единстве и расколе в отношении международной организации пролетариата, в отношении национальных партий тех стран, где эти партии только начинают формироваться, и наконец в отношении партий тех стран, где движение уже «научилось ходить на своих собственных ногах».

Энгельс считал, что на том этапе важно было привлекать в международную организацию пролетариата даже тех, кто еще ошибается, кто идет в ряды движения хотя бы с некоторыми оговорками и ошибками, если только эти ошибающиеся и колеблющиеся делают хотя бы первый серьезный шаг к сознательной классовой политике.

Что касается позиции Энгельса в отношении национальных партий, то здесь следует различать, как уже указано выше, постановку вопроса о единстве и расколе движения для разных типов стран. Так, в отношении таких стран, как например Америка, Энгельс отнюдь не считает возможным в тот период ставить вопрос о расколе. Здесь все ударение его — на объединение партий, ибо здесь в результате особенностей предшествовавшего исторического развития только начало движения, «только первый шаг, а следующим шагом будет найти общее лекарство для общих бедствий и воплотить его в платформу новой рабочей партии» (Энгельс, Предисловие к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии»). И платформа эта должна быть такой, чтобы на ней сходилась вся партия. Таким образом для американского рабочего движения «то время»

Энгельс считает очередным крупным шагом не раскол, а «объединение разных независимых организаций в одну национальную рабочую армию, хотя бы и с далеко несовершенной временной платформой» (там же). Поэтому Энгельс считает ошибочным каждый шаг, который может помешать и задержать это национальное скрепление рабочей партии, поэтому-то он и не выступает публично против Генри Джорджа и не высказывается «полностью и до конца» относительно «Рыцарей труда», считая такие выступления несвоевременными, могущими помешать делу создания «национальной рабочей армии».

Иначе ставит Энгельс вопрос о единстве и расколе для партий таких стран, как Франция и особенно Германия, в которой социал-демократическая партия являлась в то время лучшей и наиболее организованной партией и представляла собой образец для пролетарских партий других стран. В отношении такой партии Энгельс совершенно определенно и четко ставит вопрос о неизбежности раскола и готовит партию к этому расколу. Еще в 1873 г. Энгельс предупреждает Бебеля, что «нельзя позволить сбивать себя с толка криками об объединении», что «фанатики объединения либо ограниченные люди, желающие смешать все и вся в неопределенную кашу... либо люди, желающие бессознательно или сознательно фальсифицировать движение» («Архив», т. I (VI), стр. 70).

В 1882 г. Энгельс приветствует раскол во французской партии, который конечно произошел не без его влияния. Он пишет: «Сотрудничество Гедда и Лафарга с Малонем и Бруссом было при реорганизации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзии насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное... Малон и Бруссе пожертвовали пролетарским классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой... Единство прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства» («Архив», т. I (VI), стр. 209. Разрядка моя.—С. Д.).

Усиленно подчеркивая, что единство возможно лишь при известных условиях, Энгельс осуждает Либкнехта за его «прометчивую погоню за единством» («Архив», т. I (VI), стр. 229), он выражает явное неудовольствие по поводу того, что «вопрос об единстве в последние годы раздувался до крайней степени». Он считает, что это раздувание вопроса о единстве неправильно, вредно для партии.

Еще до организации II интернационала Энгельс заявляет в отношении ГСД: «Относительно того, что рано или поздно дело дойдет до столкновения с буржуазно настроенными элементами партии и до разделения на правое и левое крыло, у меня уже давно не было никаких иллюзий, и я прямо заявил, что считаю это желательным» («Архив», т. I (VI), стр. 197). В 1885 г. он писал: «В такой мещанской стране, как Германия, партия должна иметь и мещански образованное правое крыло, которое она стряхнет с себя в решительный момент». В письме к Зорге он снова подчеркивал: «Как только мы в Германии будем иметь немного простора, раскол, конечно, произойдет и тогда он будет только полезен».

Известно однако, что, будучи принципиальным сторонником раскола в ГСД, Энгельс в период действия исключительного закона в Германии, т. е. вплоть до 1890 г., считал нецелесообразным, чтобы основное ядро ГСД взяло инициативу раскола в свои руки. Энгельс вполне справедливо считал, что в условиях исключительного закона раскол был бы не в интересах партии, ибо партия, находясь в нелегальных условиях, лишена была возможности такого общения с массами, благодаря которому она могла бы достаточно быстро и широко разъяснить массам смысл и значение раскола. В то время как «они» (оппортунисты) в условиях закона в лучшем положении, они, господствуя над прессой, выходящей в Германии, имеют возможность использовать «силетни, интриги, клевету исподтишка» (Письмо к Бернштейну от 5 июля 1887 г.), Энгельс считает, что разрыв должен быть произведен так, чтобы дальнейшее руководство партии осталось «в наших руках, а они пусть выходят или же будут выброшены из партии» (Письмо к Бернштейну). Но для этого нужно выиграть время.

Вот почему Энгельс так упорно повторяет в своих письмах к руководству ГСД, что «пока в силе закон против социалистов, мы имеем все основания избегать раскола, который мы не можем сделать предметом открытой дискуссии» («Архив», т. I (VI), стр. 198). «Мне хотелось бы избежать раскола до того времени, когда мы получим свободу действия» (там же); т. е. пока исключительный закон в силе, мы должны избегать

не должны... пока действует закон против социалистов, я не за то, чтобы проводить раскол, так как силы неравны» («Политическое завещание»); «...пока исключительный закон в силе, всякий раскол был бы на мой взгляд несчастьем, так как партия лишена всякой возможности общаться с массами» («Архив», т. I (VI), стр. 230).

Однако, предохраняя партию от опрометчивых, несвоевременных шагов в направлении раскола, Энгельс в то же время не забывает подчеркнуть, что если «господа сами вызовут раскол тем, что будут подавлять пролетарский характер партии и заменять его бесшумной, сухой, коряво-эстетично-сентиментальной филантропией, ну что же, мы его тогда примем» («Политическое завещание»); «...Тогда вперед, и я вместе с тобой (Бебелем) ринусь в драку» («Архив», т. I (VI), стр. 274).

Таким образом мы видим, что Энгельс упорно и систематически готовил германскую социал-демократическую партию к неизбежному, по его мнению, расколу. И если Энгельс не поставил вопрос о немедленном разрыве сразу же после отмены исключительного закона, то это объясняется тем, что «решительный момент», о котором писал он в 1885 г., еще не наступил, что в пятилетие с 1890 по 1895 г. (т. е. от отмены исключительного закона и до смерти Энгельса) германский пролетариат не стоял еще перед непосредственными революционными схватками, когда, по выражению Ленина, «наиболее обостряются все спорные вопросы, когда разногласия концентрируются на пунктах, которые имеют самое непосредственное значение для определения поведения масс». И, поскольку такой решительный момент еще не наступил, постольку вопрос о расколе как непосредственной задаче сегодняшнего дня не стоял еще на очереди. Вся суть вопроса заключается в том, что задолго до наступления решительного момента Энгельс готовит партию к разрыву с оппортунистами, воспитывает ее в понимании необходимости этого разрыва, ведет партию к нему. А из истории большевизма мы уже достаточно хорошо знаем, какое огромное, решающее значение имеет подготовка масс к пониманию необходимости раскола. Таким образом и в вопросе о единстве и расколе Энгельс проявил свойственную ему дальновзоркость и диалектичность, сумев, не превращая единства в фетиш, учитывая конкретную обстановку разных стран и различных ситуаций, строить свою тактику.

Чрезвычайно показательным для характеристики и понимания установок Энгельса в вопросах организации рабочего движения и руководства им является настойчивое подчеркивание Энгельсом различия между массой и «вождями». Все высказывания Энгельса проникнуты глубочайшей, непоколебимой уверенностью в массах, в их революционных способностях, в их умении в конце концов все ставить на правильный путь, исправлять ошибки вождей, дисциплинировать их. Энгельс воспитывает вождей в доверии к массам. Он резко критикует, квалифицируя «негодным хлямом» тех сектантских и оппортунистических «вожаков», которые недооценивают массы, сами себя возводя в роль вождей, беря на себя смелость говорить от имени масс, не являясь в действительности представителями их.

Так, он чрезвычайно резко характеризует английских «вожаков»: «Могучее движение масс... укажет офицерам их надлежащее место». Он возмущается Бернсом, который настолько развращен, настолько оторвался от масс и сомкнулся с буржуазией, что, по мнению Энгельса, он гораздо меньше «гордится в душе своей популярностью среди своего класса, чем популярностью у кардинала, лорд-мера и вообще у буржуазии. Даже сам Том Манн, которого я считаю самым лучшим, и тот любил рассказывать о том, как он будет завтракать у лорд-мера». Энгельс бичует Гайндмана за его сектантство, за превращение идеи социалистического движения в неподвижную, заучиваемую мантру догмы. В 1895 г., указывая, что очередной задачей руководства в Англии должно являться умение придать сознательное выражение все растущему инстинкту масс к социализму, Энгельс возмущается тем, что «сектантские вожди делают это так глупо и узко, что можно давать пощечины направо и налево». Не менее резко отзывается Энгельс и о так называемых «вожаках» американского движения. Он считает, что рабочий класс Америки втягивается в движение, несмотря и вопреки ограниченности и ошибкам вожаков, и он считает, что американское движение настолько идет вперед, что «ни Джордж, ни Паудерли не смогут его задержать и повредить ему».

Естественно, что эта резкая критика «вожаков» ни в какой мере не характеризует отношения Энгельса к тем, кого он считал подлинными руководителями рабочего движения. Достаточно вспомнить отношение Энгельса к Бебелю, Геду, Адлеру, которых

он поддерживал, терпеливо поправляя их в совершаемых ими ошибках. Эта поддержка со стороны Энгельса подлинных руководителей движения не исключала с его стороны иногда очень резкой критики. Особенно часто и резко критиковал Энгельс Вильгельма Либкнехта за его примиренчество, за его тенденцию замазывать острые вопросы. «В решительный момент Либкнехт несомненно займет правильную позицию, — пишет Энгельс, — но до этого он нам доставит не мало мучительных хлопот своим замазыванием, которое он принимает за дипломатию» («Архив», т. I (VI)). В другом месте Энгельс пишет о Либкнехте: «Пока рядом с ним — Бебель, он (Либкнехт) хотя и будет поднимать много шума, но больших ошибок не наделает и когда дело дойдет до разрыва с мелкой буржуазией, которую он хотя и будет защищать до последней минуты, — в решительный момент он все-таки займет правильную позицию» (3 марта 1887 г.).

Эта уверенность Энгельса в том, что в решающий момент Либкнехт будет с основным ядром партии, не мешает Энгельсу давать самую резкую характеристику Либкнехту:

«Популярность для него необходимое условие существования, он должен поэтому примирять и замазывать, чтобы отсрочить кризис... При всех своих ценных качествах, Либкнехт прирожденный школьный учитель. Если в рейхстаге депутат-рабочий скажет «мене» вместо «меня» или латинскую короткую гласную произнесет как долгую, а буржуа при этом смеются, — он приходит в отчаяние. Поэтому в рейхстаге ему нужны «образованные» вроде размазни Фирекка, который одной речью в рейхстаге способен скомпрометировать нас больше, чем две тысячи безграмотных «мене» («Архив, т. I (VI), стр. 230).

Уделяя столь много внимания вопросам организации масс, созданию и укреплению партии, взаимоотношению масс и вождей, Энгельс, естественно, не мог не заниматься вопросами социального состава партии, и в его высказываниях мы находим совершенно четкие указания на этот счет. Энгельс считает конечно, что основным, решающим ядром партии, ее костяком может быть только рабочий и сельский пролетариат:

«Я решительно отрицаю, что социалистическая рабочая партия какой бы то ни было страны имеет своей задачей принимать в свои недра, кроме сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и среднее и крупное крестьянство... В нашу партию мы можем, правда, принимать отдельных лиц из каждого общественного класса, но ни в коем случае никакие капиталистические, никакие связанные общими интересами группы средней буржуазии и среднего крестьянства» (Энгельс, «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», стр. 56).

Интересно, как ставит Энгельс вопрос относительно вхождения в партию людей из буржуазных кругов. Энгельс считает, что самым ходом развития обусловлено то неизбежное обстоятельство, что «к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные люди из господствовавшего до сих пор класса», но Энгельс подчеркивает, что эти люди только в том случае приемлемы для партии, если они целиком и полностью стоят на пролетарской точке зрения, в противном случае они являются большим злом.

«Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и т. п. предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение» («Архив», т. I (VI), стр. 154).

Энгельс требует от пришельцев, чтобы они, придя в партию, принесли пользу пролетарскому движению, чтобы они принесли с собой действительное знание. Одновременно Энгельс предостерегает этих знающих и образованных людей от зазнайства, от претензии на руководящую роль в партии:

«В нашей партии каждый должен начинать службу с солдатских чинов, доверенные посты в партии достигаются не литературным талантом и теоретическими знаниями, даже если и то и другое не вызывает сомнения, для этого нужно еще знакомство с условиями партийной борьбы и смычка с ее формами, испытанная личная надежность и сила характера и, наконец, добровольное включение в ряды борцов» (Энгельс, «Ответ «Саксонской рабочей газете»).

Так ставил вопрос о социальном составе партии, о ее характере Энгельс, организуя II интернационал. Позднейшие вожди II интернационала, изменив заветам Маркса и Энгельса, предав дело международной пролетарской революции, превратили его в «партию блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов» (Сталин).

Как указано уже выше, разбираемый нами период являлся главным образом периодом собирания и организации классовых сил в обстановке относительно мирного развития. На очереди дня стояла основная задача — «подготовка сознания масс, а не задача прямого действия» (Ленин). В такой обстановке преимущественной формой классовой борьбы являлась парламентская форма этой борьбы. «Период господства II интернационала был периодом по преимуществу формирования и обучения пролетарских армий в обстановке более или менее мирного развития. Это был период парламентаризма, как преимущественной формы классовой борьбы» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 52, изд. 8-е).

Неудивительно поэтому, что Энгельс особенно много внимания уделял проблеме парламентаризма, считая ее одной из важнейших центральных проблем.

Известно, что парламентаризм является на определенной стадии развития капиталистического общества наиболее удобной формой господства всего буржуазного класса, той формой, которая обеспечивает всем фракциям буржуазии участие и влияние на решения государственных дел в зависимости от силы и удельного веса каждой из этих фракций. Еще Маркс в своей «Гражданской войне» характеризовал парламентскую форму как форму, при которой «все фракции господствующего класса входили друг с другом в тайные соглашения с целью порабощения народа». На примере Франции он показал, что для всех фракций и партий имущих классов «самой подходящей формой для их совместного управления оказалась парламентская республика». Энгельс не раз подчеркивал, что парламентская республика, всеобщее избирательное право являются орудием в руках буржуазии для подавления сопротивления пролетариата, что парламентаризм есть не что иное, как возможность «одна раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте». Он прямо говорил, что «избирательное право представляет буржуазные шуты» (письмо к Адлеру от 11 января 1894 г.).

И тем не менее Энгельс выдвигал как важнейшую, первостепенную задачу борющегося пролетариата задачу борьбы за избирательное право. Почему? Потому что парламентаризм, всеобщее избирательное право дают возможность пролетариату в буржуазном государстве достигнуть большего объединения и сплочения, подсчитать свои силы и силы противника, потому что, как говорил Ленин, парламентаризм является «орудием социалистической организации и воспитания масс». Самый процесс подготовки выборов в парламент, предвыборная кампания являются величайшей школой для пролетариата. Избирательная агитация является прекрасным способом для того, чтобы «приходить в соприкосновение с народными массами там, где они еще далеки от нас». Избирательное право дает возможность пролетариату использовать парламент как трибуну, «с которой они (наши представители) несравненно более авторитетно, чем в печати или на собраниях, могут обращаться как к своим в парламенте, так и к массам вне его» (там же). Участие в парламенте дает возможность пролетариату обнаружить и разоблачить перед широкими массами «несостоятельность, неспособность общественных властей уничтожить социальное бедствие и тем доказать всему миру неспособность правящих классов принимать в соображение новые потребности цивилизации, удовлетворения которых требует рабочий класс» (резолуция Эрфуртского конгресса).

Энгельс считает также, что при успешном использовании избирательного права «в государственных учреждениях, в которых организуется господство буржуазии, можно найти нечто такое, чем рабочий класс может воспользоваться для борьбы против этих самых учреждений» (там же). Это значит, что, выдвигая в этих учреждениях мероприятия, направленные в интересах рабочих, в корне расходящиеся с общей линией буржуазного государства и потому неизбежно отменяющиеся свыше, рабочие представители тем самым еще более разоблачают перед массами классовую буржуазную сущность этих самых учреждений и всего буржуазного государства.

Итак, Энгельс считает, что нужно использовать буржуазный парламентаризм, что нужно использовать все пути легального развития, чтобы обучать, организовать и готовить пролетариат к боям.

Считая необходимым использовать парламентаризм, Энгельс ни на одну минуту не переставал учить пролетариат развертывать и использовать все внепарламентские

средства борьбы, умело сочетая одно с другим и выдвигая в зависимости от конкретных условий те средства борьбы, которые в данной обстановке являются наиболее выгодными для пролетариата. Эти указания Энгельса нашли свое применение и подтверждение в дальнейшем развитии рабочего движения.

Уроки Энгельса целиком и полностью использовал Ленин. Известно, какую отчаянную борьбу вел Ленин с отзовистами за их непонимание, неумение руководствоваться марксистской диалектикой в вопросе о Государственной думе. Ленин считал, что и во время революции не следует отказываться от парламентской деятельности, так как «во время революции соединение массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей... оппозицией внутри этого парламента особенно полезно» («Летская болевня «левых» в коммунизме»). Ленин считает, что «даже после победы советской республики участие в буржуазном демократическом парламенте (речь идет об учредительном собрании) не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламены заслуживают разгона, облегчают успех разгона, облегчают политическое изживание буржуазного парламентаризма» (там же).

Но в чем же тогда грех II интернационала и его нынешних вождей? Ведь они тоже за использование парламентаризма. «Смертный грех II интернационала состоит не в том, что он проводил в свое время тактику использования парламентских форм, а в том, что он переоценивал значение этих форм, считая их чуть ли не единственными, а когда настал период открытых революционных схваток и вопрос о непарламентских формах борьбы стал на первую очередь, партии II интернационала отвернулись от новых задач, не приняв их» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 53). Они превратили в фетиш буржуазную легальность. Вместо использования парламента в революционных целях они превратили свое участие в парламенте в средство гнусной и подлой измены делу рабочего класса.

Резко критикуя «левую» недооценку парламентских форм борьбы, давая в этом вопросе решительный бой анархистам, добиваясь и добившись их полного поражения на конгрессах (Базельском и Цюрихском), Энгельс в то же время обрушивается на всякие попытки атак на революционную теорию и практику справа, направляя сюда главный огонь.

Уже в 1891 г. выступает Энгельс со своей критикой проекта Эрфуртской программы, критикой, в которой он, по своему собственному выражению, пользуется случаем «нанести удар миролюбивому оппортунизму». Что же в этом проекте программы считает Энгельс наиболее неправильным, наиболее опасным? «Политические требования проекта страдают одним большим недостатком, в них нет именно того, что собственно нужно было сказать. Если бы эти десять требований были осуществлены, то мы, правда, имели бы несколькими средствами больше для того, чтобы добиваться главного, но самого-то главного мы и не имеем» (письмо к Каутскому от 29 июня 1891 г.).

Таким образом Энгельс считает, что в проекте нет самого главного — постановки вопроса о насильственном низпровержении буржуазии, о неизбежности пролетарской революции, о диктатуре пролетариата, — вот чего «нехватает» в проекте программы, и Энгельс прямо борется с оппортунизмом, констатируя его рост в партии и определяя его как «забвение крупных, великих, главных (соотношений) точек зрения» (см. об этом у Ленина, Лен. сб. XVI).

Энгельс в своей критике Эрфуртской программы ставит вопрос о диктатуре пролетариата, резко выступая против иллюзий только мирного, только законного пути. В развитие прежних марксовых и своих высказываний о диктатуре пролетариата Энгельс ополчается здесь против иллюзии и самообмана о легальном, мирном пути превращения капитализма в коммунистическое общество. В отношении возможности «мирного вступления» в социализм мы находим у Энгельса совершенно четкий ответ: «Мне казалось более важным остановиться на разъяснении... недостатков политического отдела программы, так как мне при этом представлялся случай нанести удар миролюбивому оппортунизму... и чисто-благонравно-радостно-свободному «вступлению» старого свиства в социалистическое общество» (письмо к Каутскому, 1891 г.). Энгельс глубоко возмущается тем, что из боязни возобновления закона против социалистов «хотят, чтобы партии вдруг признаны терпеливые законы в порядке в Германии достаточными для

осуществления всех требований мирным путем. Рассказывают себе и партии, будто современное общество вырастает в социализм, не задавая себе вопроса, перерастет ли оно тем самым с такой же необходимостью свое старое общественное устройство и нужно ли точно так же с силой разбить эту старую оболочку».

Критикуя проект Эрфуртской программы, Энгельс считает недопустимой ошибкой, что германская партия даже не выдвигает лозунга демократической республики, «не решается открыто выставить республиканскую программу... хотя это возможно было даже при Луи-Филиппе во Франции». Готовый по тактическим соображениям (чтобы партия не была из-за прямого требования республики загнана в подполье) не настаивать на включении самого слова «республика», Энгельс тем не менее решительно настаивает на том, чтобы в программе было выдвинуто требование: сосредоточение всей политической власти в руках народного представительства, и «этого было бы пока достаточно, раз нельзя идти дальше» (письмо к Каугекому от 29 июня 1891 г.). Он настаивает на демократической республике, считая, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата, ибо такая республика хотя и не устраняет ни в какой степени господства капитала и угнетения им масс, в то же время является той формой господства буржуазии, при которой рабочий класс получает наибольшую, нежели при другой форме буржуазного господства, возможность сплотиться, революционизироваться, мобилизовать свои силы. «Демократическая республика не только не уничтожает классового господства буржуазии и классовой борьбы, наоборот, республика является классической формой господства буржуазии и в то же время классической формой наступающего развала этого господства» («Архив», т. I (VI), стр. 119).

Но для Энгельса совершенно ясно, что развал этот сам собой не наступит и что он достигается в результате насильственных революционных мероприятий: «Без насилия нельзя в конечном счете ничего добиться» — говорит Энгельс («Архив», т. I (VI), стр. 78).

Таким образом, вопреки попыткам представить Энгельса мирным поклонником законности, Энгельс выступает перед нами во весь свой рост революционера, борца, который настойчиво и упорно защищает перед всем миром право пролетариата на революцию, право, «которое является действительно историческим правом». Энгельс совершенно определенно указывает на то, что право это может быть осуществлено вооруженным путем. «Ни одна партия... не отказывалась от права вооруженного сопротивления» — говорит Энгельс.

Только в 1924 г. стали наконец известны миру его подлинные взгляды на уличную борьбу, на баррикадный бой. Говоря о трудностях уличных боев в современных городах по сравнению с 1848 г., о том, что «сумасшедшим был бы тот революционер, который по своей воле выбрал бы для баррикадной войны новые рабочие кварталы», Энгельс тут же добавляет (а это добавление и было как раз из его фальсификаторам Энгельса): «Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия 48 года стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов, более благоприятными для армии. Всякая будущая уличная борьба... будет иметь место реже в первой фазе революции, чем в дальнейшем ходе ее, и должна будет вестись при помощи более значительных сил». Опубликование этих мест кладет конец всяким попыткам представить Энгельса противником уличной борьбы и баррикадных боев.

Направляя главный огонь направо, против «мирнолюбивого оппортунизма», Энгельс одновременно разоблачает и дает суровый отпор лево-анархистским тенденциям во II интернационале, о чем уже упоминалось выше, и левым наскокам на партию и ее руководство внутри РСД. Так, когда после отмены исключительного закона в партии появляется «левая» оппозиция «молодых», которая обвиняет партию и ее руководство в оппортунизме, в перерождении, характеризует партийную организацию как организацию, в которой преобладает мелкобуржуазное большинство, возражает против проекта организационного устава партии и ополчается против партийной дисциплины, — Энгельс резко выступает против «молодых», и когда последние, обвиняя партию в оппортунизме, пытаются в своей газете («Саксонская рабочая газета») сослаться на авторитет Энгельса, последний пишет специальный ответ этой газете:

«О преобладании мелкобуржуазного сознания внутри германской партии мне до сих пор ничего не известно... если бы у меня еще было сомнение в характере новейшего бунта литераторов и студентов в нашей германской партии, то оно должно было бы исчезнуть перед пирамидальной властью этой попытки сделать меня солидарным с привлеканиями этих господ» («Ответ Саксонской рабочей газете»).

Энгельс дает уничтожающую критику всей прессе «молодых» как в области теоретической, так и практической деятельности ее.

«В теоретическом отношении нашел я там... судорожно извращенный марксизм. Характеризующийся, с одной стороны, слабым непониманием образа мыслей, который они по их утверждениям и отстаивают, с другой стороны, грубым незнакомством с решающими историческими факторами, с третьей стороны, столь отличающим немецкого литератора сознанием собственного неизмеримого превосходства... в практическом отношении там беззащитное пренебрежение фактическими условиями партийной борьбы, отчаянное взятие препятствий в фантазии... которое при перенесении его из представления в действительность могло бы похоронить сильнейшую, миллионы насчитывающую партию под заслуженный хохот всего враждебного мира» (там же).

Относясь отрицательно к оппозиции «молодых», давая ей столь суровую оценку, Энгельс однако не переоценивал опасности этой оппозиции, считал, что она не может иметь решающего влияния на партию. Так, в письме к Зорге, в котором Энгельс характеризует состояние партии после Эрфуртского партийного съезда, Энгельс пишет, что в Германии все идет отлично, а оппозиция фактически равняется нулю.

Решительный бой оппортунизму дал Энгельс и в аграрном вопросе, который занимает чрезвычайно значительное место в его работах. Постановка Энгельсом на очередь крестьянского вопроса и значение, которое он придает этому вопросу, тесно связаны со всей его теорией о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Энгельс считает аграрный вопрос одним из важнейших вопросов пролетарской революции. «Завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего, но для того, чтобы завоевать ее, партия эта сначала должна пойти из города в деревню, сделаться сильной в деревне» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии», стр. 42). Почему так? Потому что, по мнению Энгельса, пролетариат, вопреки оппортунистическим установкам, становится на путь пролетарской революции, не дожидаясь того времени, «когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда и средний и мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой капиталистического производства» (там же, стр. 62).

Пролетариат совершает свою революцию тогда, когда мелкий производитель составляет еще огромную массу народонаселения, и отсюда задача пролетариата и его партии завоевать на свою сторону эту массу мелких самостоятельных производителей. Вопрос о крестьянстве является вопросом о резервах революции, о ее вспомогательных силах. А кто идет в бой, тот должен помнить о резервах. Энгельс подчеркивает мысль, впоследствии широко развитую Лениным и нашедшую свое отражение в решениях Коминтерна, что и буржуазия стремится использовать крестьянство как свои резервы. Энгельс разбирает на исторических примерах, как буржуазия стремилась (и иногда далеко не безуспешно) «вызывать в крестьянстве недоверие и ненависть к социалистическим рабочим», как стремилась она завоевать и привлечь мелкого производителя на свою сторону и использовать его в борьбе против пролетариата. Известно, что поражение революций 1848 и 1871 гг. явилось в значительной мере следствием того, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии.

Для Энгельса вопрос о крестьянстве является одним из решающих вопросов пролетарской революции, поэтому он считает, что задача пролетариата и его партии состоит в том, чтобы завоевать, повести за собой определенную часть крестьянства, составляющую тот «хор, который получает пролетарская революция и без которого ее дело во всех странах превращается в тебешиную песню» (Маркс, «18 брюмера»).

Но, говоря о крестьянстве, Энгельс не имеет в виду крестьянство «вообще» как нечто единое, цельное, однородное. У Энгельса мы находим совершенно четко разделение крестьянства на три основные группы: мелкое, среднее и крупное крестьянство. Это деление крестьянства, установленное Энгельсом, по мнению Ленина, «и теперь соответствует действительности для огромного большинства стран» (т. XXIV, стр. 163, изд. 2-е). Из всех перечисленных выше слоев крестьянства Энгельс считает мелкое крестьянство основным слоем, «составляющим основной элемент для решения вопроса» (Энгельс). Развитие этой мысли Энгельса о значении мелкого крестьянства находим мы неоднократно у Ленина, который сугубо подчеркивает, что мелкое крестьянство есть «главный экономический класс, который является основой широкого разнообразия политических течений буржуазной демократии».

Энгельс четко расшифровывает двойственную природу мелкого крестьянства, который, с одной стороны, является мелким собственником, производителем, обладающим средствами производства, а с другой стороны, страдает от эксплуатации капитализма. Известно, что эта двойственность классовой природы мелкого самостоятельного товаропроизводителя отмечена была Марксом и Энгельсом еще в «Коммунистическом манифесте». И в «18 брюмера» Маркс уже разобрал, почему они неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, почему они «не могут представлять себя, их должны представлять другие». Каково же, по мнению Энгельса, отношение пролетариата и его партии ко всем указанным выше группам крестьянства и какова должна быть по отношению к ним политика пролетариата тогда, когда он возьмет власть в свои руки? Начнем с выяснения отношения к мелкому крестьянству — этому основному слою крестьянства. Предвидя и считая неизбежной гибель мелкого крестьянства в результате развития капиталистического производства, Энгельс считает, что пролетарская партия не призвана ускорять эту гибель каким-либо вмешательством со своей стороны, более того, в деле борьбы капиталистов и крупных аграриев против мелкого крестьянства партия должна, по мере возможности, вступаться за этого крестьянина и мешать прямому грабежу и насилию, которые применяются со стороны имущих слоев по отношению к нему, хотя Энгельс тут же предупреждает, что не следует строить никаких иллюзий насчет того, что тут можно достигнуть чего-либо реального, так как при капитализме помешать «грабежу и мошенничеству почти невозможно». Задача партии заключается в том, чтобы объяснить мелкому крестьянству всю безнадежность его положения при капитализме. «Она обязана внушить им полную уверенность в том, что капиталистическое крупное производство раздавит их устаревшее мелкое хозяйство с такой же легкостью, с какой поезд железной дороги раздавил бы их тачку».

Энгельс совершенно определенно ставит вопрос о том, что партия пролетариата не является и не может являться сторонницей сохранения единоличной крестьянской собственности, она (партия) не в праве давать никаких обещаний и вызывать у крестьянина хотя бы луч надежды на то, что она будет стремиться сохранить его мелкую собственность. Ставя так вопрос, Энгельс дает решительный бой оппортунистическим установкам в крестьянском вопросе, которые имели место как во французской аграрной программе, так и в практической деятельности Фольмара в Германии. Энгельс считает, что задача завоевания трудящихся крестьянских масс на сторону революции заключается не в том, чтобы приспособиться ко вкусу крестьян, не в том, чтобы помочь крестьянину сохранить его частную собственность, как это предлагает французская программа; он критикует теоретическую мотивировку программы, пытающуюся доказать, что в «принципы социализма входит охрана личной крестьянской собственности от уничтожения ее капиталистическим способом производства». Он считает, что ставить вопрос о помощи крестьянину не как будущему пролетарию, а как настоящему крестьянскому собственнику (как это делает французская аграрная программа) значит «нарушать основные принципы социалистической программы».

Энгельс критикует положение этой программы о том, что «свобода производителя предполагает обладание средствами производства», внося полную ясность в этот вопрос, он разъясняет, что обладание средствами производства возможно в двух формах (о чем французская программа не упоминает): «или в форме единоличного владения, которая никогда и нигде не существовала и не сможет существовать для всех производителей в их совокупности, или же в форме общественного владения».

И Энгельс доказывает, что основной целью социалистической программы должна явиться именно общественное владение средствами производства в земледелии, так же как и в промышленности. Попытка же оградить собственность мелкого крестьянина, как это делает французская программа, по мнению Энгельса, «ограждает не его свободу, а только особую форму его рабства».

Резко критикуя теоретические установки французской аграрной программы, Энгельс не менее решительно разоблачает и мелкобуржуазный социализм Фольмара, который, по его мнению, «вообще намеревается подкупить крестьян» (Письма к Зорге, 10 ноября 1894 г.), и не мелких, задавленных долгами крестьян, а крупных землевладельцев, которые эксплуатируют наемный труд с.-х. рабочих. Энгельс называет Фольмара вождем «народной партии», он упрекает Фольмара в том, что последний организует агитацию среди крестьянства так, чтобы привлечь на свою сторону не батраков, а крупных землевладельцев, пользующихся наемной рабочей силой. Энгельс считает это «охотой» на крестьян в погоне за голосами, охотой, которая имела место и во Франции и против которой он самым решительным образом возражает.

Подчеркивая, что задача социализма состоит в том, чтобы передать средства производства производителям в виде общественной собственности, Энгельс называет постановку вопроса о защите социализмом мелкой крестьянской собственности «глупой и невозможной». Задача пролетариата, взявшего власть в свои руки, заключается по отношению к мелкому крестьянству в том, чтобы «их частное производство, их частную собственность перевести в товарищескую». У Энгельса мы находим совершенно конкретную постановку вопроса о роли кооперации в переходном периоде: «при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, — в этом Маркс и я никогда не сомневались».

Обращает на себя внимание глубокое подчеркивание со стороны Энгельса абсолютной недопустимости какого бы то ни было насилия по отношению к мелкому крестьянству в деле организации его хозяйства на коллективных началах. Как будто приуроченными для сегодняшнего дня являются предупреждения Энгельса: «Частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера. Предложением общественной помощи для этой цели... Мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу... В том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможность больше времени подумать об этом на своем клочке» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии», стр. 66).

Энгельс конечно не предпринимает всех деталей перехода мелкого крестьянства на коллективные рельсы, справедливо считая, что в каждом отдельном случае это будет являться от тех конкретных обстоятельств, при которых пролетариат возьмет власть в свои руки.

По-иному ставит Энгельс вопрос о крупном крестьянстве. Если «нелепо и глупо» давать надежду мелким крестьянам на продолжение их существования, как таковых, на сохранение их единоличной собственности, то «обещать это крупным и средним крестьянам граничило бы с прямой изменой». Что касается политики пролетариата, взявшего власть в свои руки, по отношению к крупному крестьянству, то Энгельс, так же как впоследствии и Ленин, считает, что экспроприация крупного крестьянства не является непосредственной задачей победившего пролетариата.

Вот как говорил по этому вопросу Ленин:

«По общему же правилу, пролетарская государственная власть должна сохранить за крупными крестьянами их земли, конфискуя их лишь в случае сопротивления власти трудящихся и эксплуатируемых... Экспроприация крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий» (т. XXV, стр. 273).

Достаточно известно, что в практике Октябрьской революции и социалистического строительства вопрос о полной экспроприации кулачества, ликвидации его как класса, был поставлен и разрешен не как непосредственная задача пролетариата сразу после захвата им власти, а значительно позднее. «Могли ли мы 5 или 3 года назад

предпринять такое наступление на кулачество? говорил т. Сталин в 1929 г. — Нет, не могли» («Вопросы ленинизма», стр. 457). Далее т. Сталин указывает, что XV съезд партии исходил из того, что «кулачество как класс все же должно остаться до поры, до времени» (там же, стр. 463).

Что касается политики пролетариата по отношению к сельскому пролетариату, то Энгельс считает, что поскольку сельский пролетариат ближе всех стоит к городскому рабочему, поскольку он делит с этим городским рабочим одни и те же условия жизни (в основном), постольку сельский пролетариат неизбежно должен стать на тот же путь, на котором стоит городской рабочий. И точно так же, как промышленный рабочий только тогда освободится, когда он превратит буржуазную собственность в общественную, — так же и сельский пролетариат только тогда избавится от своей нищеты, когда земля будет изъята из частной собственности и перейдет в общественную собственность. Ближайшая же задача партии по отношению к этому слою состоит в том, чтобы «оживить этот класс, бессильный теперь благодаря своей рассеянности и раздробленности, и вовлечь его в движение». Таким образом мы видим, что, придавая огромное значение вопросу о крестьянстве, Энгельс наряду с уничтожающей критикой оппортунистических установок и практики в этом вопросе развертывает положительную программу действия в области взаимоотношений пролетариата и различных слоев крестьянства в пролетарской революции, программу, не потерявшую своей значимости и актуальности и по сей день.

Перейдем теперь к вычлению точки зрения Энгельса в разбираемый период на международное положение, на перспективы войны и революции.

Известно, что весь период 80—90-х годов являлся периодом нарастания и обострения опасности европейской войны. Особо остро встала эта опасность в 1891 г., когда был оформлен франко-русский союз, направленный против австро-германского в 1883 г. тройственного союза Германии, Австрии, Италии. Заключение этого франко-русского союза Маркс и Энгельс давно предвидели, считая его неизбежным последствием аннексионистской политики Германии 1871 г.

Анализируя положение Европы, Энгельс приходит к выводу о том, что решающее значение для определения международной ситуации приобретают следующие три обстоятельства «1) Аннексия Германией Эльзас-Лотарингии, 2) стремление царской России к Константинополю, 3) все жарче разгорающаяся во всех странах борьба между пролетариатом и буржуазией... Два первых фактора обуславливают современную группировку Европы на два больших военных лагеря» («Иностранная политика русского царизма»). Этими двумя лагерями, по мнению Энгельса, являются, с одной стороны, Франция и Россия, в обвиня которой толкнула Францию Германия аннексией Эльзас-Лотарингии в 1871 г., с другой стороны, Германия, союзником которой под царской угрозой Константинополю становится Австрия и даже Италия. Энгельс также высказывает предположение, что «последнее решение будет зависеть от Англии». «Оба лагеря вооружаются для решительной борьбы, для войны, которой еще не видел мир, в которой от 10 до 15 миллионов вооруженных бойцов будут стоять друг против друга» (там же).

Энгельс считает, что эта война будет мировой. Он пишет: «Для Пруссии — Германии, невозможна уже теперь никакая война, кроме всемирной войны» (Предисловие к брошюре Брокгейма). В 1890 г. Энгельс снова подчеркивает мировой характер предстоящей войны, говоря, что «Европа скатывается, как по наклонной плоскости, с возрастающей быстротой вниз, к пропасти мировой войны, невиданных до сих пор размеров и ожесточения» («Иностранная политика русского царизма»). Единственно, что может предотвратить войну, по мнению Энгельса, это революция в России, на которую Энгельс возлагал большие надежды.

Вопросу о предстоящей войне Энгельс придавал исключительно большое значение, тесным образом связывая этот вопрос со всем развитием революционного движения и перспективами революции.

Уже начиная с 80-х годов Энгельс ждал, что война разразится, если только так выразится, «с часу на час». Энгельс считал эту предстоящую войну величайшим несчастьем для революционного рабочего движения того периода. Он считал, что война вызвала бы волну шовинизма, которая затопила бы революционное движение и отбросила бы его на несколько лет назад. «Несомненно, во всяком случае, что война на первых порах отбросила бы во всей Европе наше движение назад, во многих странах и вовсе разрушила бы его, разнуздав бы шовинизм и национализм». В своей статье «Политическое положение в Европе» Энгельс подчеркивает эту же мысль: «Всеобщая война отбросила бы нас в область всяких непредвиденных случайностей. Революция в России и во Франции была бы отодвинута на неопределенное время, наша партия в Германии подверглась бы такой же участи, как Парижская коммуна 71 года». Энгельс считал войну тем более нежелательной, что полагал, что политическая и экономическая ситуация таковы, что если не будет войны, то в ближайшем десятилетии германская социал-демократия сможет взять власть в свои руки. Война же разгромила бы революционное движение и похоронила бы германскую социал-демократию. «Одно верно, — говорил Энгельс в 1892 г. — ...Ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая подавить единственную партию, которая является их общим и главным врагом. Мы видели, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руки через развалины Парижской коммуны. А в данном случае нам пришлось бы быть свидетелями того, что царь, Константин и Каприви (или их преемники) бросились бы в объятия друг друга над трупом социализма» («Социализм в Германии»).

Энгельс предвидит, что боязнь революции у всех европейских стран будет так велика, что «несмотря на все ссоры с царем из-за Константинополя и т. д. может наступить момент, когда они отдадут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он ни потребует, если только он защитит их от революции». В случае же, если произойдет революция в России, то европейские страны, говорит Энгельс, «может быть дойдут до того, что пошлют свои войска, чтобы восстановить авторитет царя, — такова ирония истории» («Иностранная политика русского царизма»). Мы явились свидетелями осуществления этой, предсказанной Энгельсом, иронии истории.

Считая, что война отбросит революционное движение назад, Энгельс однако ни в какой мере не сомневается в том, что в конце концов, если война произойдет, события все же повернутся на пользу революции, что с известной затяжкой, с огромными дополнительными жертвами и трудностями «война повлечет за собой окончательный крах классового государства... Клич классового государства: после нас хоть потоп... но после погона придем мы, и только мы» («Архив», т. I (VI), стр. 35).

Предвидя, что грядущая война приведет к краху старого государства, к такому краху, что «короны дюжинами валяются по мостовым и не находят никого, чтобы поднимать эти короны» (Предисловие к брошюре Брокгейма), считая абсолютно невозможным предусмотреть, «как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы», Энгельс твердо уверен в том, что один результат совершенно несомненен, а именно: «Создание условий для окончательной победы рабочего класса... И если вам (господам королям и государственным мужам) ничего больше не останется, как открыть последний военный танец, — мы не заплачем.

Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет уже некоторые завоеванные позиции, но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата либо уже завоевана, либо, все-таки, неизбежна» (там же).

Какова же должна быть позиция социал-демократии в случае возникновения войны?

Энгельс совершенно определенно ставит вопрос о том, что если начнется война с Россией, то немецкие социалисты должны будут отчаянно биться и с русскими и с какими угодно союзниками русских. Потому что, если победит Россия — этот оплот международной реакции, страна, где массовое рабочее движение в тот период еще только нарождалось, — тогда неизбежно будет разгромлено социалистическое дви-

жение в Европе. «Если победит Россия, то мы будем раздавлены. Поэтому, если Россия начнет войну, то мы двинемся из всех сил против русских, кто бы они ни были.. Если французская республика предоставит свои силы в распоряжение его величества царя и самодержца всей России.., то германские социалисты будут бороться против французов, хотя и с болью в сердце» (Письма к Зорге, 24 октября 1891 г.).

Герои II интернационала пытались представить дело так, что будто бы эта постановка вопроса совпадает с поведением II интернационала в тот период, когда он выступил на защиту «цивилизованного отечества» от нападения «варваров русских», в целях «спасения цивилизации» и т. д. Известно, что немецкие социал-шовинисты как раз ссылались на заявление Энгельса в 1892 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией. Эти ссылки являются полнейшим искажением и извращением взглядов Энгельса. Следует понимать, что перенесение оценки войны периода XIX века, «когда не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых социалистических партий во всех воюющих странах» (т. XVIII, стр. 200), на войну 1914 г. «является издевательством над истиной» (Ленин).

Ставит ли Энгельс вопрос о необходимости национальной обороны в целях патриотической защиты буржуазного отечества, как это пытается представить II интернационал? Ничего похожего. Когда Энгельс говорит о борьбе с внешним врагом — русским царизмом и его союзниками, — он одновременно с этим ставит вопрос о борьбе с внутренним врагом, т. е. с германским правительством. Не о внутреннем мире социалистов с Вильгельмом говорит Энгельс, а о революционной войне, в которой руководство будет за социал-демократией. Энгельс говорит не о войне во имя защиты отечества, а о войне во имя революции. «Или мы погибнем или захватим власть» — говорит Энгельс. В том же письме, в котором он ставит вопрос о необходимости биться против русских и их союзников, он дальше говорит (о чем не любят упоминать герои II интернационала): «Затем нам остается озаботиться, чтобы война велась всеми революционными средствами, и чтобы сделано было невозможным всякое правительство, которое отказалось бы от применения этих средств, или чтобы в нужный момент мы сами захватили власть» (Письма к Зорге, 24 октября 1891 г.). Под революционными средствами Энгельс подразумевал прежде всего всеобщее вооружение народа, самостоятельность Эльзас-Лотарингии и независимость Польши.

Германская социал-демократия должна стремиться к победе, способствовать ей, потому что, «если мы будем разбиты, то в Европе на долгие годы будут настать открыты ворота шовинизму и войне за реванш; если же мы победим, то социал-демократия встанет у власти. Таким образом победа Германии есть в то же время победа революции. И мы, если дело дойдет до войны, не только должны желать победы, но и способствовать ей всеми средствами» (Письма к Зорге, 29 сентября 1892 г.). Таким образом Энгельс ставил вопрос не о победе современного буржуазного германского правительства, а о победе нового, революционного правительства. Он говорил о революционной войне, которую поведет ставший у власти германский пролетариат против реакционного франко-русского союза, о войне, в которой этот пролетариат будет представлять пролетарскую революцию и бороться за нее.

Таким образом Энгельс совершенно определенно ставит вопрос о том, что в случае войны германские социалисты, являясь передовым постом международной социал-демократии, ее наиболее сильным и организованным отрядом, не должны сдавать свой пост без сопротивления. Они должны всеми силами удерживать завоеванное ими положение авангарда рабочего движения. Они должны отчаянно биться с наступающим русским царизмом и его союзниками, которые пытаются остановить движение германского социализма. Биться не на жизнь, а на смерть, чтобы не дать удушить революцию. Биться, чтобы взять власть в свои руки и доказать миру, что «нынешние германские пролетарии достойны французских санкюлотов и что 1893 год может занять место рядом с 1793 годом». Так ставил вопрос Энгельс.

А II интернационал, чудовищно предавший революцию, клеветает на Энгельса, пытается доказать, что он в 1891—1893 гг. проводил ту же политику, что II интернационал в 1914 г. И это говорят те, кому известно, что в 1891 г. Энгельс учил германскую

социал-демократию не капитулировать ни перед внешним, ни перед внутренним прагом (германским правительством); те, кто в 1914 г., по выражению Меринга, «пошли на буксир к правительству без какой бы то ни было попытки к сопротивлению, кто позорно сдал позиции пролетариата, принеся его интересы, его завоевания на алтарь отечества» (журнал «Интернационал», 1915 г.).

Энгельс заявлял, что ни один германский социалист не может желать победы нынешнего германского правительства, — они доказывали, что эта победа даст Германии свободу. Энгельс призывал биться с русскими и их союзниками, чтобы не дать удуть революцию, — они душат революцию, чтобы биться с русскими и их союзниками. Энгельс говорил о борьбе с русским царем, они же повели борьбу с русским рабочим классом. Так изменили Энгельсу, изменили марксизму ренегаты II интернационала, пытающиеся свою черную измену делу социализма прикрасить знаменем великого вождя и учителя.

Как уже указано выше, Энгельс ожидал, что в случае, если война не разразится, в Германии в ближайшее десятилетие произойдет революция. Так, в 1891 г. он пишет: «Мы почти абсолютно уверены в том, что через 10 лет власть будет в наших руках» («Политическое завещание», 24 октября 1891 г.). Эта же мысль о предстоящем в ближайшем будущем захвате власти проводится у Энгельса и в отношении Франции: «Панамская история все же начало конца буржуазной республики и может в недалеком будущем поставить нас в очень ответственное положение... Все это значительно приближает нас к тому моменту, когда наши французские товарищи сделаются единственными руководителями государства» (Письма к Зорге, 31 декабря 1892 г.).

Это ожидание близкой революции у Энгельса вытекало из анализа экономической и политической ситуации того периода. Как известно, 80—90-е годы являлись периодом сильнейшей экономической депрессии. Кривая экономической конъюнктуры неуклонно шла вниз. Этот продолжительный период депрессии дал Энгельсу повод считать, что в результате ее и завершением ее неизбежно явится сильнейший экономический кризис, переходящий в крах капитализма. Ожидая наступления этого краха во второй половине 90-х годов, Энгельс считал, что неизбежным последствием его будет революционный взрыв.

Ожидая в обстановке назревающего экономического кризиса наступления революционного взрыва, Энгельс считал нецелесообразным форсировать движение, распылять и обескиживать его преждевременными выступлениями. Энгельс считал, что до наступления этого кризиса попытка взять власть была бы преждевременной. «Наше движение так хорошо подвигается вперед, все повсюду так удачно складывается в его пользу... что мы никоим образом не можем желать крупной политической катастрофы. Она на многие годы оттеснила бы наше движение на задний план, и после этого нам пришлось бы, вероятно, с большим опозданием все начинать сначала» («Архив», т. I (VI), стр. 315). В другом месте Энгельс пишет: «В условиях мира германской социал-демократической партии обеспечены победы приблизительно через 10 лет. В случае войны она может победить через 2—3 года, но может также подвергнуться и полному разгрому, но меньшей мере на 15—20 лет. Ввиду этого со стороны германских социалистов было бы сумасшествием желать войны, которая поставила бы все на карту, вместо того, чтобы дожидаться верного торжества своего дела в условиях мира» (цитирую по журналу «Интернационал», 1915 г., стр. 99). Энгельс считает крайне нежелательным «играть ва-банк», к чему может выгудить война, между тем как через 10 лет «все будет иначе». Но несмотря на эти опасения, Энгельс всегда подчеркивал, что если бы обстоятельства привели к тому положению, что в результате войны социал-демократии пришлось бы «преждевременно стать у кормила правления», то нужно быть готовым к этому.

Нигде никогда у Энгельса не возникает даже и тени мысли о том, что нужно отказаться от взятия власти, уступить ее. «Я считаю, — говорил он, — очень большим несчастьем эту войну, как и то, что последняя может нас поставить преждевременно у кормила правления, все же я думаю, что нужно быть готовым к такому случаю» (Письма к Зорге, 24 октября 1891 г.).

На вопрос о том, о какой революции говорит Энгельс, мы имеем определенный и недвусмысленный ответ самого Энгельса: «Если Германии придется вести войну против России и союзной ей Франции, то это должна быть революционная война, то рабочие должны учредить республику в Германии и превратить эту войну в начало социалистической революции». Таким образом, в 90-е годы, руководя II интернационалом, Энгельс ждал и готовил международный пролетариат к социалистической революции, которую он считал делом близкого будущего.

Предположения Энгельса насчет близкого будущего не оправдались. Ожидаемый им экономический кризис действительно наступил в начале XX в., но этот кризис в то время не перерос еще в крах капитализма, после него, как известно, наступила эпоха нового подъема капитализма в его последней фазе — империализма. Энгельс ошибся в сроках. Об этих ошибках Ленина говорит:

«Да, много ошибались, и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надежде на победу революции... Но такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач — в тысячу раз благородней, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, ноющего, воинствующего, вызывающего и глаголющего о сути революционных средств, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных и конституционных бредней» (т. XI, стр. 178).

Ленин подчеркивал, что величайшей заслугой Энгельса является именно то, что он всегда умел нащупывать близость революции и поднимать пролетариат до осознания им его передовых революционных целей.

Изучая Энгельса, выясняя его гигантскую роль в деле создания теории пролетарской революции и организации практики революционной борьбы, следует удивляться не тому, что «кое-что из предсказанного Энгельсом вышло иначе», а тому, что «столь многое, предсказанное им, идет как по писанному» (т. XXIII, стр. 106).

к вопросу о борьбе за революционный марксизм в САСШ в эпоху довоенного империализма

К. В. Ч

По поводу выхода избранных сочинений Даниель Де-Леона. Под редакцией, с предисловием и примечаниями Л. Г. Райского, перевод В. Т. Ровинских, Партиздат, 1932 г., стр. 264+XXXV.

Издание на русском языке избранных сочинений Де-Леона с предисловием т. Райского следует признать несомненным достижением в работе Института истории ленинградского отделения Коммунистической академии.

Показать международное значение большевизма как «образец тактики для всех» с момента его появления как политического течения, как партии, — такова актуальнейшая задача, поставленная т. Сталиным перед историческим фронтом в его письме в «Пролетарскую революцию».

Эта задача теснейшим образом связана, точнее прямо диктуется задачей Коминтерна — большевизацией своих секций.

Но показать роль и значение большевизма на международной арене до мировой войны, показать, что Ленин, большевики единственно представляли последовательно-революционный марксизм и поэтому были «ядром... самыми левыми» (Сталин), нельзя, не изучая теории и практики меньшевистских левых пролетарских групп, фракций, партий в рабочем движении передовых капиталистических стран эпохи довоенного империализма.

Несомненно, что Де-Леон и делеонизм, который являлся составной частью левого крыла довоенного II интернационала, представляет у нас наименее изученную страницу истории довоенного международного рабочего движения.

Отсутствие перевода работ Де-Леона крайне затруднило удовлетворение остро назревшей потребности в изучении делеонизма. Потребность эта диктуется двумя обстоятель-

ствами. Во-первых, необходимо выявить меньшевистский, непоследовательный революционно-марксистский характер делеонизма в бытность его левым течением в североамериканском рабочем движении и тем содействовать большевизации компартии САСШ.

Во-вторых, разоблачить североамериканских социал-фашистов, стремящихся использовать и прикрыться делеонизмом в своей борьбе против коммунизма, показав, что Де-Леон был борцом за дело рабочего класса и врагом оппортунизма — теперь социал-фашизма.

Необходимо признать, что составитель избранных сочинений Де-Леона т. Райский по подбору работ Де-Леона справился с поставленными задачами. Положительным фактом следует считать между прочим и то, что т. Райский использовал предисловие для критики ошибок, допущенных им в своих прежних работах о делеонизме.

Однако предисловие не свободно от недостатков и отдельных неправильных, ошибочных положений.

СУЩНОСТЬ ДЕЛЕОНИЗМА

Предисловие правильно оценивает Де-Леона как вождя, организатора, пропагандиста, агитатора, прекрасного оратора, обладающего большой научной эрудицией. Предисловие правильно подчеркивает величие Де-Леона как политического деятеля, пламенного борца за дело пролетариата. Но предисловие, безусловно правильно отмечая, что Де-Леон «не был большевиком» (стр. XXVI), все же дает противоречивую и в конечном счете неправильную оценку делеонизма как политического течения.

С одной стороны, т. Райский считает, что «в условиях довоенной Америки, когда не было еще коммунистической партии, делеонисты составляли левое крыло социалистической партии» (Предисловие, стр. XXXIII. Подчеркнуто Райским. — К. В.). С другой стороны, в итоге Райский считает, что «делеонисты имели ряд несомненных преимуществ по сравнению с социалистической партией Хиллхута — Бергера...» (Предисловие, стр. XXXV).

Здесь у т. Райского два взаимно исключаящих друг друга положения. Одно из двух: либо делеонисты были подлинно левыми в довоенном североамериканском социалистическом движении, и тогда их отношение к социалистической партии Хиллхута — Бергера определяется не «рядом несомненных преимуществ», а чем-то более принципиальным — другой клас-

совой основой и сущностью, а именно—пролетарской; либо делеонистов от социалистической партии Хиллута—Бергера действительно отличает только «ряд несомненных преимуществ», но тогда делеонисты не были левыми в довоенном североамериканском, а значит и в международном рабочем движении, а находились на тех же буржуазных классовых позициях, что и социалистическая партия.

В действительности делеонисты (социалистическая рабочая партия) в довоенном североамериканском рабочем движении превосходили социалистическую партию Хиллута—Бергера не «рядом преимуществ», а одним, самым существенным принципиальным отличием—классовым.

Если учесть, что в прежних работах т. Райского о Де-Леоне («Проблемы марксизма» № 2 за 1930 г., «Новейшая история САСШ») имелась явная переоценка делеонизма, то в настоящем предисловии (наряду с исправлением прежних ошибок) допущена другая крайность—недооценка делеонизма.

Как в том, так и в другом случае неправильная оценка делеонизма вызвана тем, что т. Райский рассматривает роль и сущность делеонизма вне и помимо борьбы двух тенденций—революционной и оппортунистической—в международном рабочем движении.

Вырывая проблему развития делеонизма из борьбы двух тенденций в международном рабочем движении, нельзя дать правильной оценки исторической роли и значения делеонистов.

Особенно ярко это подтверждает и свидетельствует т. Зайдель, который просто объявил Де-Леона ревизионистом марксизма, прикрывая своим оппортунистическую сущность «революционной фразеологией».

Правда, т. Зайдель относит Де-Леона к лагерю «левого» ревизионизма¹; при этом, по мнению т. Зайделя, «левый» ревизионизм отличается от правого тем, что имеет «я свои сильные стороны», т. е. очевидно действительно революционные стороны.

Тов. Зайдель считает делеонизм типичным выражением американского синдикализма, т. е., иначе говоря, признает, что делеонизм есть разновидность «левой» синдикалистской ревизии марксизма и следовательно не только не имеет никакого отношения к довоенному революцион-

ному марксизму в рабочем движении САСШ, но классово ему враждебен.

Точка зрения т. Зайделя на Де-Леона имеет свою логику. Она опирается на то, что, по мнению т. Зайделя, «рабочее движение накануне войны в общем было единым». («Очерки истории II интернационала» Зайделя, стр. 139. Разрядка моя.—К. В.).

Действительно, если вопреки Ленину считать, что рабочее движение в эпоху II интернационала было «в общем единым», тогда можно объявить Де-Леона ревизионистом. Между прочим то обстоятельство, что предисловие не разоблачает «левацко»-ошибочную точку зрения т. Зайделя о Де-Леоне, следует отнести к недостаткам предисловия. С другой стороны, в связи с наличием точки зрения, рассматривающей делеонизм как ревизионизм, нечеткие и ошибочные формулировки предисловия о сущности делеонизма льют воду на мельницу этой исторически и политически глубоко ошибочной точки зрения.

Ясно, что вне проблемы борьбы двух тенденций в международном рабочем движении—революционной и оппортунистической—нельзя дать исторически правильной оценки роли и значения меньшевистским, не «крайне левым», но действительно левым (левые радикалы, делеонисты, трубишты и т. д.) в довоенном Втором интернационале.

Ленинское учение об империализме включает в себя и учение о борьбе двух тенденций в международном рабочем движении. Нельзя признавать правильной ленинскую теорию империализма, не признавая учения о борьбе двух тенденций.

«Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма...

Эти два направления—ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархосиндикализм, анархо-социализм)» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 5).

Следовательно, «тактические разногласия» с «двумя отступлениями от марксизма» в Америке и Европе одни и те же. САСШ не представляют никакой особой исключительности в этом смысле по отношению к Европе.

«В течение всей эпохи II интернационала повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария)» (т. XVIII, стр. 251).

Итак, борьба двух тенденций—революционной и оппортунистической—шла в эпоху II интернационала «повсюду». Ни одна страна

¹ «Картина важнейших элементов «левого» ревизионизма» была бы однако не полной, если бы мы вкратце не остановились на англо-американском, вернее американском, типе синдикализма и прежде всего на учении Де-Леона». Зайдель. Очерки истории II интернационала. «Путь», 1931 г., стр. 180.

не была исключением. «В ряде стран был раскол». Ленин же перечислял весь «ряд стран», где был раскол. Но в этом ряду стран, где произошел раскол, отражавший борьбу двух тенденций, были и САСШ.

Из двух социалистических партий в довоенной Северной Америке—социалистической рабочей партии Де-Леона и социалистической партии Хилкнута—Бергера—первая представляла революционную тенденцию, вторая—буржуазно-оппортунистическую.

Социалистическая рабочая партия—делеонисты—при всех своих сектантских, доктринерских, полудентристских и полусиндикалистских ошибках, при всем своем меньшевизме была все же в основном партией рабочего класса.

Социалистическая партия Хилкнута—Бергера была буржуазной партией.

Именно так расценивал обе партии Ленин. В статье «Задачи пролетариата в нашей революции», касаясь положения дел в Интернационале в связи с войной и доказывая на примере всех стран, что деление течений внутри рабочего движения на интернациональное и социал-шовинистическое соответствует довоенному делению на революционное и оппортунистическое, Ленин отмечает, что на стороне интернационализма «в Америке—социалистическая рабочая партия» и те элементы внутри оппортунистической «социалистической партии», которые начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист» (т. XX, стр. 128. Разрядка моя.—К. В.).

Ленинское противопоставление революционности социалистической рабочей партии (Де-Леона) оппортунистической социалистической (Хилкнута—Бергера) основано на истории действительной роли в довоенной Америке обеих социалистических партий.

В самом деле. По всем тем вопросам, вокруг которых шла борьба двух тенденций в международном рабочем движении,—отношения к буржуазии, вопрос о союзе с либералами, о голосовании за кредиты, об отношении к колониальной политике, к реформам, к характеру экономической борьбы, к нейтральности профсоюзов и т. д. (см. об этом у Ленина, т. XVIII, стр. 112)—делеонисты были против оппортунизма.

В ряде основных вопросов борьбы революционной и оппортунистической тенденций—о характере пролетарской партии, об отношении к буржуазному государству, об абсолютном обнищании рабочего класса, росте дороговизны и гнета монополистической олигархии—Де-Леон был левым представителем рабочего класса.

«Основное в оппортунизме—идея сотрудничества классов» (Ленин). И мы должны сказать,

что в своей борьбе за революционное воспитание рабочего класса САСШ Де-Леон при всем своем меньшевизме не сбивался на позиции идеи сотрудничества классов.

Это особенно очевидно, если рассмотреть взгляды Де-Леона на государство и революцию, на диктатуру пролетариата.

Остановимся несколько подробнее на осуждении взглядов Де-Леона на диктатуру пролетариата. Это необходимо сделать по двум причинам. Во-первых, потому, что только проверив делеонизм на этом единственном «осложке», по которому, как категорически указал Ленин, только и следует проверять марксистов, мы сможем выявить истинную сущность делеонизма. Во-вторых, потому, что т. Райский в своем предисловии не дал развернутой картины взглядов Де-Леона на государство и революцию и не вскрыл ряд ошибок Де-Леона в этом вопросе («полный продукт труда», созреванию экономики и социализма внутри капитализма и т. д.).

О ГОСУДАРСТВЕ И РЕВОЛЮЦИИ

а) Отношение к буржуазному государству

Де-Леон следующим образом оценивает классовую сущность буржуазного государства:

«Политическая власть (в буржуазном государстве.—К. В.), по словам Маркса, представляет попросту организованное господство капиталистического класса, служащее для подавления, обуздания и удержания в подчинении рабочего класса» (Изб. соч., стр. 197. Разрядка моя.—К. В.).

Огромнейшая революционная заслуга Де-Леона в том, что, борясь в самой свободной буржуазной стране, где формальное буржуазное равенство существовало в наиболее совершенном виде, где «суверенитет народа» казался особенно «всемогущим», он не только непрерывно боролся против «парламентского кретинизма», но более того—страстно, упорно, настойчиво разъяснял и учил рабочий класс тому, что наемное рабство остается уделом народа в самой демократической буржуазной республике.

«Рабочий не находится в равном положении с капиталистом,—говорил он.—Последний держит над ним бич голода, который капиталистическая система вручает хозяину и с помощью которого тот может запугивать и держать в повиновении своего наемного раба» (стр. 186).

Де-Леон подчеркивал, что на страже «бича голода» стоит буржуазное государство—этот политический разбойничий институт» (стр. 193).

Каждый случай расстрела стачечников, защиты штрейкбрехеров, подавления революционного движения Де-Леон использует для вы

яснения и разоблачения классовой сущности буржуазного государства.

Де-Леон признавал, что самое демократическое и свободное буржуазное государство есть диктатура эксплуататоров, что освобождение рабочего класса невозможно без разрушения буржуазного государства. Пролетариат должен «сравнить с землей разбойничий оплот (т. е. государство.—К. В.) капитализма» (стр. 197).

Как представлял себе Де-Леон процесс превращения пролетариата в политически господствующий класс? Де-Леон говорил, что буржуазия добровольно не уступит пролетариату политическую власть. Поэтому надо «избирательное право дополнить силой, требующейся для уничтожения капиталистического класса» (стр. 202).

Переход политической власти в руки пролетариата Де-Леон считает возможным лишь в результате революции. Но революция, по Де-Леону, будет мирная: буржуазия под угрозой физической силы пролетариата и безнадежности борьбы просто капитулирует. Таким образом, хотя делеевская точка зрения на роль всеобщего избирательного права как орудия захвата пролетариатом политической власти и не совпадает с оппортунистической, социал-фашистской теорией «демократического» перехода власти в руки рабочего класса из рук буржуазии, тем не менее, держа курс на капитуляцию буржуазии, на «мирную революцию» в САСШ Де-Леон скатывался с марксистских на классово враждебные пролетариату, на оппортунистические позиции. Его точка зрения о путях прихода рабочего класса САСШ к власти превращалась в оружие борьбы против диктатуры пролетариата. Эта ошибка, этот скат с пролетарских позиций получился у Де-Леона в результате доктринерского, недиалектического применения положения Маркса о возможном как исключение мирном захвате власти пролетариатом в Англии и САСШ в определенный исторический период. Эту возможность как исключение Маркс вывел из того, что тогда империализма, военицизма и бюрократии в этих странах не было или почти не было.

В этих условиях почти полной безнадежности вооруженной борьбы буржуазии не исключалась возможность ее капитуляции без боя.

Было ли в 70-х годах нечто такое, — говорит Ленин, — что делало из Англии и Америки исключение в рассматриваемом отношении? (т. е. в необходимости насильственного, революционного свержения буржуазии. — К. В.). Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованиями науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос не-

обходимо поставить. Не поставить его — значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть насилие против буржуазии; необходимость же этого насилия в особенности вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существует военицизм и бюрократия. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX в., когда Маркс делал свое замечание, не было. (А теперь они и в Англии и в Америке есть)» (т. XXIII, стр. 342).

Марксова постановка вытекала из конкретных условий 70-х годов XIX в. и была снята дальнейшим ходом исторического развития, особенно вступлением капитализма в стадию империализма, превращением САСШ и Англии в первоклассные милитаристические державы.

«Ограничение или исключение, допущенное Марксом для Англии и Америки, — говорит т. Сталин, — имело свое основание пока не было развитого империализма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, учил Ленин, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии и Америке не меньше, если не больше, чем в странах Европейского континента. Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата является неизбежным и обязательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах» («Об оппозиции», стр. 383).

Именно в этом метафизическом, недиалектическом, оторванном от конкретной действительности применении Де-Леоном тактических положений, верных в одной исторической обстановке, снятых процессом исторического развития в другой, со всей яркостью выступает доктринерство делеевизма.

б) Отношение к диктатуре пролетариата

Доктринерски ставя вопрос о путях завоевания пролетариатом политической власти, Де-Леон неоднократно со всей категоричностью подчеркивал исключительность американского пути захвата власти пролетариатом и безусловную неприменимость этого пути в других капиталистических странах.

Но устанавливая одни и те же общеобязательные и бесспорные установки по вопросу о путях пролетариата к власти для всех капита-

талистических стран, не считая мирную, безнасиленную революцию безусловно обязательным и единственным путем для рабочего класса к захвату политической власти, Де-Леон не только не отрицает, но прямо признает необходимым путь вооруженного восстания в тех капиталистических странах, в которых силен милитаризм. Здесь невозможен никакой другой путь пролетариата к власти, кроме насильственного, кроме вооруженного восстания (стр. 204, 216).

Следует при этом отметить, что «мирный путь» завоевания пролетариатом власти Де-Леон рассматривал как совершающийся под непосредственной угрозой насилия со стороны пролетариата, и, во-вторых, он не зарекался от насильственного пути захвата власти, если этого потребуют обстоятельства. В борьбе с таким коварным и сильным врагом, как буржуазия, пролетариат не только может, но обязан прибегать к любым средствам борьбы, вплоть до «вил и топоров»¹. Если, вопреки всем расчетам, буржуазия САСШ мирно не капитулирует, то этим смущаться нечего. Пролетариат захватит власть силой, которую немедленно пустит в ход против сопротивляющейся буржуазии (стр. 204). Затем необходимо особенно подчеркнуть, что Де-Леон считал обязательной, безусловной ответственность Гомперсов за измену рабочему классу перед пролетарским военным судом (стр. 90).

Словом, не занимая последовательно марксистской точки зрения в вопросе о насилии, Де-Леон однако не становится в этом во-

¹ Поэтому Де-Леон и вел борьбу в вопросе о всеобщей стачке как против анархистской трактовки ее как единственного метода «свержения» буржуазии, так и против оппортунистического игнорирования всеобщей стачки, ее отрицания в силу «парламентского кривизни». Необходимо отметить, что т. Райский правильно критикует Де-Леона за то, что последний не мог, несмотря на борьбу на два фронта, правильно поставить вопрос о всеобщей стачке, поскольку не понимал значения вооруженного восстания. Однако т. Райский в своей критике, не говоря уже о том, что не дает четкого различия экономических и политических стачек, допускает ошибочное толкование роли стачки.

«Де-Леон не понял, что стачка бывает... и орудием свержения капитализма (разумеется в сочетании с другими методами борьбы, и в первую очередь в сочетании с вооруженным восстанием». (Предисловие, стр. XXIII. Разрядка моя. — К. В.).

Объявлять какую бы то ни было стачку, даже политическую, «орудием свержения капитализма» и сводить вооруженное восстание, эту высшую форму борьбы рабочего класса по сравнению с массовой политической стачкой, к простому «сочетанию» со стачкой — значит искажать марксизм, приходить к отрицанию учения Маркса — Ленина о вооруженном восстании.

просе целью на оппортунистическую, мелкобуржуазно-нацифистскую точку зрения. Об этом лучше всего свидетельствует его отношение к войне. Де-Леон безусловно признавал право социалистического государства, право рабочего класса на революционную, гражданскую войну против контрреволюционной интервенции. Войну против наемного капиталистического рабства он считал единственно допустимой, священной войной (стр. 235).

Очень важно отметить, что Де-Леон не рассматривал приход пролетариата к власти иначе, как вопреки и в борьбе против буржуазии и ее государства. Пролетариат не может овладеть политической властью ни частично, ни полностью при наличии буржуазного государства, с ведома и согласия буржуазии. Мильеранизм, коалиция и даже чисто «рабочее правительство» с ведома и согласия буржуазии есть обман пролетариата, его фактическое предательство в интересах капитализма. Политическое господство пролетариата исключает политическое господство буржуазии в данной стране, и обратно. Делить власть с пролетариатом буржуазия не может, как не может примириться добровольно или согласиться добровольно признать политическую власть рабочего класса. Поэтому предательством интересов пролетариата является малейшая попытка опереться на классового врага путем уступок ему, как и надежда на примиренческое отношение классового врага к победившему пролетариату.

«Революционная цель... политического движения пролетариата... должна быть бескомпромиссно революционной» (стр. 201), т. е. борьба пролетариата за коммунизм исключает всякую возможность сотрудничества антагонистических классов.

Отсюда его страстная борьба против мильеранизма и примиренчества к нему на Парижском (1900 г.) и Амстердамском (1904 г.) конгрессах II интернационала.

Иначе как путем экспроприации Де-Леон не мыслил обобществление средств производства, находящихся на правах частной собственности в руках буржуазии. Остроумно, едко и беспощадно он высмеивает мелкобуржуазные оппортунистические предложения о «выкупе» (по-теперешнему — «социализация») у буржуазии средств производства. Он бичует оппортунистическую попытку поставить вопрос об обобществлении средств производства на рельсы формальной законности, связать его с законами буржуазного общества. Де-Леон со всей решительностью указывает на оппортунистичность и безусловную классовую враждебность пролетариату установки связывать правовые за-

коны социалистической революции с правовыми законами буржуазного общества. Малейшая попытка установить преемственность правовых законов, юридического права социалистической революции и буржуазного государства гибельна для пролетариата. Социалистическая революция именно потому и социалистическая, что, ставя своей задачей экспроприацию экспроприаторов, она рвет с капиталистическими правовыми нормами. Она устанавливает свои законы, свое право, которое вытекает и определяется ее сущностью и ее задачей: уничтожением капитализма и построением социализма.

«Пролетарская революция не отвечает при своем собственном свете; ее действия должны обнаружиться по тому кодексу законности, который она сама несет в своих законах, а не по мерке существующего закона, служащего лишь отражением существующей узурпации...»

«... Почтительность к узурпатору означает умышленное и последующее физическое подчинение узурпатором» (стр. 83—84. Разрядка моя. — К. В.).

Признавая безусловную немедленную экспроприацию буржуазии, Де-Леон указывал, что осуществление этой экспроприации немислимо без бешеного сопротивления капиталистов, сломать которое нельзя, не имея возможности прибегнуть в любой момент к физической силе. Больше того — следует иметь в виду, что экспроприация буржуазии скорей всего потребует не только угрозы, но и прямого применения вооруженной силы. Следовательно избирательное право пролетариат обязательно должен подкреплять организацией своей физической силы для того, чтобы на первом этапе социалистической революции — при захвате власти — угрозой ее применения заставить капитулировать буржуазию, а на втором этапе — при экспроприации буржуазии — физической силой подавить сопротивление «тигра капитализма» (стр. 81).

Итак, Де-Леон, признавая наиболее вероятным, даже неизбежным мирный захват пролетариатом политической власти (только в отношении САСШ и, как он говорил, возможно также для стран, говорящих на английском языке), ясно и недвусмысленно признает, что:

а) политическая власть рабочего класса ни на какое буржуазно-демократическое право не опирается и опираться не может и потому ни в коем случае не является дальнейшим расширением «чистой» (буржуазной) демократии;

б) приход пролетариата к политической власти совершается не в результате сотрудничества классов, а вопреки и в борьбе с бур-

жуазией и обязательно при условии разрушения буржуазного государства;

в) политическая власть пролетариата опирается на физическую силу рабочего класса, и ее право определяется только целью — социалистической революцией;

г) политическую власть пролетариат применяет для немедленной экспроприации буржуазии.

Очерченное выше понимание Де-Леоном политической власти пролетариата означает, что Де-Леон был за диктатуру пролетариата, хотя, как мы дальше покажем, в самом понимании диктатуры пролетариата Де-Леон был весьма далек от последовательно-марксистских позиций.

в) Полусиндикалистские и полудентристские ошибки в вопросе о государстве

Признание диктатуры пролетариата вот что кладет грань между Де-Леоном, с одной стороны, и между правой (ревизионизм, оппортунизм) и «левой» (анархизм, анархосиндикализм) ревизией марксизма, с другой; вот что свидетельствует, что делеонизм действительно принадлежал к революционной тенденции в довоенном североамериканском рабочем движении.

Но вместе с тем именно развернутая делеонистская трактовка диктатуры пролетариата явственно обнаруживает, что делеонизм как политическое направление не представлял последовательно революционного марксизма, ни в коем случае не являлся большевизмом. Напротив, наряду с элементами революционного марксизма в вопросе о диктатуре пролетариата делеонизм содержит сугубо принципиальные антимарксистские, полусиндикалистские, полудентристские ошибки.

В самом деле, Де-Леон определяет цели и задачи диктатуры пролетариата исключительно только как разрушительные. «Цель пролетарского (политического. — К. В.) движения исключительно разрушительная» (стр. 197). Основная задача пролетарской диктатуры — организаторско-созидательное построение коммунизма — для Де-Леона не существует.

Преобразованием пролетариата в политически господствующий класс, экспроприацией буржуазии диктатура пролетариата немедленно исчерпывает самое себя, свою историческую миссию. Дальнейшее ее существование теряет всякий смысл и целесообразность. Она «ампутируется». Эта «ампутация» диктатуры пролетариата происходит в порядке самороспуска, самоликвидации. Сохранение диктатуры после вы-

полнения ею разрушительной задачи превратилось бы в «узурпацию» и «было бы сигналом приближающейся социальной катастрофы» (стр. 197).

Организатором социалистического общества немедленно, сразу с захватом пролетариатом политической власти, выступает вместо партии и пролетарского государства экономическая, профессиональная, строго централизованная, построения по производственному принципу «индустриальная» организация.

С «ампутацией» государства партия теряет не только свое значение как авангард рабочего класса, но она становится для него как политическая организация совершенно лишней.

Партия разделяет судьбу пролетарского государства и немедленно распускается.

Итак, делеонизм отрицает необходимость:

а) диктатуры пролетариата как переходного периода, революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое;

б) руководящей роли партии и пролетарского государства как организаторов бесклассового коммунистического общества;

в) авангардной роли партии рабочего класса на весь переходный от капитализма к коммунизму революционный период;

г) создания экономической основы отмирания пролетарского государства.

Следовательно Де-Леон стоит на точке зрения «взрыва» государства.

Это значит, что делеонистское понимание диктатуры пролетариата есть по существу не подлинно марксистско-ленинское, а полуанархистское¹.

Решительная борьба Ленина против бухаринской трактовки «взрыва» государства вообще как полуанархистской, полусиндикалистской точки зрения есть одновременно и борьба против делеонистской «ампутации» пролетарского государства. Очевидно, что как бухаринская, так и делеонистская трактовка необходимости «взрыва» или «ампутации» диктатуры пролетариата упирается в оппортунистическое представление о классовой борьбе при диктатуре пролетариата. Обе эти трактовки исходят из положения, что установление диктатуры про-

летариата означает не переход классовой борьбы на новую, самую высокую, смертельно ожесточеннейшую ступень, а замирание и потухание борьбы классов.

Идеологическая общность между полуанархистской ошибкой т. Бухарина в вопросе о государстве (1915—16 и последующие годы) и его оппортунистической трактовкой классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата (в бытность его идеологом правого уклона) со всей яркостью вскрыта и установлена т. Сталиным (см. «Вопросы ленинизма»).

Немарксистская трактовка Де-Леоном диктатуры пролетариата, его полуделеонистские, полуделеонистские ошибки в этом вопросе базируются на непонимании им экономической основы коммунистического общества.

Для Де-Леона не существует вопроса об экономическом (следовательно и политическом) отличии и различии между пролетарской и буржуазной революциями. Он не понимает, что только буржуазная экономика вызревает в основном внутри феодального общества, что поэтому целью буржуазной революции является проведение политической надстройки в соответствии с изменившимся экономическим фундаментом и следовательно превращением буржуазии в политически господствующий класс и осуществление ее задачи. Он доктринерски распространяет и механически переносит условия буржуазной революции в пролетарскую, считая, что социалистическая экономика полностью, вплоть до ее организаторского и руководящего аппарата, вызревает при капитализме. Именно отсюда он и выводит исключительно разрушительную задачу пролетарской диктатуры и строит свою теорию «индустриализма».

Из непонимания конкретных условий образования экономики социализма, из его антимарксистской трактовки создания экономической основы социализма органически вытекает признание Де-Леоном лассальянского мелкобуржуазного, уравнилельно-утопического принципа получения работником социалистического общества полного продукта труда (стр. 236).

Несмотря на вопреки убийственной критике этого лассальянского тезиса Марксом в своей «Критике Готской программы», Де-Леон упорно до конца своей жизни выдвигает требование полного продукта труда как принципа социалистического распределения. В связи с этим для него нет и не существует никакой и высшей фазы коммунистического общества с соответствующими им принципами распределения.

Из непонимания этого, из антимарксистской установки проблемы экономики коммунизма вытекает отсутствие у Де-Леона проблемы

¹ Кстати, необходимо заняться выяснением влияния делеонизма на бухаринскую постановку в 1915—16 гг. вопроса о государстве. Идеинное средство налицо; следует отметить, что выступления т. Бухарина по вопросу о государстве связаны с временем его пребывания в период мировой войны в САСШ.

диктатуры пролетариата, отсутствие руководства со стороны рабочего класса и его партии социалистической переделькой мелкобуржуазных трудящихся масс города и деревни и превращения их в работников социалистического общества. Отсюда у него левая постановка об экспроприации некапиталистической собственности мелкого производства (стр. 247-250).

Подытоживая взгляды Де-Леона на государство и революцию, следует признать, что из установленных Лениным трех принципиальных пунктов, отличающих марксизм от анархизма в вопросе о государстве (т. XXI, стр. 419), Де-Леон занимал марксистскую позицию только в пункте о «подготовке пролетариата к революции путем использования современного государства»; Де-Леон сбивался в вопросе о путях установления диктатуры пролетариата на центристские, оппортунистические позиции; в вопросе же об «уничтожении государства» сбивался на полуанархистские позиции «ампутации». Стало быть, Де-Леон, признавая диктатуру пролетариата, не только не сумел развить марксово учение о государстве и революции, но овладел лишь отдельными элементами учения Маркса о диктатуре пролетариата, в целом же занимая в этом главном вопросе марксизма-ленинизма непоследовательную, далеко не вполне марксистскую позицию.

ПАРТИЯ

Де-Леон правильно, по-марксистски считал немислимой революционную борьбу рабочего класса за свою диктатуру, за социализм с таким мощным классовым врагом, как буржуазия, без политической организации, без партии, сознательно представляющей себе цель, закономерности, пути и средства политической борьбы пролетариата.

От партии, которая составляет организованное сознательное меньшинство, авангард, «головной отряд пролетариата» (Де-Леон), зависит направление и результат борьбы рабочего класса за коммунизм (стр. 20, 21).

Эта исключительная роль и значение партии пролетариата в его классовой борьбе предвзывает к ней ряд особых, сугубо строгих принципиальных требований, без соблюдения которых партия не является авангардом рабочего класса и не сможет выполнить своего исторического назначения.

В-первых, партия должна быть вооружена правильной революционной теорией, ибо «неудачи... являются неизбежным результатом... ложной теории» (стр. 37).

Во-вторых, партия должна быть монолитна; достигнуть этого она сможет только в

том случае, если будет непоколебимо, строгойшие блюсти свои программные, революционные принципы, давая беспощадный отпор малейшему от них отклонению. «На реформистском основе она никогда не сможет быть победоносной» (стр. 21).

В-третьих, партия должна соблюдать железную дисциплину в своих рядах — строжайшее выполнение партийных решений безусловно для членов партии «подорожите дисциплину, позвольте члену (партии. — К. В.) поступать, как ему вздумается, и вы увидите вликому движению удар в сердце» (стр. 21. Разрядка моя. — К. В.).

В-четвертых, партия должна участвовать в повседневной борьбе рабочего класса (стр. 46), но обязательно как подлинный авангард, ни в коем случае не плестись в хвосте массе, а руководить движением, строго увязывая повседневную борьбу с конечной целью (стр. 165).

Очевидно, что делегантские организационные позиции в вопросе о построении партии пролетариата и позиции довоенного II интернационала были различны. Вот почему социалистическая рабочая партия (Де-Леона) не была типичной социалистической партией передовых капиталистических стран довоенной эпохи.

«Типом социалистической партии эпохи II интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм» (т. XVIII, стр. 86).

Тот факт, что Де-Леон не только четко ставил вопрос о необходимости полного идейного и организационного размежевания с оппортунизмом, но на деле осуществил этот раскол, отстаивал этот принцип, ясно свидетельствует, что делеонизм в вопросах организационного строительства партии отстаивал в основном принципы марксизма.

Однако следует подчеркнуть, что и в вопросе о партии Де-Леон в целом не был до конца последовательно революционным марксистом. И здесь он имел сектантские, полусектантские ошибки.

Правильно считая партию авангардом пролетариата, Де-Леон не понимает ее действенной, политически-организаторской роли. Делеон роль партии как авангарда по существу ограничивается пропагандистско-агитаторской деятельностью.

Массы стихийно революционны, рано или поздно они придут к социалистической рабочей партии, массы в свое время стянутся к нам» (стр. 21).

Отсюда и сектантская практика Де-Леона.

Совершенно не справится (как выше указывалось) Де-Леон с вопросом о роли партии при диктатуре пролетариата. Здесь он не только не признает авангардной роли партии, но считает ее совершенно ненужной, подлежащей немедленной «ампутации». Эта полусиндикалистская ошибка Де-Леона вытекает из его непонимания, что диктатура пролетариата охватывает целый ряд лет, большой исторический перекладный период.

Проблема партии органически связана с вопросом о диктатуре пролетариата. Непоследовательному, не вполне марксистскому взгляду Де-Леона в вопросе о государстве и революции соответствует далеко не вполне марксистская позиция в вопросе о партии.

ПРОФСОЮЗЫ

Своей проповедью беспартийности, нейтральности профсоюзов оппортунизм стремился принудить пролетариат к фактическому отказу от классовой борьбы с буржуазией.

«Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью, на почве существующего строя отделить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений» (т. XII, стр. 145).

Приближаясь к большевистскому пониманию вопроса о «нейтральности профсоюзов» (но именно только приближаясь), Де-Леон (стр. 110) считал, что нельзя оторвать буржуазную экономику от буржуазной политики, нельзя поэтому вести подлинную экономическую борьбу против капитализма, не ведя политической борьбы. Профсоюзы, представляя массовые организации пролетариата, не могут не принимать участие в политической борьбе. Весь вопрос состоит в том, на стороне какого класса они участвуют: ведут ли они политическую борьбу за интересы своего рабочего класса или они становятся на позиции классового врага? Реакционные, реформистские профсоюзы неаполитичны; напротив, они ведут тред-юнионистскую, т. е. буржуазную, политику.

Участвовать в политической борьбе за свои классовые интересы профсоюзы смогут только в том случае, если они будут партийными (стр. 192, 199—206). Но правильно став вопрос о том, что профсоюзы должны быть партийными, Де-Леон не понимал тех конкретных путей и форм, при посредстве которых профсоюзы — «формально беспартийные» организации рабочего класса — превращаются «фактически на деле в партийные» (Ленин).

Отсюда его сектантская, доктринерская постановка вопросов о партийности профсоюзов в противовес диалектической ленинской постановке.

Партийность профсоюзов осуществляется, как указывал Ленин, не тем, что стирается грань между профсоюзом как низшей формой организации пролетариата и его высшей организацией — партией. Стереть грань между ними — значит оторвать партию от широких рабочих масс, с одной стороны, и лепить эти массы школы классовой борьбы, «школы коммунизма», — с другой. Поэтому партийность профсоюзов осуществляется тем, что партия организует там внутри свои фракции, воздействуя через них на всю практическую деятельность профсоюзов и направляя ее тем самым по партийному пути.

Этого как раз Де-Леон и не понимал. Партийность профсоюзов он истолковывал таким образом, что стирал по существу грань между ними и партией, договариваясь до контроля первых над второй (стр. 67—70, 73—74, 202).

Несомненно, что причиной полнейшей неудачи «Социалистического альянса квалифицированных и неквалифицированных рабочих», а равно и деятельности Де-Леона в «Индустриальных рабочих мирах» и его сектантской замкнутости от масс следует признать доктринерскую трактовку Де-Леоном вопроса о партийности профсоюзов. При такой точке зрения на партийность профсоюзов неизбежен вывод о недопустимости работы в реакционных профсоюзах.

Необходимо также отметить тесную связь между делеонистской трактовкой партийности профсоюзов и его теорией «индустриализма». Признавая необходимость «ампутации» диктатуры пролетариата, а также то, что партия есть лишь отражение классово сознательных профсоюзов, Де-Леону было легко сделать вывод о возможности сразу с захватом пролетариатом политической власти сосредоточить в руках профсоюзов руководство социалистическим производством (стр. 106, 195—199).

Таким образом в вопросе о профсоюзах Де-Леон овладел лишь элементами революционного марксизма: Де-Леон не овладел марксистско-ленинской постановкой вопроса в целом.

ОБ ОПОРТУНИЗМЕ

Борьба с международным оппортунизмом (точнее, с ревизионизмом справа) — характерная черта Де-Леона. Бичом пролетарской прав-

ты он срывает с оппортунизма его маскировку под защитника интересов рабочего класса, обличая классовую сущность «рабочих приказчиков класса капиталистов». Он систематически, упорно учил североамериканских рабочих, что нельзя бороться против капитализма, не борясь против его «рабочих приказчиков». Он, в условиях САСШ, видел прямой подкуп реформистских, оппортунистических вождей, показывая это особенно ярко на примере томперсовской Америкавокой федерации труда. Но Де-Леон, как это правильно отмечает в предисловии в Райский, не понимал экономических корней оппортунизма в международном и американском рабочем движении в эпоху империализма.

Проблема раскола рабочего класса монополистическим капиталом путем подкупа его верхушки за счет монопольной сверхприбыли, проблема рабочей аристократии для Де-Леона не существовала. Поэтому он не видел, не понимал, что ревизионизм, оппортунизм с конца XIX в. стал международным явлением. Огромную поддержку и популярность, которую встретил и приобрел миллеранизм, жоресизм — эта французская форма международного ревизионизма во II интернационале, — Де-Леон объясняет тем, что «социальная (т. е. экономическая. — К. В.) и политическая отсталость... всех континентальных стран... делала жоресизм для них приемлемым» (стр. 149).

Изда конечные причины силы оппортунизма во II интернационале, не в монополистической стадии капитализма, а в экономической отсталости капиталистических стран, Де-Леон не видел истинных корней международного оппортунизма в эпоху империализма.

Больше того, выводя силу оппортунизма в международном рабочем движении из «социальной и политической отсталости», Де-Леон готов был мириться с ним в тех странах, которые, по его мнению, должны были быть зачислены в категорию отсталых. К ним он относил даже такую передовую капиталистическую страну, как Германия (стр. 149).

Непонимание им экономических корней международного оппортунизма и его интернационального характера привело Де-Леона к неправильному выводу, что резолюция Амстердамского конгресса «покончила с жоресизмом во Франции» (стр. 161). Де-Леон не понимал того, что вскрыл только один Ленин, а именно, что Миллеран, прикрываясь социалистической фразой расстрел бастующих рабочих, показал историческую будущность международного оппортунизма подобно тому, как капля воды показывает ее свойства!

Очевидно, что Де-Леон не понимал того ленинского предвидения, что международный

реформизм, когда «пролетарская революция обострит все спорные вопросы», неизбежно перейдет от применения «оружия критики» против марксизма к критике его оружием открытой контрреволюции.

Стало быть, Де-Леон не понимал, что не бедить жоресизм, оппортунизм во Франции, как и в любой стране, — это составляет коренную задачу в деле подготовки победоносной пролетарской революции.

Говоря о борьбе Де-Леона с оппортунизмом, необходимо подчеркнуть ошибки Де-Леона в отношении «левой» ревизии марксизма — анархизма и особенно анархо-синдикализма (т. Райский этого в предисловии не отмечает). Борьба против анархизма, правильно и четко подчеркивая вопрос о необходимости использования пролетариатом для политической борьбы буржуазного государства, необходимости диктатуры пролетариата, Де-Леон делал уступку анархизму, подменяя вопрос об отмирании пролетарского государства его «ампутацией». Еще большую ошибку делал Де-Леон в отношении синдикализма. Не говоря уже о том, что он приписал ему признание необходимости для пролетариата политической борьбы и вооруженного восстания (стр. 214—217), т. е. отнес к синдикализму то, чем характерен был мелкобуржуазно-бунтарский эрвезизм и чего «чистый» синдикализм, как чорт ладана, больше всего чуждался. Де-Леон совершенно не понял, что синдикализм — это изнанка, обратная сторона правого ревизионизма.

Итак, Де-Леон, несмотря на всю его положительную роль и несомненные огромные заслуги в борьбе с международным оппортунизмом, особенно в довоенной Северной Америке, не овладел полностью революционно-марксистской постановкой вопроса о борьбе с оппортунизмом.

Де-Леон, не понимая экономических корней оппортунизма, не сумел понять, что дело идет о смертельной борьбе двух тенденций в международном рабочем движении — революционно-пролетарской и буржуазно-оппортунистической, не сумел правильно поставить вопрос о борьбе с международным оппортунизмом на два фронта.

Отсюда у Де-Леона, — не говоря уже об уступках анархизму, синдикализму, — небольшая, сектантско-доктринерская стратегия и тактика борьбы с ревизионизмом. По существу делсионизм не понимал или не сумел понять, что «борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-повиннистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса

на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо» (т. XXV, стр. 197).

Делеонистская теория и практика борьбы с оппортунизмом как раз вели к тому, что забывалась «элементарнейшая и самоочевиднейшая истина», забывались цели и характер этой борьбы. Именно этим объясняется требование «чистых», «классово сознательных», стоящих на уровне программных принципов пролетарской партии профсоюзов, отказ от работы в реакционных профсоюзах, а также среди неорганизованных, отсталых масс рабочих и трудящихся.

Доктринерско-сектантские принципы борьбы с оппортунизмом Де-Леона в конечном счете объективно были выгодны ревизионизму, поскольку они фактически вели к поражению революционной тенденции в международном рабочем движении.

«Нет сомнения, господа Гомперсы, Гендерсоны, Жюо, Лейны очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (опаси нас боже от такой «принципиальности!») или некоторым революционерам из числа американских «промышленных рабочих мира», проповедают выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них» (т. XXV, стр. 199). «Не работать внутри реакционных профсоюзов, — писал Ленин, — это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (там же, стр. 197).

Освещение делеоновской постановки вопроса борьбы с оппортунизмом явственно показывает, что, несмотря на известное превосходство в данном вопросе делеонизма (раскол с оппортунизмом) над левыми радикалами, люксембургпанством, делеонисты в своей борьбе с оппортунизмом не стояли на подлинных позициях революционного марксизма и ни в коем случае не сумели его развить соответственно обстановке эпохи империализма.

Только Ленин вскрыл и обнаружил экономические корни международного ревизионизма, только он один сумел «ясно сознать зло, понять его причины», сумел победоносно «спланивать пролетариат всех стран для борьбы с таковыми (т. е. созданным за счет монопольных сверхприбылей.—К. В.) оппортунизмом» (т. XII, стр. 80).

ОБ АБСОЛЮТНОМ ОБНИЩАНИИ

Позиция делеонистов в вопросе об абсолютном обнищании рабочего класса в ходе развития капитализма совершенно еще освещена

т. Райским в предисловии, а между тем в послужах Де-Леона следует отнести его исключительное внимание к этому вопросу и систематическую, действительную, на основе фактов САСИИ, яркую пропаганду и агитацию марксизма закона об абсолютном обнищании рабочего класса.

Общезвестно, что бернштейнианство отрицал марксов тезис неизбежности краха капитализма, обосновывало свою точку зрения указанием на то, что закон абсолютного обнищания рабочего класса в процессе развития капитализма якобы ходом действительности не подтверждается.

Неизбежность краха капитализма Маркс непосредственно связывал с действием закона абсолютного обнищания рабочего класса.

«Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые заузурпируют и монополизировать все выгоды этого процесса, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса» («Капитал», т. I, стр. 756, изд. 1923 г.).

Де-Леон боролся за эту марксову постановку вопроса. Прогрессирующая, без конца растущая нужда рабочего класса, бич голода, говорил он, гонит его на борьбу с капитализмом.

Если правильны утверждения оппортунистов, что «положение рабочего класса — склонное к благоденствию, что из хорошего оно становится еще лучше», тогда необходимость извержения капитализма «рухнет подобно химерическому видению почного конюшара» (стр. 170).

Путем блестящего анализа данных, взятых у буржуазной статистики, Де-Леон в «Социалистической реконструкции общества» разносит в пух и прах ревизионистскую теорию «склонного благоденствия» и с убийственной ясностью и убедительностью показывает, что «положение рабочего класса из плохого стало еще хуже» (стр. 183).

Если учесть, что легенда об исключительно благополучном положении американского рабочего, о систематическом росте его благосостояния имела особо веское хождение в руках международного оппортунизма и через него довольно глубоко внедрилась в сознание рабочего класса всех стран, то разоблачение этой легенды Де-Леоном приобретает исключительное революционное значение. Работы Де-Леона в этой области дают между прочим богатейший убийственный фактический материал для разоблачения антимарксистского тезиса т. Фридлянда, утверждавшего, что «с конца XIX века жизненный уровень масс безусловно поднимается» (Курс лекций, т. II, стр. 11), не говоря уже о социал-фашистской теории «фордиз

ма», так ярко сформулированной Тарновым в период расцвета теории «организованного капитализма».

О философской основе делеонизма

Сектантство, доктринерство делеонизма имеют глубокие теоретические корни, кроются в методологических, философских взглядах Де-Леона. Необходимость выявить философскую основу делеонизма очевидна, ибо «нельзя понять ни одной ошибки, если не вскрыть ее теоретические корни» (Ленин). Однако г. Райский в данном предисловии, как и в своих прежних работах о Де-Леоне, не вскрыл, не дал общей характеристики методологических корней делеонизма, что несомненно следует признать недостатком предисловия. В чем же теоретические корни делеонизма? В его механистичности. Подобно всем левым во II интернационале, Де-Леон отличается от «ядра левых» — большевиков — тем, что стоял на точке зрения механистического материализма, а не на позициях революционной материалистической диалектики. Материалистическую диалектику — «живую душу» (Ленин) марксизма — Де-Леон не усвоил, но овладел ею. Действительно, стоит только в самых общих чертах рассмотреть теорию развития Де-Леона, чтобы полностью обнаружить механистичность делеонизма.

Во-первых, Де-Леон признает, что законы борьбы за существование животного, биологического мира и человеческого общества, одни и те же. «Законы, управляющие социологией, идут параллельно законам, установленным естествознанием в биологии, и являются их точной копией» (стр. 10). Механистически переиначивая закономерность биологического мира в мир общественный, Де-Леон снимает проблему качественного различия между законами человеческого и животного миров.

Во-вторых, весь процесс развития для Де-Леона совершается как постепенное количественное изменение, как развитие от простого к сложному. Проблема качества, качественных изменений как результат перерыва постепенности, революционного перехода данного явления в свою противоположность путем скачка в теории развития Де-Леона отсутствует.

«В действительности эволюционный процесс столь постепенен, цель взаимодействия бесконечна, что следствие оказывает обратное действие на причину... причина и следствие становятся относительными понятиями» (стр. 194. Разрядка моя. — К. В.).

Из «постепенности эволюционного процесса» и вытекают: а) теория созревания соци-

ализма внутри капиталистического общества, б) теория возможности в условиях капитализма не только организовать весь рабочий класс, но и сделать его классово сознательным настолько, что пролетариат не будет нуждаться в переделке самого себя в результате переходного периода, десятков лет ожесточеннейших классовых битв, гражданской войны; в) теория «ампутации» пролетарского государства.

В-третьих, Де-Леон не понимает, что общее существует как особенное и единичное. Отсюда его неумение понять интернациональный характер ревизионизма, оппортунизма и общеобязательность одних и тех же принципов борьбы с ним в международном масштабе.

Механистическая основа делеонизма особенно ярко сказывается в его полной теоретической беспомощности, неспособности понять и обнаружить новый империалистический этап развития капитализма — его превращение в умирающий, загнивающий капитализм. Эту характернейшую, важнейшую особенность делеонизма г. Райский не отметил. Правильно отмечая отдельные характерные черты финансового капитала — господство кучки капиталистической олигархии, огромный рост реакции, гнета, нужды, нищеты, — правильно отмечая объективную зрелость САСШ для пролетарской революции, Де-Леон не видел целого, не видел и совершенно не понимал, что наступила эпоха господства монополистического капитализма и что, следовательно, наступил «канун социалистической революции» (Ленин) во всем мире, что, стало быть, решающее значение для международной борьбы рабочего класса за коммунизм приобретает закон неравномерного развития капитализма.

Де-Леон, не видя и не понимая, что капитализм перешел в свою высшую, монополистическую стадию развития, не видел и не понимал закона неравномерности развития капитализма. Поэтому он целиком находился в плену той разрушенной Лениным догмы II интернационала, что только от высоты экономическо-технического уровня капитализма зависят зрелость и готовность страны к социализму и что, следовательно, социалистическая революция должна начаться раньше всего в самой передовой, высоко развитой капиталистической стране. И именно поэтому Де-Леон считал, что только САСШ созрели для социализма. Де-Леон, прямо, открыто, настойчиво ориентируя рабочий класс САСШ на то, что он стоит непосредственно перед задачей совершить пролетарскую революцию и что он в состоянии будет построить социализм в стране, поступал безусловно правильно и тем самым, несмотря на догму II интернационала, вопреки ее оппорту-

истическим авторам, он приходил к революционным выводам в отношении задач рабочего класса в Америке. Но тем не менее необходимо со всей категоричностью признать, что делеоновская постановка вопроса о возможности построения социализма в одной стране есть ленинская, меньшевистская. Объективно делеоновская трактовка построения социализма в одной стране льет воду на мельницу социал-фашизма и легко обращается им в орудие борьбы против строительства социализма в СССР.

Отличие и различие философской основы делеонизма от марксизма-ленинизма, непонимание Де-Леона того, что капитализм вступил в высшую империалистическую последнюю стадию своего развития, явственно показывают меньшевизм делеонизма в целом.

ДЕЛЕОНИЗМ И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ КОМПАРТИИ

В борьбе против коммунизма, против ленинского Коминтерна международный социал-фашизм пытается использовать в качестве отравленного оружия борьбы наряду с люксембургизмом и делеонизм путем их фальсификации и вышнчивания, поднятия на щит их антимарксистских ошибок. Такие антимарксистские ошибки Де-Леона, как в вопросе о строительстве социализма в одной стране, об американской исключительности, о немедленной «ампутации» пролетарского государства, о роли партии, о мирной революции в САСШ и т. д., используются социал-фашизмом особенно широко.

Вот почему между прочим достоинство предисловия г. Райского заключается в том, что в нем уделено большое внимание вопросу борьбы против «левого» крыла североамериканского социал-фашизма, против современной так называемой «социалистической рабочей партии». Им правильно подчеркнута борьба Ленина со всеми полуденцентристскими и полусиндикалистскими ошибками Де-Леона.

Бесспорно, что без преодоления делеонизма невозможно создание подлинной массовой большевистской компартии САСШ, невозможна последовательная борьба против социал-фашизма. Резолюция расширенного (1925 г.) пленума ИККИ по вопросу большевизации компартии указывает, что чем ближе к ленинизму то или другое подлинно революционное направление в довоенном международном рабочем движении, тем опаснее его ошибки, тем больше возможности использовать их в борьбе против большевизма.

Критикуя делеонизм, вскрывая его меньшевистский характер, мы поступаем так же, как и в отношении люксембургизма. Это значит, что путем пролетарской критики того ал-

тимарксистского, антибольшевистского груза ошибок, который наряду с элементами революционного марксизма включает в себя делеонизм, мы выбиваем из рук классового врага пролетариата «чужой флаг», прикрываясь которым социал-фашизм пытается обмануть рабочий класс. Сам Де-Леон правильно, по-марксистски понимал необходимость самокритики как неперемогимого, безусловного средства укрепления пролетарской революции. «Подвергать суровой критике поведение людей с такими благородными стремлениями, какие были у Гракхов, задача неблагодарная», но безусловно необходимая, чтобы «получить предостережение относительно нашего поведения в нынешнюю эпоху» (стр. 91—92).

«Суровая критика» делеонизма — «безусловно необходимая задача» во имя животрепещущих задач пролетарской революции, большевизации компартий, разгрома массовой базы социал-фашизма, завоевания большинства рабочего класса на сторону коммунизма. Но эта «суровая критика» только тогда даст нужный результат, если будет правильно ставиться вопрос об исторической роли и сущности делеонизма в довоенном международном рабочем движении. Вот почему необходима решительная борьба как против той точки зрения, по которой делеонизм объявляется большевизмом и при этом смазываются его антимарксистские полуденцентристские, полусиндикалистские ошибки, так и против той точки зрения, согласно которой делеонизм просто объявляется ревизионизмом.

Только показав подлинную сущность взглядов Де-Леона, его ненависть к капитализму и к его «рабочим приказчикам» — социал-фашистам, мы сможем показать всю опасность сектантских, доктринерских, полуденцентристских и полусиндикалистских его ошибок и тем самым полностью показать бесспорность того, что только «большевизм — образец тактики для всех» с момента его возникновения.

Меньшевистские левые течения возникли в условиях высоко развитой классово-борьбы пролетариата, в обстановке умирающего, загнивающего капитализма как проявления революционного марксизма, как сознательное выражение революционной тенденции в довоенном международном рабочем движении. Однако на деле меньшевистские левые течения овладели лишь элементами революционного марксизма и тянули на себе груз оппортунистических, меньшевистских ошибок. В своей ограниченности и непоследовательности они не понимали того, что только ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции и что следовательно идти вперед и раз-

иваться в пролетарски-революционном духе они могли, лишь освобождаясь от своего груза меньшевистских ошибок.

В эпоху «кануна краха капитализма», когда на очереди дня в связи с отсутствием (за исключением России) непосредственной революционной ситуации стояла задача подготовки пролетарских сил, меньшевистские, подлинно левые течения в международном рабочем движении сыграли при всех своих антимарксистских ошибках в общем положительную роль, так как сознательно представляли в этом движении революционную тенденцию, ядром которой были большевики, готовить рабочие массы, хотя и непоследовательно, с ошибками, к грядущим боям за диктатуру пролетариата.

Само собой разумеется, что груз антимарксистских ошибок, который тянули на себе все левые меньшевистские течения, не мог не повлиять на характер подготовки рабочих масс

к грядущим боям, поскольку не позволял вооружить эти массы смертельно разящим классового врага оружием последовательно революционного марксизма. Вот почему Ленин, большевики в довоенном II интернационале подвергли ожесточеннейшей критике, вели решительную борьбу о непоследовательностью левых меньшевистских течений.

Только ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Только он с самого возникновения последовательно представлял революционную тенденцию в международном рабочем движении.

В историю борьбы рабочего класса за коммунизм Де-Леон войдет как непреклонный борец против капитализма. Пролетариат осуществит призыв Де-Леона, он «поколоти современных британцев — капиталистический класс» и «предает военному суду Гомперсов, Минчелей, Стовсов за измену рабочему классу».

ОТ РЕДАКЦИИ. Сообщаем, что некоторые статьи, посвященные 50-летию со дня смерти Маркса (ЗАЙДЕЛЬ: «МАРКС И БАКУНИН; РАЙСКИЙ: «МАРКС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ»; ПРИГОЖИН — «МАРКС В АНГЛИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ» и др.) ввиду несвоевременного их предоставления в редакцию, не вошли в настоящий № и будут напечатаны в следующих номерах журнала.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА НА **1933** ГОД

на журнал

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Орган ИККИ

15-й год издания

— ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ —

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1933 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год

на 1 мес. — 1 р. 20 коп.

на 3 мес. — 3 р. 60 коп.

на 6 мес. — 7 р. 20 коп.

на 12 мес. — 14 р. 40 коп.

Цена отдельного номера 40 коп.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
на почте, письмоносцами и уполномо-
ченными по партпечати при партячейках.**

Материал сдан в набор 23. II—6/III—33 г.
4 бум. листа. 124032 зн. в бум. листе.
Заказ № 659.

Подписан к печати 9. III—33 г.
Уполномоченный Главлита № В—51149
Издательский № 281. Тираж 20000

Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48.